Иркутский Кремль

Православный альманах

№ 2 (12) 2014

ИЗДАЁТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МИТРОПОЛИТА ИРКУТСКОГО И АНГАРСКОГО ВАДИМА

Со светлым Христовым Воскресением!

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Дерзай, дщерь! Вера твоя спасла тебя
Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов)

СИБИРЬ ПРАВОСЛАВНАЯ

Первосвятитель
Возвращение мощей святителя Иннокентия в Иркутск
Протоиерей Александр Белый-Кругляков

РУССКИЙ ОБЫЧАЙ

Пасха Христова в народных рассказах
«Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири»
Галина Афанасьева-Медведева

Рождество Прес. Бцы
Введение Прес. Бцы
Святая Троица
Благовещение Прес. Бцы
Рождество Христово
Воскресение Христово
Срѣтение Гда нашего Іса Хрта
Вхо Воіероса Гда нашего Іса Хрта
Вознесение Гда нашего Іса Хрта
Преображение Гда нашего Іса Хрта
Оуспение Престыя Бцы
Воскреси Гдь Лазаря Ѿлиг
Оусекно Гдь Іоанна Пре
Воздвижение Крта Гдня
Окаменное по Сложе Про Илии
Покровъ Прес. Бцы

Иркутский Кремль

Православный альманах

№ 2(12) 2014

ИЗДАЁТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МИТРОПОЛИТА ИРКУТСКОГО И АНГАРСКОГО ВАДИМА

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Светлое Христово Воскресение. Пасха 5
Евангелие о Победителе смерти
Святитель Николай (Велимирович)

Дерзай, дщерь! Вера твоя спасла тебя 11
Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов)

Первосвятитель 25
Возвращение мощей святителя Иннокентия в Иркутск
Протоиерей Александр Белый-Кругляков

СИБИРЬ ПРАВОСЛАВНАЯ

«В терпеньи, любви и мольбе...» 37
Воспоминания о моих многострадальных родителях Михаиле Федоровиче, Марии Максимовне Околович
Анна Околович

«Бог нас рассудит...» 55
Воспоминания о владыке Палладии (Шерстенникове)
Лариса Колодезникова

«Будьте, как дети...» 61
Наталья Вертлиб

СКРИЖАЛИ ИСТОРИИ

Манифест русских националистов (1924 г.) 77
Алексей Ганин (Предисловие: С. Куняев)

НАРОДНОЕ ВЕЧЕ

Гесс, Маркс, Энгельс: мистические истоки богоборчества 87
И. Володский

РОССИЯ И МИР

Реабилитация нацизма — на повестке дня мировых правящих элит 101
Ольга Четверикова

РУССКИЙ ОБЫЧАЙ

Пасха Христова в русских народных рассказах 113
По материалам «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири»
Галина Афанасьева-Медведева

Крестьяне и дворяне 131
Анатолий Байбородин

РУССКОЕ ИСКУССТВО

Открыта тайна знаков золотых 161
Наталья Лясковская

Слово о русском художнике 169
Фёдор Ясников

АВТОРЫ НОМЕРА
. 178

Издается по благословению митрополита Иркутского и Ангарского Вадима

Православный альманах
Выпуск № 2 (12), 2014 г.
www.harlamp.ru

Учредитель
Местная религиозная организация православный Приход храма Харлампиевского г. Иркутска Иркутской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

Юридический адрес:
664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 59

Фактический адрес:
664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 59

Главный редактор
Протоиерей Евгений Старцев

Исполнительный редактор
Анатолий Байбородин

Художественный редактор
Елена Антхауф

Компьютерная верстка
Нина Мазутова

Корректор
Людмила Заступова

В журнале использованы фотографии из архивов «ИК», а также иллюстрации с интернет-порталов. Михаило-Архангельский Харлампиевский приход благодарит всех фотографов, в том числе, возможно, и не упомянутых, за братскую помощь в создании русского православного альманаха. Да хранит вас Бог, братья и сестры!

На 1-й странице обложки:
С. Ф. Колесников. Перед пасхальной службой

На 2-й странице обложки:
Образ Воскресения Христова (середина XIX в. Из частного собрания. Германия)

На 3-й странице обложки:
А. И. Вычугжанин. Этюд. 1954 г.

На 4-й странице обложки:
Игорь Таищев, 11 лет. Георгий Победоносец (Православная студия искусств при Михаило-Архангельском (Харлампиевском) храме)

Для писем:
664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 59
E-mail: oestar@mail.ru; a-baiborodin@mail.ru

Контактный телефон:
21-70-26

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Перепечатка текстов и иллюстраций, опубликованных в журнале, допускается только с письменного разрешения редакции.

Отпечатано в ООО «Призма-Пресс»
664035, Иркутск, ул. Рабочего Штаба, 78/5.
Тираж 1000 экз. Цена свободная

Альманах выходит при поддержке компании «Нордэкс»

- **СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПАСХА**
  Евангелие о Победителе смерти
  Святитель Николай (Велимирович)

- **ДЕРЗАЙ, ДЩЕРЬ! ВЕРА ТВОЯ СПАСЛА ТЕБЯ**
  Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов)

- **ПЕРВОСВЯТИТЕЛЬ**
  Возвращение мощей святителя Иннокентия в Иркутск
  Протоиерей Александр Белый-Кругляков

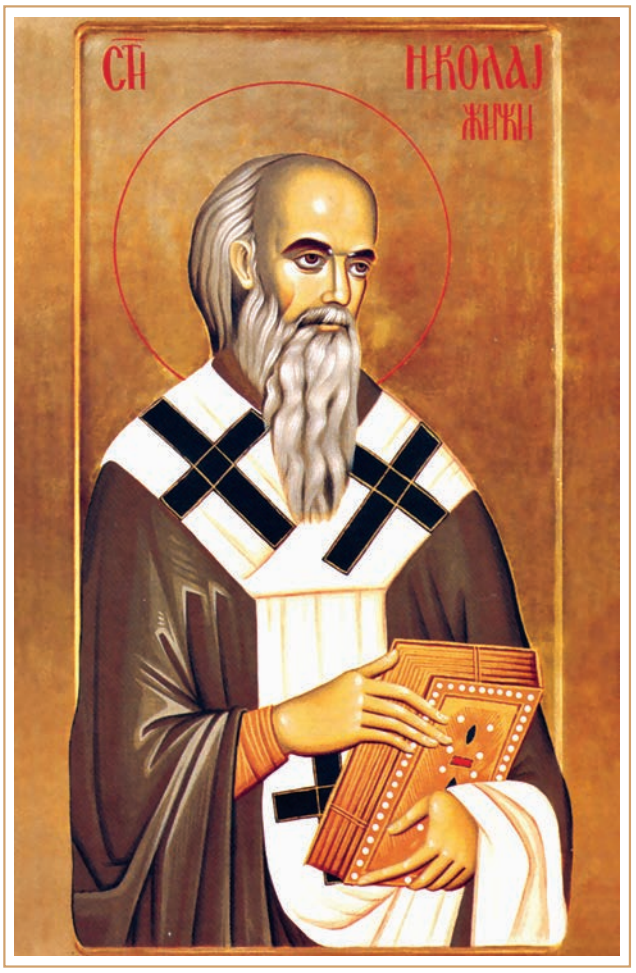
Торжество Православия

Мощи святителя Иннокентия Иркутского Чудотворца
под сенью в Иркутском Знаменском женском монастыре

СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПАСХА

Евангелие о Победителе смерти

М.В. Нестеров. Сошествие во ад.
Эскиз образа иконостаса храма Воскресения Христова в Петербурге (Спас на Крови). 1895 г.



Святитель Николай (Велимирович)

Продрогшие собираются вокруг огня; алчущие собираются вокруг трапезы; измученные долгою ночною тьмой радуются восходу солнца; изнуренные тягчайшею борьбой ликуют при неожиданной победе. О воскресший Господи, как Ты воскресением Своим для всех стал всем! О пребогатый Царю, как Ты одним Своим даром наполнил все пустые руки, воздетые к небу! Радуется небо, радуется и земля. Радуется небо, как радуется мать, питающая своих алчущих чад; радуется земля, как радуются чада, принимающие пищу из рук своей матери.

Победа Христова есть единственная победа, коей могут радоваться все человеческие существа от первозданного и до последнего. Всякая другая победа на земле разделяла и разделяет людей. Когда один царь земной одержит победу над другим царем, один из них радуется, а другой скорбит. Когда человек победит своего соседа, то под одною крышей — песня, а под другою — плач. Но нет на земле победной радости, что не отравлена злорадством: обычный победитель земной радуется сколько своему смеху, столько и слезам побежденного противника. Он и сам не замечает, как злоба наполовину разбавляет его радость.

Когда Тамерлан победил султана Баязида, он посадил последнего в железную клетку и пред клеткою устроил празднество и пир. Вся его радость состояла в злорадстве; его злоба служила пищею его веселью. О братия, какою же краткою радостью бывает злорадство! О, какою ядовитою пищей веселью является злоба! Когда король Стефан Дечанский победил короля болгарского, он не хотел ни вторгаться в болгарские земли, ни порабощать болгарский народ, но с поля битвы направился в уединенную келию, чтобы поститься и молиться Богу. Сей победитель благороднее оного; однако и эта победа, как и всякая человеческая победа, не лишена своего жала для побежденных. И самая благородная человеческая победа подобна некоему солнцу, которое одною половиной испускало бы светлые, а другою — темные лучи. Только Христова победа — как солнце, изливающее светлые лучи на всех тех, кто стоит под ним. Только Христова победа исполняет все сердца человеческие полнотою радости. Только она — победа, в коей нет злорадства и злобы.

«Таинственная победа», — скажете вы? Да, но в то же время — явленная всему роду человеческому, живому и умершему.

«Великодушная победа», — скажете вы? Да, и более того. Разве мать не более чем великодушна, если она не только один или два раза защитила чад своих от змия, но, дабы навеки спасти их, храбро пошла в самое логово змия и попалила его огнем?

«Исцеляющая победа», — скажете вы? Да, исцеляющая и спасающая на веки веков. Сия беззлобная победа спасает людей от всех зол

и делает их бессмертными — делает их бессмертными и безгрешными. Ибо бессмертие без безгрешности означало бы только продление века злу, продление века злорадству и злобе. А бессмертие вкупе с безгрешностью рождает неомраченную радость и делает людей братиями пресветлых ангелов Божиих.

Кто не возрадуется победе Господа Иисуса Христа? Се, Он победил не ради Себя, но ради нас. Его победа не сделала Его ни более великим, ни более живым, ни более богатым; но сделала таковыми нас. Его победа — не себялюбие, а любовь, не похищение, а дар. Земные победители вырывают победу; Христос — единственный, Кто победу отдает. Ни один земной победитель, царь или воевода, не желает, чтобы его победу отделяли от него и приписывали другому; только воскресший Господь обеими руками протягивает Свою победу каждому из нас и не гневается, но радуется, когда Его победа делает нас победителями, то есть более великими, живыми и богатыми, чем мы являемся.

Земные победы, если на них смотреть издалека, выглядят красивее, вблизи же они более уродливы и отвратительны. А о победе Христовой невозможно сказать, когда она красивее: если на нее смотреть издалека или же вблизи. Смотря на победу сию издалека, мы восхищаемся ею, как единственной по блеску, красоте, чистоте и спасительности. Смотря же на нее изблизи, мы восхищаемся ею, видя, сколь ужасных врагов она сокрушила и какое множество рабов освободила. Нынешний день более, нежели прочие дни в году, посвящен прославлению и празднованию этой победы Христовой, и потому подобает рассмотреть ее вблизи как ради лучшего ведения, так и ради большего радования.

Итак, приблизимся к воскресшему и победоносному Господу нашему и спросим себя: во-первых, кого Он победил воскресением Своим и, во-вторых, кого Он освободил победою Своею?

I

Воскресением Своим Господь победил двух злейших врагов человеческой жизни и человеческого достоинства: смерть и грех. Сии два врага рода людского родились еще тогда, когда первый человек перестал быть родным Богу, преступив заповедь послушания Творцу своему. В Раю человек не знал ни смерти, ни греха, ни страха, ни стыда. Ибо, прилепившийся к Богу живому, человек не мог знать смерти; и, живущий в совершенном послушании Богу, он не мог знать греха. А где не ведают смерти, не ведают и страха; и где не ведают греха, не ведают и стыда от греха. Как только человек согрешил, нарушив спасительное послушание Богу, страх и стыд вошли в него; он почувствовал себя бесконечно удаленным от Бога и предугадал над собою косу смерти. Поэтому, когда Бог воззвал к Адаму и сказал ему: Адам, где ты? — тот ответил: голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся (Быт. 3:9–10). Доселе глас Божий укреплял, радовал и оживотворял Адама; а ныне, после содеянного греха, тот же самый глас Божий расслабляет, страшит и умерщвляет его. Доселе Адам видел себя облаченным в ангельское одеяние бессмертия; а ныне он узрел себя грехом обнаженным, окраденным, униженным до скота и умаленным до карлика. Так ужасен, братия, малейший грех непослушания Богу. Убоявшись Бога, Адам скрылся между деревьями рая (Быт. 3:8). Как домашняя кошка, когда одичает и убежит в лес, и начинает прятаться от хозяина и кормильца своего. У бессловесной твари, над коей Адам ранее был всемогущим господином, начал он искать защиты вне Защитника своего. Один грех с молниеносною скоростью повлек за собою другой, третий, сотый, тысячный, пока человек наконец не оскотинился и не заземлился телом и духом. Греховный путь, которым отправился Адам, вел его к земле и в землю. Отсюда и слова Божии: в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься (Быт. 3:19), — выражают не только Божий суд, но и уже начавшийся и быстро развивающийся процесс человеческого заземления и распада.

Потомство Адама, поколение за поколением, заземлялось и распадалось, греша со стыдом и умирая со страхом и ужасом. Люди скрывались от Бога между деревьями, между камнями, между золотом и прахом; и чем больше они скрывались, тем больше от истин-

ного Бога удалялись и истинного Бога забывали. Природа, некогда лежавшая у ног человека, постепенно вознеслась над главою его, так что в конце концов совершенно заслонила от него лице Божие и стала для него вместо Бога. И человек начал обожествлять природу, то есть ее слушаться, с нею соотносить свое поведение, ей молиться и ей приносить жертвы. Но обожествленная природа не могла спасти ни себя, ни человека от смерти и тления. Страшный путь, которым шло человечество, был путь греха; и сей окаянный путь безошибочно вел в один только многоскорбный град — град мертвых. Цари людские царствовали над людьми, а грех и смерть царствовали над людьми и над царями. Чем дальше, тем больше росло бремя греха, будто снежный ком, катящийся с горы. Род людской находился в крайнем отчаянии, когда явился небесный Исполин, дабы спасти его.

Исполин Сей был Господь Иисус Христос. Вечно безгрешный и вечно бессмертный, Он посетил гнилое кладбище рода человеческого, повсюду рассыпая цветы бессмертия. От духа уст Его убегал смрад греха, и от Его слов мертвые оживали. Но Он из человеколюбия взял на Себя гору греха человеческого, как из человеколюбия облекся в смертное человеческое тело. Однако грех человеческий был так тяжек и страшен, что под его бременем и Сам Сын Божий пал во гроб. Стократно блажен гроб сей, из коего потекла для рода людского река бессмертной жизни! Чрез гроб сей Исполин нисшел до ада, где разорил престол сатаны и уничтожил гнездо всех злых и коварных заговоров против рода человеческого; из гроба сего Исполин восшел до наивысших небес, проложив новый путь — ко граду живых. Своею силой Он разорил ад, Своею силой прославил тело Свое и восстал из гроба — Своею собственною силой, нераздельной от силы Отца и Духа Святаго. Смиренно, как агнец, пошел незлобивый Господь на страдания и смерть, и стойко как Бог перенес Он страдания и победил смерть. Его воскресение есть истинное событие и в то же время пророчество и образ нашего воскресения — ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными (1 Кор. 15:52).

Кто-нибудь спросит: «Как же говорят, что воскресший Господь победил смерть, ведь люди все еще умирают?» Всякий, входящий в эту жизнь чрез материнскую утробу, исходит из этой жизни чрез смерть и гроб. Таково правило. Но только для нас, умирающих во Христе, смерть является уже не мрачною бездной, а рождением в новую жизнь и возвращением в отечество свое. Гроб для нас уже не вечная тьма, а лишь врата, у которых ожидают нас светлые ангелы Божии. Для всех, исполненных любви к прекрасному и человеколюбивому Господу, гроб стал просто последнею преградой, преступив кою, они окажутся в присутствии Божием, — и преградой тонкою как паутина. Потому славный апостол Павел восклицает: для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение (Флп. 1:21). Как же Господь не победил смерти, если смерть более и не видна из-за Него? Гроб не глубокая пропасть более, ибо Господь исполнил его Собою; гроб не мрачен более, ибо Господь осветил его; гроб не страшен и не ужасен более, ибо означает не конец жизни, но начало; и гроб не вечное наше отечество более, но лишь врата отечества сего. Различие между смертью до воскресения Христова и смертью после оного подобно различию между страшным пожаром и пламенем свечи. Такою коренною была победа Христова, и так поглощена смерть победою Его (1 Кор. 15:54).

Далее кто-нибудь спросит: «Как же говорят, что воскресший Господь победил грех, ведь люди все еще грешат?» Воистину Господь победил грех. Он победил его Своим безгрешным зачатием и рождеством; и победил его Своею чистой и безгрешной жизнью на земле; и победил его как Праведник, страдая на Кресте; и наконец увенчал все те победы Своим преславным воскресением. Он стал лекарством, верным и непогрешимым лекарством от греха. Зараженный грехом может излечиться только Христом. Не желающий грешить может осуществить сие желание свое только с помощью Христовой. Когда люди нашли лекарство от оспы, они говорили: «Мы победили эту болезнь!» Точно так же говорили, и найдя лекарство от болезни горла, зубной боли, подагры и иных недугов: «Мы эти болезни одолели! Мы эти болезни победили!» Итак, найти лекарство от некоей болезни означает победить болезнь сию. Христос есть несравненный и величайший Врач в истории

Причастие апостолов (фрагмент фрески)

человечества, ибо Он дал людям лекарство от болезни всех болезней, то есть от греха, из коего рождаются все прочие болезни и все прочие страдания человеческие, и душевные, и телесные. Это лекарство — Он Сам, воскресший и живый Господь. Он является единственным и только одним надежным средством от греха. Если люди и поныне грешат и погибают во грехах, сие не означает, будто Христос не победил греха; а означает только то, что данные люди не употребляют единственного Лекарства от своей смертельной болезни; значит, Христос как Лекарство еще недостаточно им ведом; или, если и ведом, они все-таки по каким-либо причинам не принимают Его. Но история свидетельствует тысячами тысяч голосов: возлившие Это Лекарство на душу свою и принявшие Его в тело свое исцелились и стали здравы. Зная немощь нашего естества, Господь наш Иисус Христос повелел верным принимать Его как пищу и питие под видимым обликом хлеба и вина. Сие сделал Человеколюбец из безмерной любви к людям, лишь бы только облегчить им доступ к живоносному лекарству от греха и от тления греховного. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живый Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною (Ин. 6:56–57). Грешащие питаются грехом, и от греха жизнь в них постепенно исчезает. Ядущие же живаго Господа воистину питаются жизнью, и жизнь в них все более возрастает, а смерть умаляется. А чем более возрастает жизнь, тем отвратительнее становится грех. Пошлая и жалкая сладость греха заменяется в них животворящею и радостною сладостью Христа Победителя.

Блаженны испытавшие и вкусившие эту тайну в своей жизни. Их можно назвать сынами света и чадами благодати. Когда они преставятся от жития сего, они словно выйдут из врачебницы — но уже не как болящие.

II

А теперь спросим: «Кого воскресший Господь освободил победою Своей над грехом и смертью?» Людей только ли одной национальности? Или одной расы? Или одного сословия? Или одного общественного положения? Никак. Подобное освобождение свойственно зло-

радным и злобным победам земных победителей. Господь не назван ни иудеелюбцем, ни еллинолюбцем, ни бедняколюбцем, ни аристократолюбцем; но назван Он Человеколюбцем. Следовательно, Свою победу Он предназначил человеку, вне зависимости от всех различий, которые люди проводят между собою. Он одержал победу на благо и пользу всем сотворенным людям, и Он предложил ее всем сотворенным людям. Тем, кто приимет и усвоит победу сию, Он обещал жизнь вечную и сонаследие в Царствии Небесном. Он никому не навязывает Своей победы, хотя она и столь драгоценна, но оставляет людям свободу: принять ее или не принять. Как в Раю человек сделал свободный выбор, взяв из рук сатаны погибель, смерть и грех, так и сейчас он должен свободно избрать, взять ли ему жизнь и спасение из рук Бога Победителя. Христова победа есть бальзам, бальзам животворный, для всех людей, ибо все стали прокаженными грехом и смертью.

Бальзам сей больных делает здоровыми, а здоровых — еще более здоровыми.

Бальзам сей мертвых животворит, а в живых умножает жизнь.

Бальзам сей умудряет, облагораживает, обоживает человека, стократно и тысячекратно увеличивает его силы и возносит его достоинство высоко над всею сотворенною природой, даже до возвышенности и велелепия Божиих ангелов и архангелов.

О дивный и животворящий Бальзам! Какая рука Тебя не приимет! Какое сердце не изольет Тебя на раны свои! Какие уста возмогут воспеть Тебя! Какое перо опишет Твою чудотворную силу! Кто исчислит доныне исцеленных Тобою больных и воскрешенных мертвецов! Кто имеет достаточно слез, чтобы возблагодарить Тебя!

Так придите все вы, братия, страшащиеся смерти! Приступите ко Христу воскресшему, ко Христу Воскресителю, и Он освободит вас от смерти и страха смертного.

Придите и вы, все живущие под стыдом явных и тайных грехов своих, ближе подойдите к Живому Источнику, Который омывает и очищает, Который и чернейший сосуд может сделать белее снега.

Придите вы, все взыскующие здравия, силы, красоты и радости. Се, воскресший Христос есть пребогатый Источник всего того. Он с состраданием и тоскою ждет всех вас, не желая, чтобы кто-нибудь прошел мимо.

Поклонитесь Ему телом и душою. Соединитесь с Ним всем умом своим и всеми помышлениями своими. Обнимите Его всем сердцем своим. Поклоняйтесь не поработителю, но Освободителю; соединяйтесь не с губителем, но со Спасителем; обнимайте не чуждого, но самого близкого Сродника и самого любезного Друга.

Воскресший Господь — чудо чудес; однако именно как чудо чудес Он есть истинная природа ваша, истинная природа человеческая, первозданная, райская природа Адамова. Истинная природа человека и не должна быть в рабстве у окружающей ее бессловесной природы, но призвана властвовать над нею могущественно, всемогуще. И не состоит истинная природа человека в уничижении, в болезни, в смертности и в греховности; но в славе и здравии, в бессмертии и безгрешности.

Воскресший Господь снял завесу с истинного Бога и с истинного человека и явил нам Собою величие и красоту и Одного, и другого. Никто не может познать истинного Бога, кроме как чрез воскресшего Господа Иисуса Христа; и никто не может познать истинного человека, кроме как чрез Него единого.

Христос воскресе, братия!

Воскресением Своим Христос победил грех и смерть, сокрушил мрачное царство сатаны, освободил порабощенный род человеческий и снял печать с величайших тайн Бога и человека. Ему подобает честь и слава, со Отцем и Святым Духом — Троице Единосущной и Нераздельной, ныне и присно, во все времена и во веки веков. Аминь.

Православие.ru

ДЕРЗАЙ, ДЩЕРЬ! ВЕРА ТВОЯ СПАСЛА ТЕБЯ

Богословские, историко-социальные, психофизиологические аспекты служения женщин в Церкви

С.И. Грибков. Благословение на свадьбу. 1886 г.

Архиепископ Курганский и Шадринский
Константин (Горянов)

Невозможно представить историю христианства и, конечно, русского Православия без женщин, без их присутствия в Церкви, без подвига их служения. Здесь под термином «служение» подразумевается не принадлежность к духовенству, но выполнение своего назначения, исполнения чьей-то воли, направление деятельности во благо кого-то или чего-то. А в устаревшем значении — служителем назывался раб, слуга. Так ведь как писал Ф. Тютчев, и «в рабском виде Царь Небесный» ходил, благословляя. И женщины одни из первых поверили Ему и пошли за Ним. Как та, болезная, дерзнувшая прикоснуться с кровавой мольбой к краю Его одежды, и Христос утешительно ей ответил словами, вынесенными в название. Ее, совершившую по тем временам дерзновенный поступок, Господь не укорял, но послал ей исцеление. Господь вообще с искренней теплотой относился к женщинам, большинство из которых в быту подвергалось унижениям и насилию.

В те времена, когда жил Христос, отношение к женщине было как к существу, находящемуся по многим показателям ниже мужчины. И Евангелием, Благой Вестью, было впервые предопределено новое, христианское отношение к женщине в новом, христианском мире. Первым, высшим примером служения Богу среди женщин-христианок стоит Сама Богородица, отдавшая всю Свою жизнь Своему Сыну. Простым женщинам, Ее современницам, была доверена самая важная в истории человечества Весть о Воскресении Христа. Многие женщины, как известно из Нового Завета, сопровождали Христа на Его жизненном пути. Их число в этом служении росло непрерывно после Его Воскресения. Стремление женщин к Свету Истины определяется многими их природными качествами и свойствами.

У женщины есть свой способ существования. У нее есть свойственные ей интуиция, свой способ суждения, свой мир идей, своя манера созидать, свое отношение к себе и другим. Психологически и социологически определяемая миром женщина также определяется и тайной своего собственного существования, знаком своего «покрывала», по слову апостола Павла в Послании к Коринфянам: «…всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову… Посему жена и должна иметь на голове *своей знак* власти *над нею,* для Ангелов» (1 Кор. 11:5, 10). Или по старинной русской пословице — на непокрытую голову женщины Ангелы не садятся. Если мы будем смотреть на женщину только как на соучастницу половой жизни мужчины, только как на мать его детей и на сотрудницу, то, конечно же, это далеко не все объясняет. Это, прежде всего, не объясняет то, почему женщины являются основными по численности прихожанами православных, и не только православных, храмов. В первую очередь в религиозных предпосылках и корнях следует искать истоки женской тайны, особенности женской природы.

Человек есть космическое существо: космос не является для него задним планом. Человеческая плоть создана Богом из земли. Человек сам является частью Творения. Но человек — это не просто один из биологических видов — это еще и богословское понятие. Есть человек — один человек, но в нем два соответственно превалирующих начала: мужское и женское. «Когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его, мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их» (Быт. 5:1, 2). Бог-Троица сотворил «человека по образу Своему» (Быт. 1:27), и вот образ, по которому был создан человек, — это Сын Божий, Слово. Которое «было вначале у Бога. Все чрез Него начало быть» (Ин. 1:2, 3). Этот первообраз — Христос — есть образ Бога Единого. Вы мне не покажете человека, вы мне покажете или мужчину, или женщину. «Человек» есть метафизическое понятие.

Но мы, христиане, знаем также, что Бог не только Един, но и Троичен, Триедин. Отец-Мо-

нархос открывает Себя как источник Ипостасей, и Он дает Им различие в вечном движении любви. Проследим различие по Ипостасям, условно проецируя Их на человека, но не забывая о нашей ограниченности. Мы коснемся богословия образа Божия в человеке схематически, так как это не входит в задачу статьи. Иисус Христос, воплотившееся Слово, по Своему человечеству был мужчина, Который был обрезан, и это событие отмечается в Церкви как праздник. Тогда женское начало в человеке ассоциируется по аналогии со Святым Духом, Который «живет» в Церкви и «дышит, где хочет» (Ин. 3:8). Как это двуединство Сына и Духа являет Отца, так же и двуединство мужчины и женщины являет единого человека. Это единство, эта природная взаимозависимость подтверждается и иллюстрируется этимологией древнего слова «происхождение», означающего — *возникновение, появление чего-либо,* но семантически более емкого, чем понятие «рождение».

Осознавая, что аналогия — это не способ доказательства, а иллюстрация, имеющая педагогическую цель объяснить или подчеркнуть какое-либо положение, сошлемся на знаменитый труд святого преподобного Иоанна Дамаскина «Точное изложение Православной веры» в переводе с греческого А. Бронзова, преподавателя Санкт-Петербургской Духовной семинарии (СПб., 1894). На страницах 18–19 в главе VIII «О Святой Троице» преподобный пишет: «И так, Сын называется Словом и сиянием потому, что рожден от Отца без сочетавания и бесстрастно, и безлетно, и без истечения, и нераздельно. Сыном же и образом Отеческой Ипостаси — потому, что Он — совершенен и ипостасен и во всем равен Отцу, кроме нерождаемости. Единородным же — потому, что Он один только от одного только Отца единственным образом рожден… Ибо, хотя и Дух Святый исходит от Отца, но исходит не по образу рождения, но образу исхождения. Это — иной образ происхождения, и непостижимый, и неведомый, подобно тому, как и рождение Сына. Поэтому и все, что имеет Отец, принадлежит Ему, т. е. Сыну, кроме нерождаемости, которая не показывает различия существа, не показывает и достоинства, но образ бытия; подобно тому, как и Адам, который — не рожден, ибо он — создание Божие, и Сиф, который — рожден, ибо он — сын Адама, и Ева, которая вышла из ребра Адамова, ибо эта не была рождена, различаются друг от друга не по природе, ибо они суть люди, но по образу происхождения».

Но не будем забывать, что образу «происхождения» предшествовал божественный акт «сотворения».

Преподобный Исаак Сирин пишет, что Бог сотворил ангелов в молчании, сотворение же человека не похоже на сотворение ангелов и даже всего космоса. Поставленный на грани духовного и вещественного, человек соединяет в себе все стороны жизни, все стороны космоса и поэтому представляет собой гармонию, составленную из разных звуков. В своем прологе к человеческой истории Библия сразу представляет тайну человеческого существа как неразделимого целого — прежде всего как тайну обращенных друг ко другу лиц. Библия следующим образом повествует о создании человека: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными…» (Быт. 1:26). Обратите внимание — «человека» — в единственном числе, а потом сразу — «и да владычествуют они» — число множественное. И дальше: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его: мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27).

Библия дает нам и другое повествование — почему и как была сотворена первая супружеская чета: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою… И взял Господь Бог человека [которого создал], и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его… И сказал Господь Бог: нехорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему… И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих, и плоть от плоти моей; она будет называться женою: ибо взята от мужа (своего)» (Быт. 2:7–23). (Есть, кстати, известная феминистическая шут-

ка, что женщина значительно выше мужчины, потому что мужчина был сотворен из праха земного, а женщина была сотворена из мужчины, как из более сложного и высшего по достоинству материала; и здесь коренятся истоки феминистского «богословия».)

Итак, первые слова, которые мужчина говорит своей жене: «кость от костей моих, и плоть от плоти моей». Их поэтическое вдохновение направлено на то, чтобы подчеркнуть, что сотворение Евы (имя означает — жизнь) является, по существу, и созданием. Ева отделяется, вычленяется из человека — Адама. Святые Отцы сближают исхождение Святого Духа с тем, что они называют «исхождением» Евы, — иной, чем Адам, однако имеющей одну с ним природу. Это означает, что когда творческий акт Бога призывает Адама к жизни, Адам уже содержит в себе свою составную часть, свою половину — Еву. (Всякий мужчина носит в себе свою Еву — заявляет древнее изречение фольклора.) Сотворение Адама — а Адам в древнееврейском, библейском языке это собирательный термин человека — есть сотворение первоначальной человеческой ячейки, человека как мужчины-женщины, мужских и женских элементов в их первоначальном слиянии до дифференциации. Вот что пишет по этому поводу выдающийся православный богослов В.Н. Лосский в «Догматическом богословии»: «Святой Григорий Нисский, которому следует в этом вопросе святой Максим Исповедник, отвергает якобы неизбежную связь между разделением на два пола и грехопадением. Святой Григорий говорит, что Бог создал пол в предвидении возможности — но именно только возможности — греха, чтобы сохранить человечество после грехопадения. Половая поляризация давала человеческой природе известную защиту, не налагая на нее никакого принуждения; так дают спасательный круг путешествующему по водам, отчего он вовсе не обязан бросаться за борт. Эта возможность становится актуальной лишь с того момента, когда в результате греха, который сам по себе не имеет ничего общего с полом, человеческая природа пала и закрылась для благодати. Только в этом падшем состоянии, когда расплатой за грех становится смерть, возможное становится необходимым… Образуется некий новый космос, который защищается от конечности полом, и так устанавливается закон рождений и смертей. В этом контексте пол есть не причина смертности, но как бы относительное ее противоядие» [1].

Святые Отцы сближают исхождение Святого Духа с тем, что они называют «исхождением» Евы, — иной, чем Адам, однако имеющей одну с ним природу. Это означает, что когда творческий акт Бога призывает Адама к жизни, Адам уже содержит в себе свою составную часть, свою половину — Еву.

Бог разделил полы, поэтому гермафродитизм или манипуляции с переменой пола вызывают у нас интуитивное отвращение. Феминизм, доведенный до крайности, требует эгалитаризма (полного равноправия) и производит плоские формы мужеподобных женщин. «Рациональная», «гигиеническая» любовь срывает «покрывало» и снижает существа до уровня самцов и самок, отнимает у них тайну. Супружество рассматривается под углом производства и воспитания молодняка — чисто социологическое понятие.

Однако ни одно природное явление не вызывало такого философского и научного интереса, как природа пола и связанный с ним «половой диморфизм», заключающийся в наличии различных морфофизиологических признаков у одного биологического вида. Применительно к мужчине и женщине наиболее заметно разделяются функции полушарий головного мозга и способность передачи потомству генетической информации (В.А. Геодакян). В соответствии с теорией «полового диморфизма» женщине принадлежит функция сохранения признаков, а мужчине — их изменения.

По этой теории В.Геодакяна «за женской особью остаются консервативные функции, она сохраняет только полезные признаки. Бла-

годаря этому каждое следующее поколение получает информацию о прошлом по материнской линии, а о настоящем — по отцовской… Женщина в экстремальных ситуациях следует пассивно адаптивной модели поведения, приспосабливаясь к обстоятельствам и как бы «вытаскивая» древний опыт человечества»[2]. Несмотря на то, что женщин обвиняют в излишней эмоциональности, их психика более устойчива и открыта к восприятию трансцендентных явлений. И это связано, вероятно, еще и с материнской функцией, с опытом специфической, не имеющей материальных носителей связи женщины со своим ребенком, переживания которого любящая мать чувствует на расстоянии. Она видит его, в переносном смысле, своими «любящими очами», которые, скорее всего, находятся в ее сердце.

Много сказано в святоотеческой литературе о том, что такое сердце. О том, что оно, с одной стороны, — орган плотский, с другой же — центр нашей личности, в котором совершается наше общение с Богом, где действует нетварная энергия Божия. В некоторой степени эти две формы одного сердца совпадают, но и различны. Связь сердца с Богом более всего чувствует человек молящийся, когда он входит в неведомое самому свое «глубокое сердце». Как говорил старец Силуан, «истинная христианская жизнь течет там, в глубоком сердце, сокрытом не только от посторонних взоров, но в полноте и от самого носителя этого сердца. Кто входил в этот таинственный чертог, тот, несомненно, испытал невыявляемое изумление перед тайной бытия»[3]. Женщина, вынашивающая в себе будущую жизнь, более других, наверное, имеет опыт такого внутреннего зрения, направленного и в свое любящее сердце, и в развивающуюся в ней новую жизнь, поэтому ближе, чем мужчина, может подойти к этой «тайне бытия».

Женщина, вынашивающая в себе будущую жизнь, более других, наверное, имеет опыт такого внутреннего зрения, направленного и в свое любящее сердце, и в развивающуюся в ней новую жизнь, поэтому ближе, чем мужчина, может подойти к этой «тайне бытия».

Иначе, как можно объяснить подвиг нашей современницы, матери ставшего местночтимым святым солдата Евгения Родионова, замученного чеченскими боевиками за то, что он отказался снять нательный православный крест в обмен на свою жизнь. И был казнен, и казнь была лютой. Подвиг его матери состоит в том, что она послала своего ребенка на заведомо опасную, но обязательную службу — во имя Родины. И в том, что прочувствовала и пережила вместе с сыном его муки, находясь вдали от него. И в том, что пошла сама на мучения во имя того, чтобы исполнить христианский долг — найти тело своего мальчика и предать его земле. Она, стареющая, убитая горем женщина, одна пошла на территорию тьмы в поисках останков своего обезглавленного сына-солдата. «Подняла руки — без ногтей, скрюченные от застывшей боли. Показала ими в сторону далекого горного склона — он там. В каменной яме, которую вырыла собственными руками, ногтями, оставленными там же, среди каменной крошки. Сколько перед этим пролежала без памяти, когда отыскала в волчьей яме родную рыжую головушку, из-за которой дразнили ее Женьку ласково во дворе и в школе «Золотистый-золотой», — не знает. Сколько потом еще пролежала рядом с найденным обезглавленным телом ее мальчика — не ведает тоже. Но очнувшись, поглядев в чужое безжизненное небо, оглядев стоявших вокруг нее в замешательстве боевиков, усмехнулась им и порадовалась вдруг страшному: не дала лежать сыночку, разбросанному по разным уголкам ущелья…»[4]

Наверное, Россия, беспрестанно терзаемая адовыми силами, потому и находится до сих пор под Покровом Пресвятой Богородицы, что способствовали тому и русские женщины. По примеру Богоматери, на протяжении веков и тысячелетий они род от рода жертвенно отдавали сыновей «во имя жизни» других и привносили свою лепту в этот Покров своими жертвами, слезным страданием и сострадани-

ем жертве Господней. Сколько сердечных мук выпало на долю русской женщины, русской матери, сколько пролито слез! Так что страдания и слезы стали считаться характерными чертами женского характера. Но по учению Отцов Церкви — велика и благодатна их ценность. Считается, слезы — это очищение, признак возрожденного человека. По словам аввы Пимена, «плач — это путь, переданный нам Писанием и Отцами, говорящими: Плачьте. Нет иного пути, кроме этого». Слезы приносят много полезного. Они очищают сердце человека, даже просветляют его. Невозможно познать себя на пути покаяния без слез. А стремление к покаянию приводит в Церковь, с которой у женщин во веки веков складываются отношения, установленные Богом.

Есть в 5-й главе Послания к Ефесянам знаменитые слова апостола Павла, касающиеся отношения мужчины и женщины: «Муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви… мы члены тела Его (Христа), от плоти Его и от костей Его. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика» (Еф. 5:23, 30–32). Взаимоотношения между мужчиной и женщиной, по замыслу Божию, — это прежде всего отношения между Иисусом Христом и Его Церковью. Вот истинный религиозный смысл существования мужчины и женщины — Христос и Его Церковь. Эти отношения являются внутренним основанием сотворения мира. По этому поводу Лосский пишет: «Новая тварь во Христе, Втором Адаме, открывает перед нами глубинный смысл того разделения, в котором, несомненно, не было ничего “добавленного”: мариология, любовь Христа и Церкви и таинство брака проливает свет на полноту, возникающую с сотворением женщин» [5]. Вот почему отношения между Ягве и Израилем описываются в виде брака, образ которого с таким величием дан в «Песни Песней». Следовательно, именно в образе Божественного мы должны искать единственно правильное разрешение человеческих отношений.

Это означает, что религиозный принцип в человеке выражается женщиной, что особой чуткостью к чистому, духовному наделена именно женщина, что женская душа гораздо ближе к источникам бытия.

Думая о Боге, мы представляем Существо, обладающее всеми видами власти, в первую очередь потрясает Его непостижимое всемогущество. И наш «Символ веры» начинается словами «Верую во Единого Бога-Отца Вседержителя». Божественное всемогущество отождествляется с «Отеческим». Для всего и по существу Бог есть Отец: из Него предвечно рождается Сын и исходит Святой Дух. И только потом Он — Творец человека. По своей структуре человек создан по образу Божию. Но самое странное открытие, которое нас ожидает, это то, что мужчина не обладает отцовским инстинктом в той степени, в которой женщина обладает материнским инстинктом. Инстинкт отцовства выражен намного слабее в людях, чем материнский. Мужчина — это воин (первое убийство совершено мужчиной, а не женщиной), строитель, искатель приключений. Нет ничего непосредственно в мужской природе, что отвечало бы религиозной категории отцовства. Это означает, что религиозный принцип в человеке выражается женщиной, что особой чуткостью к чистому, духовному наделена именно женщина, что женская душа гораздо ближе к источникам бытия. Это настолько верно, что даже духовное отцовство пользуется образами материнства. Апостол Павел в Послании к Галатам пишет: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос» (Гал. 4:19), а догматик 3-го гласа подчеркивает аналогию между отцовством Отца и материнством Богородицы: «Како не дивимся Богомужному Рождеству Твоему, Пречестная, искушения бо мужеского не приемши, Всенепорочная, родила еси без отца Сына плотию, прежде век от Отца рожденного без матери». В переводе на русский — «Ты родила без отца Сына, того Сына, Которого Отец родил без матери прежде всех веков». Мысль ясна в своем богословском утверждении: ма-

О. А. Кипренский. Мать с ребенком. Портрет госпожи Прейс. 1809 г. Третьяковская галерея

теринство Пресвятой Девы полагается как человеческий образ Божественного Отцовства. Между религиозностью и женской духовностью есть особое соответствие. Вот почему противники Христианства, такие как современник Оригена Цельс в III веке или в XIX веке немецкий философ Ницше, обвиняют Христианство в том, что оно придает цивилизации характер женственности. Мужественность их гуманизма не выносит женской чуткости, которая переплетается с ценностями веры. Чем больше в цивилизации элементов секуляризации, тем больше в ней мужественности. Современная цивилизация обезбоживается, секуляризируется и, как результат, порождает феминизм, все эти многочисленные образы мужеподобных женщин, с которыми мы постоянно сталкиваемся. Это тоже одно из проявлений потери религиозности, христианского мироощущения и обездушивания нашего общества и нашей цивилизации. Чем больше в цивилизации мужского начала, тем больше там отчаяния, тем больше она отделена от истинно религиозного женского начала.

Современная цивилизация обезбоживается, секуляризируется и, как результат, порождает феминизм, все эти многочисленные образы мужеподобных женщин, с которыми мы постоянно сталкиваемся. Это тоже одно из проявлений потери религиозности, христианского мироощущения и обездушивания нашего общества и нашей цивилизации.

Между тем, если Христос спасает мир, то именно Богородица его охраняет и вводит в бесчеловечность отношений этого мира умиленное внимание к благодати. «Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим». Радость космическая и земная присуща мариологии, многие молитвы называют Пресвятую Деву «Радость всякой твари», и через Нее женская духовность представляется связанной с Духом Святым. «Дух Святый найдет на Тя» (Лк. 1:35). Противоположность этому — атеизм всякого рода. Мы можем говорить об атеизме времен Великой французской революции, марксизма или об атеизме времен Гитлера, когда подчеркивалось сильное, мужественное, воинственное начало, а всякие женские черты — жалость, милосердие — объявлялись презренными и недостойными. Чекистам выдавался орден «За беспощадность». Всякий атеизм содержит в зародыше самую глубокую горечь и заявляет себя мужественным, но, по существу, это атрофия религиозного чувства зависимости от Отца. Между тем источник всякой морали находится именно в материнском начале — это чистота, самопожертвование, защита слабых, милосердие.

Именно на такие жестокие богоборческие, атеистические времена первой половины XX века приходится жизнь нашей соотечественницы, окончившей свои дни в эмиграции, матери Марии (Елизаветы Юрьевны Скобцовой). Остротой своего духовного зрения, опытом своего земного пути она постигла и образно выразила, что главный смысл любви — только евангельский, включающий в себя все перечисленные свойства женского начала. «Вообще в мире существует две любви — берущая и дающая… Даже те виды любви, которые, по всеобщему признанию, являются самыми высшими, могут носить двоякий характер… Мать может зачастую забывать себя, жертвовать собою для своих детей — это еще не обеспечивает ей христианскую любовь к детям. Надо поставить вопрос, что она в них любит… Она может любить в них свою плоть, черты своего характера, отраженные в них свои вкусы, продолжение рода… Это вид похотливой материнской любви. И только та материнская любовь, которая видит в своем ребенке подлинный образ Божий, присущий не только ему, а и всем людям, но отданный, как бы порученный на ее ответственность, который она должна развить и укрепить для всей неизбежной на христианском пути жертвенности, во всем перед ним лежащем крестном подвиге христианина — только такая мать любит своего ребенка подлинной христианской любовью». «Чем можно мерить и определять пути

человеческие? Какой их прообраз, первосмысл, предел?» — спрашивает нас монахиня, и сама отвечает: «Это путь богочеловеческий, Христов путь на земле» [6].

Каждого человека мать Мария призывает проделать Христов путь на земле. А исток этого пути надо искать во временах Ветхозаветных. В Библии «Ева» означает не просто имя, она означает прежде всего «жизнь» (Быт. 3:20). «Второй Евой» была провозглашена Богородица на Третьем Вселенском Соборе в Ефесе. Та, Которая рождает Бога Предвечного, Та, Которая дает жизнь Живущему в человеческом начале и Сама обретает Бессмертие. Теперь понятно, почему именно женщина получает обетование спасения, к женщине обращена весть Благовещения, женщине прежде всего является Воскресший Христос. «Жена, облеченная в солнце» — это выражение из Апокалипсиса (12:1) есть образ Нового Иерусалима. Библия возводит женщину в религиозное начало человеческой природы. Она произносит смиренные слова: «Се, Раба Господня; да будет Мне по глаголу Твоему». И это «да будет» Она произносит от имени всего человечества в ответ на творческое «да будет» Отца Небесного. Божественному Отцовству, Которое рождает Сына и от Которого исходит Дух Святой, прямо отвечает женское материнство, как религиозная специфическая особенность человеческой природы. Рядом с Марией стоит чисто пассивная и безмолвная фигура Иосифа.

Теперь понятно, почему именно женщина получает обетование спасения, к женщине обращена весть Благовещения, женщине прежде всего является Воскресший Христос. «Жена, облеченная в солнце» — это выражение из Апокалипсиса (12:1) есть образ Нового Иерусалима. Библия возводит женщину в религиозное начало человеческой природы.

В религиозной сфере именно женщина есть сильный пол. Одни толкователи объясняют библейское повествование о грехопадении тем, что сатана выступил пред Евой как перед «слабым полом», перед самой уязвимой частью человека в целом. Другие считают, что как раз наоборот: Ева подверглась искушению как религиозное начало человеческой природы. Именно в этом начале, прежде всего, надо было уязвить человека и его испортить. Когда орган, самый восприимчивый, самый чуткий к общению между Богом и человеком, приведен в расстройство, остальное совершается само собой. Адам не проявляет никакого сопротивления и пассивно следует за Евой. В Еве он уже вне Бога в силу Божественного устава: «…и будут одна плоть» (Быт. 2:24).

Кажется, невозможно усомниться в реальности райских времен протоистории человечества и в последующей истории грехопадения, когда обращаешься к русской поэзии, особенно женской, и ее лучшей представительнице Анне Ахматовой. Стихи талантливой поэтессы буквально пронизаны тоской по скоротечности времени, по каким-то иным мирам и временам. Так говорит об этих переживаниях поэтессы богослов, религиозный литературный критик Михаил Дунаев: «…тоска по вечности есть тоска человека, хранящего смутные воспоминания об утраченном рае» [7]. В женском сердце в большей степени хранятся эти воспоминания. Поэтому, наверное, женщине был дан высокий дар убедительного слова, чтобы рассказать о своих «воспоминаниях», выражающихся не столько зримыми образами, сколько переживаниями.

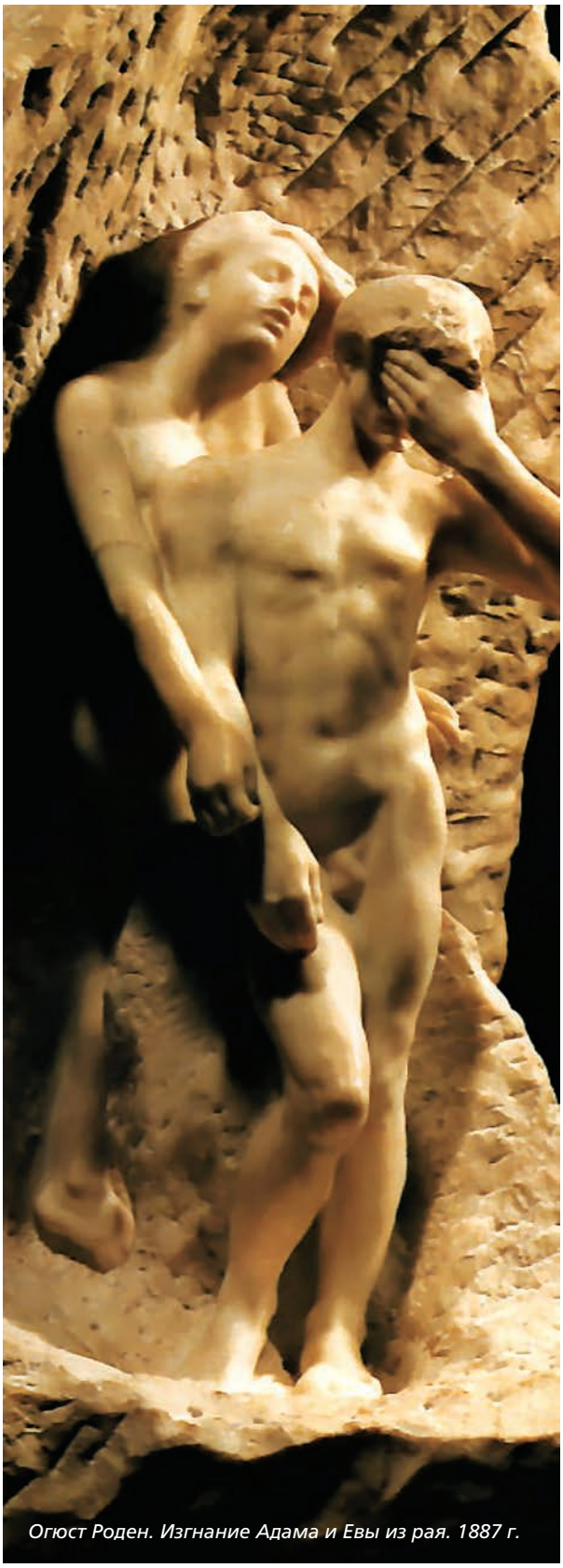
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен.

Переживания поэтессы, к поэтическому слову которой, как к яркой иллюстрации духовного поиска, имеет смысл здесь обратиться, отражают еще две взаимосвязанные христианские категории — грехопадения и страдания. Их поэтесса на протяжении своей жизни, в границах своего творчества, исследует «преодолением плотского, греховного и тяготением к Горнему, к Богу» (М. Дунаев). Пережив мучительные страстные соблазны молодости, находясь над бездной греха, творчески заглянув в

нее, поэтесса находит в себе силы в искуплении отпрянуть, и после этого она уже видит не следы времени, а шаги вечности. Ей видится

В каждом древе распятый Господь,
В каждом колосе тело Христово.
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.

Проблемы грехопадения исследует в терминах богословско-философских и ее современник, выдающийся русский ученый Виктор Несмелов (1863–1937). Он выстраивает психологическую историю преступления. Диавол пытался привести жену к такому выводу, что Бог дал людям Первую заповедь о невкушении плодов с древа познания добра и зла будто бы только по нежеланию людям добра. И это должно было вызвать в людях чувство вражды к Богу. Но если мы будем точно следовать библейскому рассказу, то нам будет до очевидности ясно, что Ева совсем не сделала того заключения, на которое толкал ее диавол. Ведь на самом деле она обсуждала свою погибель, только ложное сообщение змия, и совсем не осуждала Божию заповедь. «Но в своем разговоре с лукавым искусителем Ева хотя и упоминала о Боге, однако думала только о себе самой, и хотя она упоминала о Божией заповеди, однако думала все-таки не о заповеди, а только о мнимых и действительных свойствах запрещенного дерева» [8]. Очевидно, она *обольстилась* необычайно легкой возможностью достигнуть Божеского видения о добром и злом. Следовательно, она преступила Божию заповедь не назло Богу, не в видах намеренного противодействия воли Его, а лишь на мнимое добро себе самой. Библейская история ясно говорит, что сначала Адам и Ева устыдились только своей наготы, т. е. у них появилась неотвязная мысль, что они весьма сходны с обыкновенными животными. Они устыдились самой мысли о близости их к миру животных, и вследствие этого они и поспешили скрыть от мира и от себя самих свое несомненное сходство с животными, чтобы отделить себя от этого мира и не видеть того, что говорило им об их ничтожестве. «Они захотели, чтобы их высокое положение в мире зависело не от свободного развития ими своих духовных



Огюст Роден. Изгнание Адама и Евы из рая. 1887 г.

сил, а от физического питания их известными плодами, значит — они в сущности захотели того, чтобы их жизнь и судьба определялась не ими самими, а внешними материальными причинами» [9].

И еще по ряду причин, говоря о грехопадении, мы обращаемся в первую очередь к роли женщины. Являясь религиозным началом, женщина более открыта по отношению к духам. Человечество перед Потопом представляет собой эпоху, в которой космический элемент, бесформенный и коллективный, при самом странном смешении человека, природы и бесов, господствует над личным началом. Слепой, панический ужас поднимается из недр матриархата. Женщина управляет племенами, она жрица у друидов, всюду предмет табу, колдунья, ведьма и волшебница. Место мужчин ничтожно. Божества женского пола — Изида в Египте, Иштари Ману на берегах Евфрата, Астарта в земле Ханаанской и другие — властвуют над божествами мужского рода. Эта эпоха окружена великим мраком (Быт. 6:1–4). Но именно женский образ, правда, часто без головы, был запечатлен первыми мастерами в виде каменных, костяных или глиняных фигурок — так называемые «неолитические Венеры». И почти от сотворения мира женщина считалась и долго оставалась символом плодородия и вечной жизни, это Мать-сыра земля, а позже — варианты Софии, Премудрости.

Этот мир, в котором женская харизма, самая тонкая, самая возвышенная религиозная харизма уже не играет почти никакой роли, становится все более и более безбожным, потому что у него нет Матери, и Бог, образно говоря, в этом мужском обществе не может родиться.

Много примеров проявления последнего качества можно привести из русской истории. Это, конечно, жизнь равноапостольной княгини Ольги, правящей Русью в 945–964 годах. Она собирала земли русские, стояла у истоков крещения Руси, первой выбрала правильный вектор. Колдовством и знахарством называли при дворе Византийского императора знания и труды еще одной нашей знаменательной соотечественницы, жены правителя Византии — Евпраксии, или Добродеи-Зои. Дочь князя киевского Мстислава Владимировича (XII век), женщина-ученый, написала медицинский трактат, содержащий главы по вопросам гигиены, микропедиатрии, дерматологии, внутренних болезней и гинекологии. Значение его простирается и в наши времена. Как не вспомнить образованную Анну Ярославну, королеву Франции, дочь Ярослава Мудрого (XI век). Она привезла с собой во Францию библиотеку, в которой находилось знаменитое Евангелие на славянском языке. На этой книге в течение многих веков клялись короли Франции, вступая на престол. Королеву Анну вспоминают и как основательницу женского монастыря вблизи Парижа.

Многих можно вспомнить наших соотечественниц — благочестивых цариц и государыней, мучениц и паломниц, основательниц монастырей и школ. Но высший уровень этой женской премудрости состоит в том, чтобы быть рабой Божией. То есть жить, как говорила мать Мария, опираясь на слова: «Не я живу, но живет во мне Христос». И такой святой жизни есть примеры в нашем Отечестве. Ксения Петербургская — всенародно любимая, почитавшаяся еще при жизни святая. Ксения Григорьевна Петрова принадлежит к числу истинно блаженных, прошедших весь путь нравственного самоусовершенствования и всецело посвятивших себя на служение Господу Богу. Она несла Благую Весть через свой подвиг ради спасения и любви к ближним. От Господа она получила дар прозорливости и чудотворения и сегодня в Его чертогах являет предстательство за нас.

Но современный, особенно западный мир, при определенном допущении превосходящего значения женского рода, все-таки является сугубо мужским. Этот мир, в котором женская харизма, самая тонкая, самая возвышенная религиозная харизма уже не играет почти никакой роли, становится все более и более безбожным,

потому что у него нет Матери, и Бог, образно говоря, в этом мужском обществе не может родиться. Показательно то, что в этой атмосфере гомосексуальность открыто и агрессивно утверждается. И нашей стране навязываются гей-парады содомитов. Мир слишком жесткий, мужской, недооценивает свое вечное происхождение: прозрачный источник девственной чистоты и материнское чрево, которое принимает Слово и рождает Его, чтобы сделать из людей Его служителей.

Мир начинается в Адаме-мужчине и кончается в Новой Еве — Пресвятой Богородице и в нашей земной Церкви — супруге Агнца. У истоков существа, в тайне событий, которые решают судьбу человечества, так же как у истоков жизни, есть женское начало: Ева — Мария — Жена, облеченная в солнце, — вот почему немедленно против Евы поднимается змий, а на пути жены Апокалипсиса, облеченной в солнце, поднимается красный дракон (Апок. 12:1–3). Именно жене было дано обещание, что она будет попирать главу змия (Быт. 3:15). А мужчины, как пишет евангелист Лука (24:25), «немысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать» рассказу женщин о Воскресении Христа. И когда женщины-мироносицы, которые просто и без сомнений «вспомнили слова Его» (Лк. 24:8) и возвестили апостолам радостную весть о Воскресении, то апостолам «показались слова их пустыми, и они не поверили им» (Лк. 24:11).

Итак, женский пол — это пол, сильный в своей мистической чувствительности к духовным силам, в своей восприимчивости к благовещаниям. Будучи открытой духам, женщина должна иметь дар их различения. Но для этого различения требуется духовный талант и серьезный религиозный опыт, приобретению которого не должны и не могут помешать социальные реалии нашего времени.

Итак, женский пол — это пол, сильный в своей мистической чувствительности к духовным силам, в своей восприимчивости к благовещаниям. Будучи открытой духам, женщина должна иметь дар их различения. Но для этого различения требуется духовный талант и серьезный религиозный опыт, приобретению которого не должны и не могут помешать социальные реалии нашего времени.

России XX века было суждено приобрести страшный опыт этой истории, пройти через пропасти уникальной исторической судьбы. Но этот опыт полон ценного смысла для всех народов, которые умеют чувствовать и понимать историю. Это грозное предостережение апокалиптического характера имеет всемирное значение. Великий писатель и провидец Достоевский говорил, что духовное решение русской судьбы находится в руках старцев, а они особо почитали Пресвятую Богородицу, и Пресвятая Дева отметила преп. Серафима Саровского Своим собственным знаком, сказав, что сей от Ее рода. Существует такая духовная связь: подвиг старчества произрастает из пророческого служения, а пророчества от Святого Духа: «Верую… и в Духа Святаго… глаголавшаго пророки…» Это почитание материнского начала объясняет один факт неизменной важности — совершенно особый интерес этих духовных руководителей к женским монастырям. Знаменитый оптинский старец Макарий первый открыл двери своей кельи женщинам — это было настоящее событие. До этого женщин принимали в строениях вне монастыря. Оптинский старец Амвросий основал женскую обитель в Шамордино с тысячью монахинь. В этом уникальном монастыре был приют для сирот, больница, дом для престарелых женщин и, наконец, школа для девушек. По замыслу о. Амвросия этот монастырь в совокупности своей деятельности должен был стать школой специальной подготовки русской женщины. Вспомним также и великого молитвенника земли Русской, который жил в нашем XX веке, святого праведного Иоанна Кронштадтского, который основал также женскую обитель и Дом милосердия, и Дом труда. Все эти великие духовные старцы в конце своей жизни посвятили себя задаче создания женских монастырей. Они предчувствовали великий

Икона Пресвятой Богородицы «Умиление» Серафимо-Дивеевская

взрыв богоборческих сатанинских сил у нас на Руси, предвидели катастрофу 1917 года и создавали и укрепляли женские обители, сильные бастионы духовной борьбы. Этот факт не может быть случайным. Он свидетельствует о прозорливости духовников, предчувствовавших грядущие бесчеловечные эксперименты марксистов.

Эмансипация женщин и равенство полов имеет первостепенное значение в революционных заботах последних. Воспитание в женщине мужеподобных черт имело целью изменить ее антропологический тип, сделать ее внутренне, в своей природе, более-менее идентичной мужчине. Однако когда женщина занимает место мужчины, она не приносит ничего нового; напротив, она теряет чувство своей женственности и своего собственного призвания. Являясь религиозным началом, она подчиняется духам; больше чем мужчина она поддается магическим и бесовским силам. Известны одержимые женщины-палачи времен Гражданской войны, например Роза Землячка (Залкинд), получившая у своих товарищей чекистов кличку Демон. Поэтому и этот проект нивелировки разницы полов показывает наличие самой яростной борьбы против закона Божия, так как это есть уничтожение специфического харизматического благодатного женского состояния.

Однако женщина наделена особой жизненной силой, так как является хранительницей генетического кода. Славянские женщины наделены сильным генетическим потенциалом, передают потомству не только здоровье, красоту, волевые качества, но и свет своей души. Женщина одарена интуитивным пониманием ценности Духа Святого, она естественно и по преимуществу обладает религиозным чувством, и знаменитые слова Тертуллиана — «душа по природе есть христианка» — относятся, прежде всего, к женщинам. Все десятилетия безбожия вера в Советском Союзе сохранялась в Православной Церкви — женщиной. Религиозное обновление, которое сейчас происходит в нашей стране, а также продолжение традиций, тоже во многом связано с ролью женщины как супруги и матери. Современный мир удивлен тем значением и ролью женщины в передаче веры. Все подчеркивают эту скромную, чистую женственность, которая, кажется, более всего вдохновляется древнейшей иконой Божией Матери «Умиление», во веки веков спасающей Русь-Россию.

И сегодня, во времена, когда идет нескрываемая борьба против традиционных основ бытия, против семьи, против воспитания детей в нравственных правилах, именно русская женщина смиренно, каждодневно, изнутри воссоздает христианскую Россию. Именно русская женщина есть основная опора в духовном возрождении нашего Отечества. Наши женщины сегодня — те самые активные православные христианки, которых в подавляющем большинстве можно видеть в храмах. Женщина в Церкви может сделать все, кроме свершения Таинств и проповеди с амвона. Она может быть миссионером, создателем прихода, строителем храма, основателем приходской школы, может мыть полы, чистить подсвечники и даже быть игуменией в монастыре. А какова сила ее молитвы! Бывает достаточно ей сказать от всего сердца простые, задушевные слова, обращенные к Господу, чтобы быть услышанной. На таких женщинах, слава Богу, еще стоит Русская земля и вера Православная.

Примечания

1. *Лосский В.Н.* Догматическое богословие. М., 1991. С. 246–247.

2. Цит. по: *Ершова Г., Черносвитов П.* Наука и религия: новый симбиоз. СПб., 2003. С. 69.

3. Цит. по: *Митрополит Иерофей (Влахос).* Православная психотерапия. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004. С. 158.

4. *Иванов Н.* «Золотистый-золотой» // Родная Ладога. 2008. № 3. С. 148.

5. *Лосский В.Н.* Указ. соч. С. 246–247.

6. *Мать Мария (Скобцова).* Типы религиозной жизни / Свято-Филаретовский православно-христианский институт. М., 2006. С. 55.

7. *Дунаев М.* Вера в горниле сомнений. М., 2003. С. 867.

8. *Несмелов В.* Наука о человеке. Т. 2 : Метафизика жизни и христианское Откровение. Казань, 1906. С. 232–251.

9. Там же.

ПЕРВОСВЯТИТЕЛЬ

Возвращение мощей святителя Иннокентия в Иркутск

Образ Первосвятителя Иркутского Иннокентия Чудотворца. XIX в.
(Музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Москва)

Протоиерей
Александр Белый-Кругляков

После празднования 1000-летия Крещения Руси наступило время, когда множество людей ринулись в церковь. Пришли новые времена. Многие еще не подозревали, какие трудности принесет с собой долгожданная «свобода». Но идеологические заторы на пути к Церкви были уже смыты, и народ пошел креститься. В последний месяц лета 1990 года в Крестовоздвиженской церкви Иркутска крестины совершались ежедневно. В воскресные дни число крещаемых переваливало за сотню. Вместе с крещаемыми, естественно, приходили крестные родители, родственники и просто друзья. В жаркие летние дни это было настоящим испытанием и для тех, кто крестился, и для священника, уходившего после совершения Таинства в насквозь мокром подряснике. Как-то в одно из этих августовских воскресений крещение было отменено, так через неделю вместо ста крещаемых пришли двести.

Усталость становилась привычным состоянием и поэтому ожидавшееся рождение дочери было не просто причиной естественной в таких случаях радости, но и надеждой на отпуск. Двадцатого августа у нас появился третий ребенок. Я жил тогда в епархиальной гостинице при Иркутском Знаменском кафедральном соборе — служебного жилья для священнослужителей в Иркутске всегда не хватало, а пока квартирный вопрос решался, матушка моя находилась у родителей в другом городе, где и родилась Маша. Обстоятельство казалось мне вполне убедительным, чтобы отпроситься домой. Епископ, выслушав меня и поздравив с рождением дочери, объявил, что отпуск будет позже, а сейчас есть важное дело. Я не ожидал отказа и был огорчен, но только до тех пор, пока не узнал причину, по которой отпуск отменялся. Она, эта Причина, была настолько неожиданна и значительна, что не оставляла места разочарованию. Нас с отцом Сергием Кузнецовым отправляли в Ярославль получить и доставить в Иркутск мощи святителя Иннокентия Иркутского Чудотворца.

Святитель Иннокентий был первым Иркутским епископом. Собственно, с него и начала свое историческое бытие Иркутская епархия. Это был удивительный человек, за короткий срок отпущенных ему лет испытавший столько, что хватило бы на несколько долгих жизней. Следы его подвигов остались и в Киеве, и в двух российских столицах, и в Монголии, и на огромных просторах Прибайкалья. После блаженной кончины Владыки, наступившей в 1731 году, у его гробницы начались бесчисленные чудеса. По прошествии нескольких десятилетий, ввиду очевидных фактов и по многочисленным просьбам жителей Иркутска, святитель Иннокентий был причислен к лику святых. Неисчислимое количество паломников приходи-

Знаменский женский монастырь в г. Иркутске (фото: www.club.shintoptrophy.ru)

ло к раке с нетленными мощами Иркутского Угодника, неся к нему свои беды, болезни и испрашивая молитвенного заступничества.

Все прекратилось вскоре после революции. Большевики изъяли нетленное тело Иннокентия и увезли в неизвестном направлении. Перед тем как святыня покинула Иркутск, комиссары сделали опись мощей. Опись производилась весьма тщательно, наподобие судебно-медицинской экспертизы. Можно представить себе недоумение воинствующих атеистов, которые описывали нетленное тело человека, умершего почти двести лет назад. Степень растерянности присутствующих отражает употребленный в составленном документе термин «нечто». Этот документ сыграл важную роль в истории возвращения мощей.

В новейшие времена, благодаря усилиям двух архиереев — архиепископа Хризостома (ныне заштатный митрополит Виленской и Литовской епархии) и епископа Вадима (ныне митрополит Иркутский и Ангарский), а также сотрудника Иркутского исторического музея Олега Бычкова и сотрудницы Ярославского музея Елены Акиндиновой, мощи были найдены. Оказалось, что в тридцатые годы они (мощи) проделали дальний путь. Сначала в Москву, а затем — в Ярославль… в музей атеизма!

Вернуть святыню Церкви было непросто. Государственная система, хотя уже и с «пробуксовкой», но все же сопротивлялась. Последним из аргументов госчиновников было утверждение, что мощи — не Иннокентия, а какого-нибудь другого святого. Вот здесь и пригодилась опись, которую оставили большевики. При сличении документа с найденным телом сомнениям не оставалось места.

Вскрытие мощей святителя Иннокентия Иркутского Чудотворца в 1921 г. (фото из фондов ИОКМ)

Снабдив нас всем необходимым, Владыка предупредил, что встреча мощей в Иркутске будет торжественной и поэтому святителя Иннокентия необходимо привезти, хоть и во временной, но достойной святыни раке.

Самолет доставил нас из Иркутска в столицу, откуда поездом мы прибыли в Ярославль. В епархиальное управление Ярославской епархии добрались к вечеру. Владыки Платона уже

не было, и нас довольно холодно и безучастно встретил канцелярский работник. Как выяснилось, ночевать негде и надо ждать до утра, когда придет архиерей. Это обстоятельство расстроило нас, но тогда мы еще не знали, что впереди ждут гораздо более неприятные неожиданности. Видя нашу растерянность, епархиальный шофер посоветовал позвонить в Толгский монастырь. Трубку подняла игуменья Варвара, которая любезно предложила приехать в обитель и, более того, пообещала любую возможную помощь.

Свято-Введенский Толгский монастырь (фото: www.rosistok.ru)

Толгский женский монастырь располагается в очень красивом предместье Ярославля. Незадолго до описываемых событий монастырь занял свою историческую территорию после многих лет пребывания на ней детской колонии. Населяли его в основном молодые инокини и послушницы. Это было удивительно, так как работы по восстановлению принадлежавших монастырю храмов и содержанию хозяйства были весьма тяжелые. Действовал только Спасский храм, который до революции был больничным и имел низкие потолки. Стены остальных полуразрушенных храмов были «расписаны» малолетними преступниками, с самого детства получавшими от государства атеистическую прививку. Главным входом на территорию служили доставшиеся от колонии железные ворота с колючей проволокой, которые с шумом отъезжали при необходимости пропустить машину…

Мы попали на вечернее богослужение, возглавляемое духовником монастыря игуменом Евстафием (ныне архиепископ Читинский и Краснокаменский). Нас пригласили в алтарь, и после короткой беседы стало понятно, что отец Евстафий в курсе нашего вопроса и здесь мы найдем участие и посильную помощь. В храме стояла рака с недавно обретенными мощами известного христианского подвижника и писателя святителя Игнатия Брянчанинова. До этого же мощи святителя Игнатия какое-то время находились в буковом гробу. После перемещения святыни в специально изготовленную раку, буковый гроб остался свободным. Его

нам и предложили в качестве временного пристанища останков Владыки Иннокентия. Для того чтобы забрать из музея мощи, необходимо было оформить соответствующие документы.

На следующий день, по совершении Божественной литургии, мы с игуменом отправились к уполномоченному по делам религии при Ярославском облисполкоме.

Имелись в советском прошлом при областных администрациях такие должности, их занимали отнюдь не штатские граждане, хотя и в штатской одежде. В атеистическом государстве они были призваны контролировать все, что происходит в Церкви, а при случае могли ничтоже сумняшеся вмешиваться в церковную жизнь. Например, чтобы иметь возможность служить на приходе, священник должен был получить разрешение — справку, которую выдавал уполномоченный. Для этого надо было прийти на собеседование в облисполком, где священника могли спросить, например: «Как вы относитесь к Великой Октябрьской социалистической революции?» Батюшка отвечал, допустим, так: «Как к свершившемуся факту истории», далее шел ряд других провокационных вопросов. Но в описываемое нами время многое менялось, и случалось, бывшие уполномоченные по делам религии становились искренне верующими людьми.

Храм Николы Надеина в Ярославле (фото Александра Бокарёва, www.temples.ru)

Ярославский уполномоченный принял нас очень корректно, даже показалось, приветливо. Вскружившая голову всему обществу «свобода слова» опьяняла тогда многих, и кто-то из нас без обиняков поинтересовался, в каком он звании. Смутившись, тот после некоторой паузы ответил: «Подполковник».

Документы необходимо было ждать, и уполномоченный по делам религии предложил нам посетить мемориал жертвам контрреволюции, но вместо «контрреволюции» ошибочно произнес «революции». Отец Сергий тут же и переспросил его — кто же там похоронен? Уполномоченный еще больше смутился. Мемориал мы посещать не стали, а зашли в удивительно красивый собор Илии Пророка, расположенный на площади, прямо напротив администрации. Собор превратили в музей, и, слава Богу, это спасло его от сноса.

Документы нам выдали только к вечеру, поэтому было решено ехать за святыней на следующий день. На прощание подполковник в штатском посоветовал прикасаться к мощам осторожно, чтобы они «не рассыпались», но отец Сергий сразу же назвал такое предположение ложью. К этому мне еще придется вернуться в своем рассказе.

На другой день, после литургии, на монастырском «рафике» мы отправились в музей атеизма, расположившийся в храме Николы Надеина. Этот небольшой, красивый каменный храм в честь Святителя Николая Чудотворца расположен в центре Ярославля и буквально задавлен со всех сторон сталинскими многоэтажками. Храм был будто в плену у этих зданий. Служб не велось, звонить в колокола запрещалось. Название «Надеина» храм принял от фамилии жертвователя, на средства которого был возведен. Конечно, с одной стороны, размещение музея атеизма в храме оскорбительно для верующего человека, но с другой — подобные казусы давали возможность храмам не быть разрушенными и дождаться своего возвращения Церк-

ви. С большим волнением мы входили в храм. Женщины, работницы музея, ознакомившись с представленными документами, рассказали, что интересующий нас «предмет» находится в запаснике музея, в северном приделе храма. С еще большим волнением вошли в северный придел.

Что такое музейный запасник? Не всегда, но часто — это место, где царят пыль и полумрак. Среди экспонатов, которые по чьему-то разумению были признаны ненужными или второстепенными, в запыленной стеклянной витрине с выбитой сверху шибиной лежало прикрытое какой-то бумагой, абсолютно целое тело удивительного человека — святителя Иннокентия Иркутского Чудотворца! В торце витрины находилась надпись: «Мумифицированный труп человека». Волнение достигло такого накала, что мы стояли какое-то время, не смея прикоснуться к витрине. Попросили разрешения отслужить молебен. Нам позволили, по всему было видно, что наше состояние постепенно передается работникам музея. Облачились, потихоньку запели. К концу молебна осмелели и подняли витрину на плечи. Продолжая петь, двинулись к выходу. Ощущение торжественности и величия происходящего было непередаваемым. В это время одна из работниц музея неожиданно для всех взбежала на колокольню. И, когда процессия выходила из храма, тишину микрорайона разорвал набат. Я не считаю себя человеком сентиментальным, но тогда невольно на глаза наворачивались слезы. Колокольный звон как будто брал реванш за все годы вынужденного молчания. Люди выглядывали из окон.

Молебен у мощей святителя Иннокентия в Ярославле (фото 24 августа 1990 г.)

Всю дорогу, пока «рафик» ехал в Толгский монастырь, не прекращался молебен. Встречать святителя Иннокентия вышли все насельницы, за исключением тех, чьи послушания не позволяли отлучиться. Микроавтобус остановился у главных ворот, и крестный ход двинулся в Спасов храм, где при стечении монастырского люда молебен дослужили до конца. Никто не хотел уходить, мощи как будто притягивали к себе. К тому же, оказалось, что в храме волею судеб Божиих встретились два святителя — Ин-

нокентий и Игнатий. К общему удивлению, у кого-то из монахинь нашлась иконка Иркутского Чудотворца, ее приставили к витрине.

Посовещавшись, решили витрину вымыть, мощи очистить от пыли. Впоследствии их облачили в архиерейскую мантию, подаренную Владыкой Платоном. Для снятия пыли была приобретена большая художественная кисть. Эта работа была поручена мне. Поэтому как человек, прошедший кистью сантиметр за сантиметром по поверхности мощей, со всею ответственностью могу сказать, что тело святителя Иннокентия совершенно нетленно. Кожный покров принял коричневый цвет и покрылся кракелюром — тонкой паутиной трещинок, как на древних полотнах. На одном из пальцев не хватало фаланги, что было отражено в первоначальной описи. Обычно на иконах святитель Иннокентий изображается со слегка искривленным носом — это соответствует реальному облику Владыки. Когда пришлось осторожно приподнять тело, стало очевидным, что вопреки предостережениям уполномоченного, оно не может рассыпаться и, скорее всего, сохранится до Второго Пришествия Христова. В одну из следующих встреч с подполковником мы спросили о надписи про «мумифицированный труп». Он, конечно, знал, что Церковь никогда не занималась мумификацией, но имел свое представление об этом процессе. Якобы, иногда захороненное тело попадает в условия, способствующие его сохранению. Особенно часто это случается при захоронении в мерзлоту. Однако при извлечении останков из благоприятной среды процесс разложения всегда происходит прямо на глазах. Видимо, поэтому нас предостерегали от неосторожных прикосновений. Но, во-первых, святитель Иннокентий никогда не был захоронен в привычном понимании этого слова, его освященное святой жизнью подвижника тело помещалось в склепе под храмом. Во-вторых, благодаря усилиям большевиков, останки Святителя много раз меняли климатические зоны, и ни одна из них не изменила состояние мощей.

Витрина с мощами святителя Иннокентия на плечах священников (г. Ярославль. 1991 г. Автор снимка не известен)

Уже упоминавшуюся буковую гробницу от-

шлифовали, она приняла красивый розовый «в крапинку» цвет. Внутренность отделали привезенной из Иркутска парчой.

Пока шли наши мытарства, к Иннокентию не прекращался поток желающих его молитвенной помощи. А мытарства заключались в следующем. Чтобы перевезти мощи в Иркутск, железнодорожные власти требовали справку санэпидстанции и цинковый гроб! То обстоятельство, что по имеющимся документам человек отошел ко Господу в XVIII веке, никого из чиновников не смущало. Не помогло обращение и в вышестоящие инстанции, все разводили руками: дескать, такая инструкция. Конечно, подобные требования были неприемлемы не только по религиозным мотивам, но и потому, что в Иркутске готовилась торжественная встреча не цинкового гроба, а святого Чудотворца в подобающей раке. Обратились в авиационные перевозки — та же история. Ездили в Москву к авиационным властям — бесполезно.

Боясь, что наша поездка затягивается, отправил матушке телеграмму: «Нахожусь мощами в Ярославле». Мой тесть, тогда человек совсем не церковный, вручая ее матушке, сказал: «Тебе телеграмма» и после некоторой паузы добавил: «От мощей…»

Все это время, пытаясь решить проблему, мы советовались по телефону с Владыкой Вадимом. В конце концов, придумали следующее. Когда иркутский скорый поезд «Байкал» направлялся в Москву, на вокзале Ярославля мы встретились с начальником поезда. В двух словах, без подробностей объяснили, что нам необходимо перевезти в Иркутск некую древнюю святыню, имеющую большие размеры. Вид священнослужителей, видимо, внушил доверие бригадиру. Он предложил нам приобрести билеты в последний вагон обратного поезда, тогда последний тамбур будет в нашем распоряжении. Таким образом, необходимо было только дождаться, когда поезд дойдет до Москвы и, развернувшись, отправится назад в Иркутск.

Но в Москву «Байкал» не пришел. Как только поезд отъехал от Ярославля, на дороге перед ним произошла крупная авария: товарный состав сошел с рельсов и шесть вагонов ушли под откос. К счастью, никто не пострадал, но движение остановилось надолго.

Ничего не подозревая, мы готовились к отъезду. Фирменный поезд «Москва — Иркутск» должен был проходить через Ярославль ночью. Купили билеты, вечером служили последний молебен в Толгской обители, тепло попрощались с братией и насельницами и на монастырском «рафике» — к вокзалу. Потянулись долгие минуты ожидания, которые плавно перерастали в часы. Поезд опаздывал, но никакой информации добиться было невозможно. Через несколько часов объявили прибытие. Держа гробницу на руках, в сопровождении игумена Евстафия и кое-кого из монастырской братии, вышли на перрон к предполагаемой остановке последнего вагона. К вокзалу медленно подползал грязный, побитый, ужасного вида поезд, ничего общего с нашим голубеньким фирменным «Байкалом» не имевший. Мы решили, что это ошибка, что «Байкал» подадут на другой путь или следом за этим «монстром». При этом — ночь и полное молчание диспетчера…

Беда заключалась в том, что из Москвы в Иркутск вместо «Байкала» отправили другой поезд. Причем поездом этим оказался полуживой, многострадальный экспресс «Дружба» «Москва — Ереван». Этот поезд по дороге из Москвы в солнечную столицу Армении проходил по территории Грузии. Рост национального самосознания, охвативший все бывшие союзные республики, приводил к тому, что «Дружбу» не раз побивали каменьями на просторах Кавказа. Это усугубило состояние одного из южных поездов, и без того печально известных своей неопрятностью.

Из вагонов выглядывали заспанные, давно не бритые проводники кавказской наружности. Они, конечно, были недовольны, что приходится ехать в Сибирь. Мы стояли в недоумении. Наверное, не меньшее недоумение вид священнослужителей с «гробом» вызвал и у проводника последнего вагона. Наконец, поезд тронулся, и в этот момент интуитивно пришло ощущение, что происходит какая-то ошибка. Мы с гробницей отчаянно бросились за поездом, при этом крича: «Святителю отче Иннокентие, моли Бога о нас!» Наблюдавший

за этой необычной картиной проводник сорвал стоп-кран. Далее началось что-то невероятное. Мы самовольно открыли последний тамбур, постелили приготовленные заранее два новеньких матраца и уложили на них раку с мощами. Проводник пытался нам помешать, кричал, что его уволят, спрашивал, кто будет отвечать за провоз «мертвеца» и, указывая на гробницу, страшным шепотом восклицал: «Он же запахнет!..» Проводника отталкивали, а нас садили в вагон, причем происходило все это очень быстро. Отец Сергий заявил, что всю ответственность берет на себя и подкрепил заявление сотней рублей. Проблема исчезла. Уже в вагоне, когда поезд тронулся, проводнику спокойно все объяснили. Он понял. Более того, по его дальнейшему поведению чувствовался даже благоговейный страх перед «странным» грузом.

Наш поезд недалеко отъехал от Ярославля. Впереди на дороге происходит крушение — и вновь товарняк уходит под откос, и вновь злополучные шесть вагонов, и вновь, к счастью, никто не пострадал. Такое совпадение до сих пор кажется необъяснимым. Позже кое-кто высказывал предположение о происках КГБ, но мне думается, что это плод тогдашней моды — все списывать на «органы». Скорее всего, возвращению Святыни противились силы гораздо более опасные, и к тому же — невидимые. Те, о которых апостол Павел писал: «Наша брань не против крови и плоти, но против… духов злобы поднебесных» (Ефес. 6:12). Отец Сергий выразил в словах наше общее ощущение — не поезд везет мощи, а мощи везут поезд.

В результате аварии, немалое отставание скорого поезда увеличилось до 12 часов. Но на территорию Иркутской области поезд прибыл вовремя и был задержан (как говорили знающие люди) распоряжением местных властей. В Иркутск мы должны были прибыть в воскресенье утром, а прибыли только к ночи. Всю дорогу следили за положением раки, ведь поезд — не самолет, и тряска в нем бывает немалая. Незадолго до прибытия отцу Сергию стало плохо с сердцем, что добавило переживаний.

Железнодорожный вокзал в Иркутске (конец XX в. Фото: www. transsib.ru)

А в Иркутске собравшийся утром на вокзале народ простоял до вечера. Конечно, к ночи остались самые стойкие. Вызывает удивление тот факт, что в течение всего дня вокзальные власти не давали сведений о задержке. В этом случае, может быть, и сказалось вмешательство властей, смущенных ростом религиозных чувств у населения.

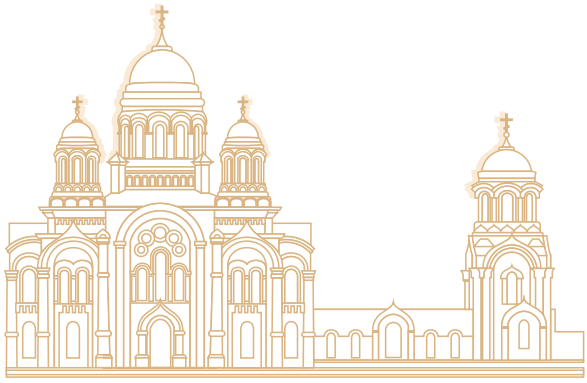
Почти в полночь поезд остановился на станции Иркутск-Пассажирский. Раку осторожно вынимаем из тамбура. На пыльном перроне Владыка Вадим кладет земной поклон своему далекому предшественнику по Иркутской кафедре. Здесь же краткий молебен — и

все направляются в епархию. Гробница едет в Знаменский собор на небольшом автобусе, а священнослужителям необходимо добраться в храм раньше, чтобы участвовать во встрече. Мы быстро направляемся к архиерейской «Волге», по дороге кратко рассказываем Владыке о происшедших искушениях. В тот момент, когда я стоял у левой задней двери архиерейской «Волги», мимо промчался мотоцикл с двумя седоками. Тот, что сидит сзади, хватается за цепь моего священнического креста и изо всех сил рвет. При этом мотоцикл дает газу, и хулиганы исчезают. Все произошло так быстро и неожиданно, что я даже испугаться не успел. Цепь порвалась и осталась в руках мотоциклиста, но крест упал на асфальт и хранится у меня до сих пор. Очевидно, преступники в дальнейшем были немало разочарованы, обнаружив, что цепь отнюдь не серебряная. Отец Сергий, который все видел, сказал, что это, видимо, последнее искушение, связанное с описываемой историей. Мне пообещали выдать новый крест.

В Знаменском соборе святителя Иннокентия встречали крестным ходом и колокольным звоном. При большом стечении народа с горящими свечами в руках, раку обнесли вокруг храма и внесли в главный придел, где она находится и поныне. Епископ Вадим с нескрываемым волнением говорил проповедь. Святитель Иннокентий волею судеб Божиих оказался на Иркутской земле в то время, когда здесь царили жестокие и дикие нравы. Видимо, нынешние нравы не лучше, и святому Иннокентию пришлось вернуться.

«Память праведника с похвалами», говорит нам Священное Писание. И действительно, многие в недавнем прошлом были провозглашены «великими» и «вечно живыми», но память о них постепенно стирается. А угодники Божии, куда бы их ни прятали, остаются немеркнущими звездами на нашем небосклоне. Живым свидетелем этому была схимонахиня Гавриила, которая до самой кончины просидела на инвалидной коляске у раки с мощами святителя Иннокентия. В своей далекой юности она была свидетелем их конфискации, и на ее глазах Иннокентий вернулся.

Встреча мощей святителя Иннокентия Иркутского у ограды Знаменского кафедрального собора г. Иркутска 2 сентября 1991 г. (фото В. Гуляева)



- **«В ТЕРПЕНЬИ, ЛЮБВИ И МОЛЬБЕ...» Воспоминания о моих многострадальных родителях Михаиле Федоровиче, Марии Максимовне Околович**
  Анна Околович

- **«БОГ НАС РАССУДИТ...» Воспоминания о владыке Палладии (Шерстенникове)**
  Лариса Колодезникова

- **«БУДЬТЕ, КАК ДЕТИ...»**
  Наталья Вертлиб

Сибирь Православная

Михаило-Архангельский Харлампиевский храм (фото С. Переносенко. 2014 г.)

«В терпеньи, любви и мольбе...»

Воспоминания о моих многострадальных родителях Михаиле Федоровиче, Марии Максимовне Околович

Икона свщмч. Михаила Околович. Иконописец Е. Алешина. 2005 г.

Анна Околович

«...Не убойтеся убивающих тело, души же не могущих убити: убойся же паче могущаго и душу и тело погубите в геенне» (Мф. 10:28).

Приближаясь к своему жизненному рубежу, все настойчивее ощущала желание сохранить светлую память о моих многострадальных родителях и все чаще упрекала себя в малой настойчивости узнать о последнем периоде жизни отца моего, священника Михаила Федоровича Околовича. Вместе с тем так много пришлось пережить несправедливости и бюрократической черствости, что боишься лишний раз себя травмировать. Поэтому, наверное, мама при жизни не давала своего согласия о подаче заявления о розыске отца. К тому же она считала, что проводившаяся ранее реабилитация к погибшему духовенству отношения не имеет. И в этом она оказалась права: ведь реабилитация отца проведена только по Указу Президиума ВС СССР от 16 января 1989 года, хотя реабилитация началась с 1950 года.

Когда из Московского церковного вестника в 1988 году я узнала о создании комиссии Священного Синода по восстановлению справедливости по отношению к репрессированному духовенству, то решила готовить соответствующее заявление. Но я мало знала фактических данных. Детские воспоминания почти не сохранились, и были они разрозненны, ведь при первом аресте отца в 1922 году мне не исполнилось еще и трех лет. Мама же очень редко и кратко рассказывала о тяжелом прошлом их жизни. Поэтому в конце 1988 — январе 1989 года я попыталась обобщить и описать сохраненные мамой документы и фотографии, оживить свои воспоминания, стараясь быть объективной и искренней.

Протоиерей о. Михаил Околович. 1924 г.

После получения всех документов о реабилитации моих родителей в январе 1992 года захотелось для памяти зафиксировать длительный путь выяснения истины по переписке с органами КГБ и по отдельным встречам. Может быть, это окажется полезным пострадавшим родственникам, как «обмен опытом». Пусть таким будет начало данной рукописи.

На основании официально подтвержденных фактов стало возможным откорректировать мои ранее записанные воспоминания о сложном жизненном пути супругов Околович, что и представляет содержание следующего раздела.

Когда материал был напечатан, объем его оказался достаточно большим. Поэтому логично стало выделить раздел о нашей жизни с мамой без отца. Здесь преобладают воспоминания, касающиеся меня лично.

Еще с 1991 года у меня крепло чувство возникновения какой-то материализующейся связи с отцом. Объяснить этого не могу, но ее от-

дельные проявления или совпадения привожу в заключительном разделе.

Летом 1993 года я думала, что если после серьезной болезни у меня хватит сил и времени объединить все в одну рукопись, привязав к ней имеющиеся фотографии с комментариями к ним, то смогу считать свою задачу выполненной. В августе эту работу закончила, и сегодня, 21 ноября 1993 года в Михайлов день — день памяти моего отца — начинаю последний этап — перечитывать материал.

Из хронологии получения документации

Первое заявление в Синод на имя митрополита Владимира я подготовила в январе 1989 года, о его получении было подтверждение от 3 февраля 1989 года.

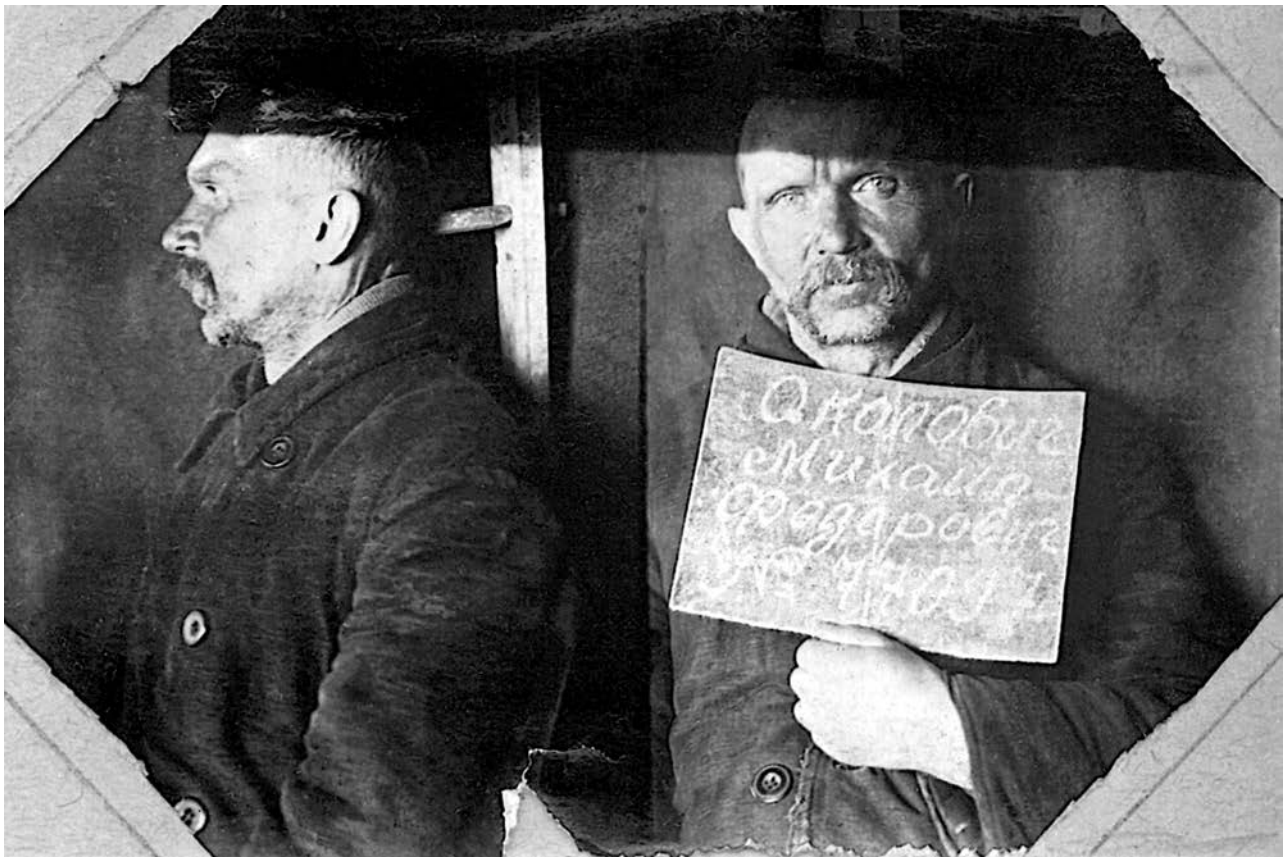
Терпеливо ждала ответа, потом начала звонить. Горько отметить, как равнодушно и беспредметно там отвечали! При большой настойчивости удалось узнать, что курирует вопросы реабилитации духовенства протоиерей Ролдугин, настоятель Крестовоздвиженской церкви в Измайлово. Там я побывала, с отцом Леонидом поговорила. В Патриархии наша встреча состоялась лишь год спустя 7 марта 1991 года, где узнала следующее… Фамилия отца под № 740 внесена в список духовенства и мирян, репрессированных в советское время, имя его записано в Синодик для вечного поминовения в монастырях: Московском Свято-Даниловом, Свято-Введенской Оптиной пустыни, Киево-Печерской и Троице-Сергиевой лаврах. Из УКГБ Иркутской области сообщено только, что М. Ф. Околович, 1888 г. р., 30 июня 1933 года приговорен к 10 годам по ст.: 58-10, 58-11, а 26 марта 1933 года[1] — приговор отменен. Полученные сведения никоим образом удовлетворить меня не могли, а скорее привели в недоумение и озадачили. Ведь в начале 1938 года, сразу после ареста мамы, пришло письмо от отца с этапа из Комсомольска-на-Амуре. Этот город фактически строили заключенные, которых переводили потом на Север. На это последнее письмо отвечала я сама, подтверждая свою привязанность к отцу. Что же случилось с отцом дальше?

В приемной общества «Мемориал» были ко мне внимательны, завели архивное дело на родителей № 161-17-93. Получила я там и совет от юриста; разговаривала с сотрудником КГБ г. Москвы М.Д. Мирошиным, которому благодарна за объяснение, что мне самой следует обращаться по месту ареста отца и что нужно изложить в заявлении. Дважды отправляла последнее в УКГБ Иркутской области: 13 марта и 17 апреля 1991 года. Получила ответы из УКГБ Иркутской области, из Красноярского УКГБ, где сообщалось о направлении в КГБ Москвы уголовного дела Околович М.Ф. за 1929/30 год. Дается указание прокурору выслать мне справку о реабилитации Околович М.Ф., которая проведена 15 ноября 1989 года. С сопроводительным письмом из прокуратуры Красноярского края я получила справку № 05285 о реабилитации Околович Михаила Федоровича.

Самым страшным стало для меня письмо из Хабаровска от 1 августа 1991 года № 13/6/12-0-9. В нем констатировалось, что Околович М. Ф. был приговорен тройкой НКВД 10 июня 1933 года по ст. 58-10-1 УК РСФСР к 10 годам исправительно-трудовых работ. Расстрелян 26 марта 1938 года в г. Хабаровске, основание для этого не указывалось. Вопрос «за что?» для меня уже не возникал, поскольку на примере судьбы моего отца отчетливо прослеживается жестокое поэтапное, целенаправленное гонение на церковь, выражавшееся и в физическом уничтожении духовенства, особенно образованных стойких ее представителей.

Жуткое впечатление произвела, безусловно, последняя арестантская фотография папы в профиль и в анфас, выпавшая из хабаровского конверта. Смотреть на нее не могу даже сейчас, когда прошло уже более пяти лет. Ведь всю мою жизнь по имеющимся снимкам зрительная память хранила две различные его внешности: молодой, красивый, улыбающийся студент в академической форме вместе с нарядно одетой мамой — видно было, что они счастливы! Потом на фотографиях был священник с мягким добрым взглядом, в рясе, с крестом на груди. Высокий лысый лоб, неподстриженные борода и волосы. Тот и другой образы оставались светлыми! Какой контраст являл собой полуседой подстриженный старик в стеганой

куртке, с горьким скорбным лицом, а было ему тогда только 50 лет! Не оказалась я готовой к сообщению о его расстреле, ведь мне передалась уверенность мамы, что отец умер где-то на этапе или в северном лагере. В общем, состояние у меня было такое, будто сейчас рядом неожиданно трагически погиб родной человек. Благодарю Бога, что избавлена была мама от такого переживания…



Заключенный Михаил Федорович Околович

На следующий день (а было это 14 августа в среду) раздается звонок сотрудника КГБ Игоря Владимировича Эристова. Не могу воспроизвести наш разговор, я была почти в шоковом состоянии. Вспомнила только, что дала согласие на его предложение встретиться.

При встрече мне было сказано, что в Москве имеется только одно минусинское дело (арх. № 15510), из которого было разрешено прочитать лишь заключение и три страницы показаний, написанных рукой отца. Я убедительно просила разыскать соответствующие документы из Хабаровска, но в такой возможности было выражено большое сомнение. Справедливости ради следует отметить уважительное отношение сотрудника КГБ к памяти отца, признание, что расстрел был юридически необоснован.

Всю полученную документацию (копии) я сдала в общество «Мемориал». Она же послужила основанием для официального признания меня родственницей репрессированных и реабилитированных родителей. Позднее по моему заявлению мне была прислана справка о признании меня пострадавшей от политических репрессий. Таким образом закончилась моя переписка с правительственными органами.

О моих родителях

Следует сразу оговорить, что отца я не помню, и лишь несколько разрозненных эпизодов могу восстановить четко. Неясный образ его чаще возникает в светлом подряснике или в черной рясе с крестом на груди, но никогда в

светской одежде, в которой он не ходил далее дома. Такая необычность его внешнего вида, отличная от окружающих, как-то пугала и отчуждала меня. Знаю о нем больше от других, общавшихся с отцом людей. Рассказы мамы всегда были чрезвычайно скупы и отрывочны, хотя свято сохранила она до конца своей жизни любовь и верность ему. Сама же я по своему осознанному теперь легкомыслию с особой настойчивостью ее не допытывала, тем более что хорошо знала, как долго оставалась она в тяжелом подавленном настроении после всякого воспоминания.

Отец мой, Михаил Федорович Околович, родился в Витебске 15 октября 1888 года. Дедушка был бедным сельским священником Полоцкой епархии, обремененным большой семьей: пять или шесть дочерей (искусницы в рукоделии) и два сына. Старший, по воспоминанию мамы, был талантлив, получил техническое образование, но умер молодым. Младший в семье — отец — учился сначала в семинарии, затем в Императорской С.-Петербургской Духовной академии, которую окончил в сентябре 1914 года с присуждением ему ученой степени кандидата богословия I разряда. Сохранился его диплом с перечнем любопытных для нашего времени наук и большой прекрасно оформленный фотоальбом XXI выпуска студентов[2]. Учился он хорошо, владел греческим, французским, английским и немецким языками (говорили, что на Страстной неделе он читал 12 Евангелий на четырех языках). Отличался активностью и пользовался авторитетом у товарищей, о чем свидетельствует монограмма на подаренном ему массивном письменном приборе, который еще находится в нашем доме[3]. Был он глубоко религиозным, и предполагался монашеский постриг, что соответствовало желанию его родителей и учителей академии. Судьба же распорядилась иначе.

Молодые супруги М. Ф. и М. М. Околович. Полоцк. 1914 г.

Мать моя, Мария Максимовна Околович, в девичестве Мастрюкова, родилась 1 апреля 1892 года в г. Маршанске, там окончила гимназию и уехала в столицу учиться на Бестужевских Высших женских курсах. Случайно во время службы в церкви увидела отца, нашла возможность с ним познакомиться, что и определило их горячую взаимную любовь.

3 октября 1914 года, после того как отец сдал выпускные экзамены, состоялась скромная свадьба, имеется свидетельство. Однако этот брак не нашел одобрения со стороны обеих семей их родителей, так как разрушил перспективу монашества жениха и не отвечал намерениям властного честолюбивого отца невесты (вышедшего из крепостных крестьян и добившегося высокой по тем временам должности управляющего имением помещика). Он выбрал в мужья другого. И вообще не хотел иметь родственников из духовенства, предвидел, что замужество помешает завершению образования дочери, как это и случилось. Примирение все же состоялось при посещении родных сразу после свадьбы. В Полоцке счастливые молодые фотографировались.

Этот брак вызвал неудовольствие и начальства духовного: как то намечалось ранее, в академии отца не оставили, а выдали назначение в Иркутское женское училище духовного ведомства инспектором классов и законоучителем, куда молодые супруги сразу и уехали

в соответствии с выданным билетом для жительства. Подлинник сохранился. В нем мама названа крестьянкой Тамбовской губернии Маршанского уезда Маршанской волости. Для жизни в Сибири родители пригласили с собой младшую любимую сестру отца Ефросинию Федоровну. Мама говорила, что все сестры отца были красивы. В те годы поездка по Транссибирской железной дороге была длительной, но для мамы радостной. Всегда в память о ней мама хранила первый подарок отца — чугунную коробочку, купленную в Златоусте.

От своего духовного призвания отец не отказался, уже в Иркутске в ноябре 1914 года был рукоположен в священники и приступил к исполнению своих обязанностей. В его формулярном списке, заполняемом с 1914 по 1918 год, есть записи об избрании членом Епархиального училищного совета, положительная деятельность отмечалась награждением набедренником (июль 1915 года), скуфьей (март 1918 года). Собранием духовенства и мирян Иркутской епархии в 1917 году был избран членом Всероссийского Церковного Собора для участия в Поместном соборе, и ездил на выборы Патриарха всея Руси святейшего Тихона.

Протоиерей о. Михаил Околович. Иркутск. 1917 г. Нагрудный знак подтверждает присвоение ему ученой степени кандидата богословия первого разряда

Первые годы семейной жизни моих родителей для мамы нельзя считать легкими. Когда училась она в гимназии, хозяйственными делами не загружалась; в студенческие годы окружающая среда была романтичной, и на скудный быт внимание не обращалось. Поэтому по приезде в Иркутск возникли трудности, начиная с освоения казенной квартиры, которая была выделена приехавшим в здании училища на Каштаке. Организация «дома», когда нет опыта домохозяйки, требовала много непривычных забот и нередко причиняла огорчения, тем более что средства были ограничены (деньгами их родители не обеспечивали, даже традиционного приданного дед не оставил маме). Поэтому нужно было, как мы теперь говорим, «начинать все с нуля». Трудно было маме и входить в чопорную среду привилегированного учительского общества, привыкать к давно сложившимся там довольно консервативным формам взаимоотношений в закрытом учебном заведении благородных девиц. Постигло еще горе — родившийся здоровым сын Георгий в годовалом возрасте умер от дизентерии. Помню, что потом мама долго ходила со мной на его могилку, находя ее даже после того, как центральное Иерусалимское кладбище стало Парком культуры с разрушенными прекрасными надгробиями богатых горожан, безусловно, представляющими художественную ценность. И все-таки этот период жизни родителей был самым светлым.

Иркутск, компактно расположенный между двух рек — красавицей Ангарой и ее притоком Иркутом — в те годы был крупным центром Сибири. Своеобразие городу придавали уютные, красивые деревянные дома частных владельцев, добротные каменные постройки с магазинами фирменных торговых домов, общеизвестный Белый дом генерал-губернатора

на набережной и краеведческий музей напротив него, ансамбли многих церквей.

Интересное описание особенностей города сделаны Н.М. Полуниной в книге «Живая старина Приангарья» (М. : Искусство, 1990) и А.Д. Фатьяновым — «Владимир Сукачев» (Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990).

В городе было два собора. Новый, воздвигнутый к началу XX века, считался самым красивым за Уралом. Оба собора в начале 30-х годов были с трудом взорваны, и долго в центре города высились огороженные развалины. Богато было купечество, имевшее через Кяхту прямые связи с Китаем, сосредоточившее широкие торговые связи по заготовке пушнины на Севере. Рыбные богатства близкого Байкала и дары тайги делали местные рынки изобильными. Большая диаспора китайцев — искусных ремесленников и огородников — обслуживала горожан и обеспечивала свежими овощами круглый год. Все это было на моей памяти.

Знаменит был китайский врач-целитель, практиковавший тибетскую медицину (кажется, благополучно возвратившийся на свою родину). Успешно лечил он больной желудок отца и меня в раннем детстве. Воспоминания эти теперь для меня горьки, потому что ясно себе представляю азиатское лицо врача, светский его костюм, но не могу воспроизвести живое лицо родного отца, знакомое мне теперь только по фотографиям, его манеру разговора и жестикуляции.

Становлению Иркутска — экономического, политического, культурного центра — способствовал и сам царь Александр III, и губернатор Н. Муравьев-Амурский.

На женское образование в Сибири обращалось особое внимание. Кроме духовного училища для дочерей духовенства, крупного купечества, именитых промышленников, куда был направлен отец, в Иркутске еще в 1861 году для обучения девушек дворянского происхождения, дочерей высокого чиновничества и военных был открыт Николаевский I институт благородных девиц. Он находился под попечительством Императрицы, считался вторым по значению после Смольного с копированием статуса последнего. Описано это в опубликованных «Воспоминаниях старой смолянки» В.П. Быковой. Отец преподавал там Закон Божий. Выпускница того института (о знакомстве с которой читайте ниже) хорошо помнила и мне рассказывала о появлении молодого учителя, который интересно вел занятия, которого любили, ибо он укреплял веру в девичьих душах. Неслучайно выше помянутая выпускница потом приняла монашество.

* * *

Революция круто изменила жизнь родителей. Закон Божий был снят с программы обучения, и из преподавателя отец становится «служителем культа». Училище сразу закрывается, и в мае 1918 года отец избирается священником Крестовоздвиженской церкви. Воздвигнутая на крутой горке, церковь украшала город затейливой архитектурой и художественной лепкой. Семья переезжает сначала в приходской дом, что находился в ограде храма; там я родилась в декабре 1919 года, там я была крещена (есть подлинник моей метрики). А вскоре семья перебирается на квартиру в дом по улице Средней Амурской *(ныне улица Седова)*.

Из рассказов мамы знаю, что в то же время тетя Ефросинья вышла замуж. Отец венчал ее, и оба плакали, и не напрасно: после венчания муж запретил ей встречаться с нашей семьей и вскоре увез из города. Связь оборвалась, и дальнейшая судьба тети не известна, что всегда было горько отцу и маме, которая была привязана к своей золовке.

О себе должна сказать, что хотя и появилась желанным ребенком, но принесла родителям больше забот и горя, чем радости. Хилая от рождения, все годы детства, да и юности тоже, много и тяжело болела.

Именно с тех давних лет в нашей семье постоянно появлялась моя крестная. Только в зрелые годы оценила я ее самоотверженную любовь, громадное значение в моей жизни, поэтому с благодарной памятью считаю необходимым рассказать о ней. Молодой девушкой Апполинария Алексеевна Мануйлова получила среднее медицинское образование. При получении звания «сестры милосердия» раньше девушками давался обет безбрачия; им выдавалась форма с белым крестом на муаровой

ленте и красным — на фартуке, который полагалось носить постоянно.

Теперь о таком обычае мало кто помнит. Она работала на строительстве Кругобайкальской железной дороги, где много было несчастных случаев и больных, потом в женском духовном училище, где и познакомилась с моими родителями. После расформирования училища перешла в родильный дом на 5-й Солдатской улице *(ныне улица Богдана Хмельницкого)*. Через это единственное в своем назначении лечебное заведение фактически прошло все послереволюционное население нашего города. Долгие годы она считалась незаменимой, круглые сутки до самого своего смертного часа находилась в больнице. В последние годы приняла постриг, став монахиней Серафимой. Именно она выхаживала меня при болезнях, стала для мамы самым близким человеком, в трудной жизни поддержала и морально и материально. Заботилась обо мне, когда маме приходилось оставлять меня на попечение посторонних добрых женщин.

А. А. Мануйлова. Иркутск. 1916 г.

Для отца начались тяжелые времена. Отрицательно сказалась популярность его среди прихожан, которая определялась проникновенным и торжественным исполнением церковной службы, искренними проповедями (он был наделен красноречием и даром убедительного слова), искренним постоянным вниманием к людям с умением сострадательно выслушивать и утешать в скорби, скромным образом жизни семьи при открытом для всех доме. Приветливость и гостеприимство хозяйки вызывали дополнительную симпатию, расширяли круг тогдашних доброжелателей. Все это я узнавала много позже, и не от мамы, а от посторонних и незнакомых мне людей. Помню случаи, когда останавливали меня на улице, спрашивали, дочь ли я отца Михаила, и рассказывали много интересного и доброго про отца. Его любили и долго помнили в Иркутске.

Воинствующие атеисты, конечно, обратили взимание на такого человека, как отец. Много раз его вызывали в ГПУ. И начиная с 1921 года заключали в тюрьму, настойчиво предлагали отречься от сана с перспективой большой педагогической деятельности, понуждали возглавить новую «живистскую» церковь. Возникновение такого течения приводило к расколу Православия, что в то время поощрялось правительством. Потом было сфабриковано дело «по факту хранения на чердаке церкви боеприпасов и взрывчатых веществ». Не в силах сломить стойкость отца в православной вере, в 1925 году большевистская власть отправляет отца в ссылку сроком на три года в Соловецкий лагерь особого назначения, печально знаменитый СЛОН. Кажется, был он там из иркутян одним из первых.

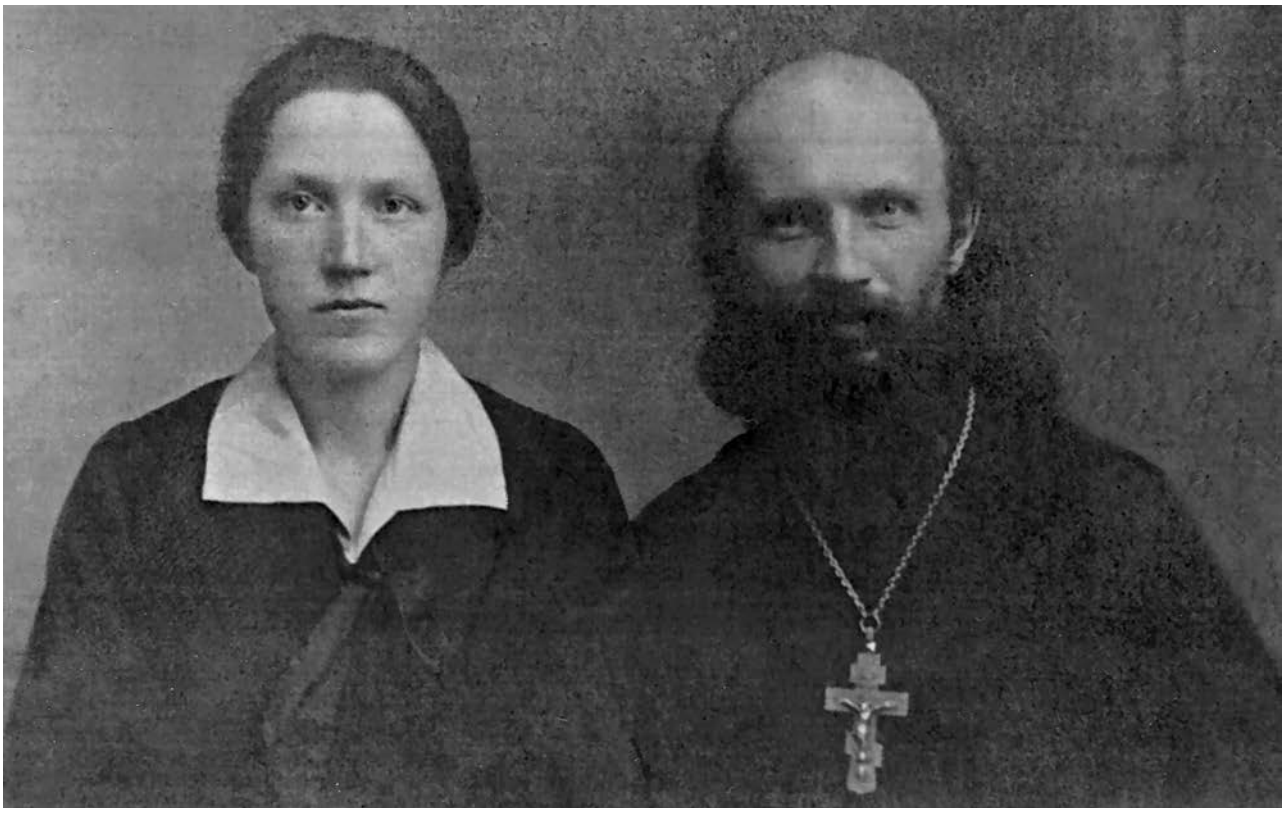
Больно видеть, каким грустным стало лицо мамы на фотографии с отцом; мать готовилась к великим испытаниям, к первой волне ликвидации духовенства. На фото была надпись, сделанная рукой отца: «Зная мои духовные и физические немощи, следуйте завету Св. Апостола Павла /Римл. XV. 30-31/ 1924.X.3-16 Свящ. Мих. Околович»

Отец не отличался крепким здоровьем, привезли его по этапу в лагерь с крупозным воспалением легких, и не остался бы в живых, если бы туда не приехала мама. Вероятно, в

первые годы организации СЛОНа отношение к заключенным было несколько гуманнее, так как ей разрешили за отцом самостоятельно ухаживать, что и определило выздоровление больного. Было же мне тогда семь лет.

Без отца мы жили совсем тихо, оставаясь в прежней квартире на втором этаже. Отмечаю последнее потому, что все последующие годы помещались в полуподвальной комнате с окнами в яму. Мама все безрезультатно пыталась найти работу на бирже труда, но приходилось довольствоваться различными временными заработками.

Естественно, что с возвращением в 1928 году из ссылки отца в дом вернулась счастливая суматоха, его одного видеть мне не приходилось, — семью окружало много людей. Помню я его в церкви — мама повела меня на первое богослужение отца, после этого навсегда запечатлелся у меня светлый радостный его образ, похожий на видение, отвлеченное от реальности. Поэтому мне естественнее обращение отец, а не папа; в отношении мамы как раз наоборот. Когда он вышел на амвон с проповедью, то заплакал. Как рассказывали мне очевидцы, опять же много позднее, впечатление от его слов было громадным, о трудных переживаниях даже не упоминал, а благодарил Бога за данные силы и отпущенные ему радости! Моральные силы, действительно, сохранились, а вот радостей… Так мало их ему отпущено… Тогда же стал он протоиереем. Еще помню, что был получен дорогой подарок: личная риза парчовая, белая, очень блестящая. Ни разу не пришлось отцу ее одеть, и потом долго хранился этот большой узел в сундуке, представлявшем предмет моего постоянного любопытства. Редко мама его раскрывала и, кажется, позднее передала его в церковь.



Супруги М.Ф. и М.М. Околович. Иркутск. 1924 г. Надпись на оборотной стороне фотографии: «Зная мои духовные и физические немощи, следуйте завету Св. Апостола Павла» /Римл. XV. 30-31/ 1924. X. 3-16 Свящ. Мих. Околович

Пребывание отца в Иркутске было недолгим. В том же году ему предложили переменить местожительство. Был выбран город Минусинск, куда он уехал один с обязательной явкой на регистрацию в ГПУ без права службы

в церкви и публичных выступлений. На какие средства нужно было существовать и, вообще, чем заниматься? Ведь на государственную службу священнослужителей не принимали. Опять тяготы жизни приняла на себя мама.

И здесь я позволю себе сделать отступление. Когда я начинала анализировать, что же из детства осталось в памяти, то преследовала цель выделить воспоминания о личности отца и этапах его горькой судьбы, но чем больше я думала, стараясь делать записи, тем яснее становилась невозможность разделить трагизм жизни отца и матери. Мне даже стало представляться, что условия его тяжелого существования были «запрограммированы» органами насилия. Мама же добровольно принимала производную от этого необходимость находить выход из складывающихся тяжких обстоятельств: оба были в списках «лишенцев прав избирателей», что ограничивало многие гражданские права — получение работы, в том числе. Друзья перестали знаться; родственники не давали о себе знать; даже младший брат мамы, с которым они дружно росли, заявил официально, что никакой сестры в Сибири не имеет. Оставаться в прежней квартире было нельзя, а выезжать — куда? Ведь никто приюта не давал; для существования нужны были средства, приходилось продавать жалкие остатки имущества. Однако сохранила мама обручальные кольца, хотя своего кольца на руке никогда не носила. Уверена, что только глубокая религиозность и верная любовь к отцу поддерживали маму в то трудное время.

При возобновлении работы над воспоминаниями, когда я стала относить их к обоим родителям, поняла, что не могу отстраниться и от своих личных переживаний.

После высылки отца переехали мы с мамой жить в дом моего крестного Дмитрия Тимофеевича Гладышева, который исполнял обязанности старосты в Крестовоздвиженской церкви и был дружен с отцом. Средней руки служащий в Госбанке, скрупулезно копил он деньги и сразу после революции на свое горе купил три двухэтажных дома на горе Русиновской улицы. Очень скоро от тех домов пришлось отказаться; мало того, его семью вынудили перебраться с верхнего этажа дома в нижний полуподвальный. В одну из трех небольших сырых комнат Дмитрий Тимофеевич пустил нас. Был он добрым и справедливым человеком, Царствие ему Небесное. Жизнь крестного закончилась трагически: он был арестован одновременно с мамой и умер в тюрьме.

* * *

О последующем периоде жизни до 1931 года воспоминания мои отрывочны. Мама ездила к отцу в Минусинск, иногда брала меня с собой, чаще же оставляла в Иркутске. Отец жил в маленькой комнате, тоже полуподвальной, в квартире, где две другие занимали религиозные пожилые сестры.

Одну из соседок, младшую сестру Неонилу Ивановну, талантливую портниху-самоучку, помню хорошо: в скромном беленьком платочке, что резко отличало ее от модных, ярко одетых заказчиц. Я же чувствовала себя счастливой, если мне разрешалось потихоньку смотреть на примерку их новых нарядов. В такой обстановке стала я рано держать в руках иголку. В этой связи вспоминаю подарок отца — заготовку полотняной салфетки, на которой мне нужно было сделать мережку и вышивку рисунка девочки, бегущей за лошадкой в упряжке, с надписью: «Крепче, Ганулечка, держись!» Так он ласково по-белорусски ко мне обращался, и так больше никто меня не называл. Мама долго хранила первое мое рукоделие, считая такую надпись завещанием на всю последующую жизнь. Стала она действительно пророческой!

Жизнь отца в Минусинске постепенно нормализовалась при очень ограниченных занятиях и круге знакомых: постоянное посещение церкви, где он только пел в хоре, попытки выращивать помидоры на каменистой земле, в закутке между заборами. Отец освоил вязание на коклюшках, а потом появился и небольшой заработок переводами. Они поручались ему городским краеведческим музеем, который был основан известным в Абаканском крае исследователем-натуралистом Мартьяновым и носил его имя. С его родственниками родители были знакомы, мне даже запомнилась новогодняя встреча в той семье и такое торжественное действо, как завод на год каких-то оригинальных часов. Возникает в памяти длительная

летняя поездка в Шушенское на лошади, запряженной в коробушку, в которой можно было мне спать. Проезжали деревни с крепкими крестьянскими подворьями, въезд в них закрывался массивными воротами. О самом Ленинском мемориале четкого представления не осталось. Еще с болью встает перед глазами бесконечный пыльный поток повозок, проезжающих по улице мимо нашего окна, — то раскулаченных вывозили в «места не столь отдаленные».

Теперь нужно сказать о первом осознании моего происхождения — поповская дочка, — и вытекающих из этого социальных последствиях. В школу, которая была наискосок от нашего дома, меня не принимали, не складывалась компания с ребятишками, у меня развивалась обидчивость. Родители понимали и переживали за меня. Думаю, что тогда отец пришел к твердому решению отдалить себя от моего воспитания и маме настойчиво советовал не внушать мне религиозного мировоззрения, а предоставить возможность вырасти современной советской девушкой. Он предвидел, что иначе трудно мне будет жить. Так позднее объясняла мне мама причину, почему никогда отдельных писем с наставлениями отец мне не писал. Не помню также случая, когда мама понуждала меня ходить в церковь, хотя сама в молитве находила силы и возвращалась из храма умиротворенной. Праздники в доме соблюдались уважительно, но вместе с тем мама считала, что трудиться никогда не грешно. Довлеющим было внушение, что мне многое нельзя из того, что можно другим, но что правда обязательно восторжествует — вопрос лишь во времени. Давно и с благодарностью я оценила такое воспитание, оно в тех трудных условиях было единственно правильным и определило для меня возможность самостоятельно найти место в жизни, никогда не скрывая, кто мой отец, и сохраняя глубокое уважение к нему.

М. Ф. и М. М. Околович с дочерью Аней. Минусинск. 1930 г.

С образованием у меня было явное неблагополучие. Домашнее обучение у часто меняющихся учителей не давало систематизированных знаний. В Минусинске отец пытался со мной заниматься, но усердия не видел, и все кончалось обоюдным расстройством и моими слезами. А вот читать я начала рано и много.

Вышло постановление о всеобщем начальном образовании. К началу 1931 года мне разрешили посещать школу, экстерном проверили знания, и документ об окончании четырех классов выдали. Учиться дальше мама повезла меня снова в Иркутск, где на этот раз в 1931 году ей удалось устроиться счетоводом в Коммунальный банк. Там она проработала около 30 лет до выхода на пенсию с должности старшего бухгалтера и была даже награждена медалью «За трудовую доблесть».

Условия нашей жизни изменились и определенным образом стабилизировались. Мама много работала, я начала посещать школу.

Трудно и горько возвращаться к последним воспоминаниям об отце. В Минусинске была снята единственная фотография отца вместе со мной и мамой.

Еще одно воспоминание. Получив известие об аресте отца летом 1932 года, мама поехала со мной в Минусинск. Я не знаю, давали ли ей официальное разрешение на свидание с отцом, но помню, что ходила она за город, куда на сельскохозяйственные работы выводили заключенных. Там отцу можно было подойти к маме, чтобы получить приносимую передачу. Только один раз мама взяла меня с собой, и мы сидели в овражке, закрытые кустами. Не помню, был ли разговор с подошедшим отцом, но знаю, что он благословил нас перед уходом. Потом опять пришлось утомительно ждать, когда партию заключенных уведут. Мы видели, как они шли под конвоем; мне казалось шли очень долго, при этом стройно пели революционные песни. С того времени я не могу слушать «Сижу за решеткой…», «Мы жертвою пали…».

В 1931–1933 годы по большой группе религиозных лиц Минусинска был нанесен сокрушительный удар — это осуществлялся II этап ликвидации духовенства. Вместе с другими был арестован и отец. Из показанных мне документов минусинского дела в протоколе допроса и на нескольких страницах дополнительных показаний, написанных рукой отца, он категорически отрицал создание контрреволюционного общества для свержения Советской власти. Из 88 обвиняемых — епископа, священников, монахов и мирян — он остался в числе 18, которые не подписали предъявленных обвинений. Да и какие к тому были основания, ведь жизнь проходила при больших ограничениях под постоянным наблюдением! И, несмотря на это, особой тройкой ОГПУ ЭСК 10 июля 1933 года по ст. 58-10,11 отца осудили и приговорили к 10 годам исправительно-трудовых работ. Направили на Дальний Восток строить будущий город Комсомольск-на-Амуре.

С мамой у отца поддерживалась переписка, из которой было нам известно, что он, зная латынь, заведовал аптекой, был расконвоирован и жил в довольно сносных условиях. Он никогда ничего не просил, но мама систематически отправляла посылки с белыми сухарями и маслом. В последнем письме, которое пришло в начале 1938 года, сразу после ареста мамы, и на которое я сразу ответила, отец писал, что оставшихся в городе заключенных вывозили, предположительно, на Колыму. Больше мы ничего не знали, и только в 1991 году в полученной справке из Хабаровска было сообщено о расстреле отца 26 марта 1938 года. За что? Реабилитация получена из Красноярска, а не из Хабаровска. Таким образом, в трагической судьбе отца остается неоткрытая мне страница. Какое это теперь имеет значение? Ведь так неизбежно для него должен был закончиться III этап ликвидации духовенства.

По возвращении из ссылки в Иркутск мама своим любящим сердцем почувствовала, что отца нет в живых, и в Крестовоздвиженском храме его отпела. Еще она говорила, что всегда страшно боялась его похорон: по обряду после смерти священника его лицо сразу закрывают черным воздухом, который поднимать нельзя. Ей и не пришлось пережить этого, и боль потери дорогого человека как-то притуплялась постепенным его отдалением. Но осталось навсегда траурным начало весны: 16 марта умер муж, 26 марта расстрелян отец, 5 апреля не стало мамы.

Жизнь с мамой без отца

Теперь о нашей с мамой жизни без отца с 1933 до 1937 года. Проходила жизнь относительно спокойно, скромно и очень экономно, на небольшую ее зарплату. Запомнилась только болезнь брюшным тифом в 1935 году, который

протекал тяжело у меня и в легкой форме у мамы. Лежали мы в одной палате, и только ее пристальное внимание и уход вывели меня из предсмертного состояния.

Тяжелые испытания пришлось пережить нам в феврале 1937 года и в ноябре 1938-го. Маму арестовали и выслали на Северный Урал. Статья в газете «Восточно-Сибирская правда», опубликованная 10 апреля 1993 года, облегчает мою задачу охарактеризовать происшедшее. Привожу выдержки из этой статьи.

«…Зимним февральским днем 1938 г. сотрудниками Иркутского УНКВД была арестована служащая коммунального банка Мария Околович. Ее сослуживцы испытали шок. Кто бы мог подумать, что эта скромная и интеллигентная женщина вела подрывную шпионскую работу против Советской власти? Работала она, как всем казалось, честно и добросовестно, свое бухгалтерское дело знала отменно, была контактна и доброжелательна. Ее уважали. Знали, как Марии Максимовне приходилось трудно: одна, без мужа, она воспитывала дочь, которой шел уже 18 год. «Наверное, ее арестовали из-за мужа, который, кажется, был священником», — рассуждали некоторые из более или менее осведомленных, памятуя о том, что в прошлом году из иркутских приходов один за другим стали исчезать священнослужители самого различного ранга. Арестовали и управляющего Иркутской епархией архиепископа Павла Павловского. Ошеломил арест и Марии Околович: «За что?!» Все выяснилось на допросе УНКВД. «У нас есть данные, что вы являетесь членом контрреволюционной церковно-монархической организации», — сурово изрек следователь. Еще не пришедшая в себя от потрясения женщина все-таки нашла в себе силы сказать, что никогда в жизни о такой организации не слышала, и никто ее в нее не вербовал. В ответ услышала жуткий мат, а вслед за этим на нее обрушился град ударов. Мария Максимовна стояла на своем. Следователь схватил ружье и прикладом ударил ее по рукам, но и этим ничего не добился. В один из дней следующего допроса в следственную комнату ввели не известного ей мужчину. Он выглядел жалко, на его лице она сумела разглядеть синяки и кровоподтеки, были у него рассечены губы и левая бровь. Бедняга еле держался на ногах. На Марию Максимовну он даже не взглянул. «Вы подтверждаете, что гражданка Околович состояла в контрреволюционной организации, и вы в нее ее завербовали?» — развалившись на стуле, строго спросил следователь. «Подтверждаю, что я ее завербовал. Это было 15 июля 1937 года», — глухо ответил неизвестный. «Я его не знаю!» — вырвалось у арестованной. И все началось сначала. Опустошенная, избитая, доведенная до отчаяния, Мария Околович «признала свою вину» и подписала заранее составленный без ее участия протокол допроса. Следователь поспешил к начальству. Заместитель начальника УНКВД — капитан госбезопасности Василькиоти похлопал следователя по плечу: «Молодец!», предвкушая, что число членов церковно-монархической организации расширится, а это дает право свершить над ними скорый суд. В это время уже составлялось обвинительное заключение по следственному делу священнослужителей, в числе которых значились архиепископ Павел Павловский, служители культа Федор Верномудров, Иннокентий Попов, Иосиф Костюкевич и многие другие. По версии УНКВД выходило, что церковно-монархическую организацию возглавлял сам архиепископ, приехавший в Иркутск еще в 1933 г. Тогда же он получил задание от Московского центра контрреволюционной церковно-монархической организации, руководимой митрополитом Сергием Страгородским, развернуть работу по вербовке новых антисоветских кадров и оформлению актива церковников-монархистов и сочувствующих им. Основной целью организации являлось, конечно же, свержение советской власти путем вооруженного восстания, восстановление монархии во главе с Великим князем Кириллом Романовым. Архиепископ Павел Павловский не соглашался с обвинениями в разжигании среди своих пастырей пораженческих настроений, развертывании шпионской работы по заданиям японской разведки, активизации диверсионно-вредительской деятельности. Не выдержав побоев и истязаний, престарелый владыка Павел Павловский скончался в тюремной больнице 24 ноября 1937 г. Тогда следствие перенесло свою «работу» на тех священнослужителей, которые

уже много лет были на подозрении у сотрудников ОГПУ-УНКВД… А как же сложилась судьба Марии Максимовны Околович? Внесудебная «тройка» УНКВД приговорила ее к 10 годам заключения, и она отбывала наказание в Севураллаге. Со своей участью не смирилась. 22 марта 1939 г. Мария Околович написала жалобу Генеральному прокурору СССР. Рассказала о своей жизни, о том, что по воле родителей она была выдана замуж за священника-инспектора Тамбовского женского училища М. Околовича, а перед этим закончила гимназию. В 1923 г. ее муж был арестован и отправлен не то в концлагерь, не то в ссылку. И с тех пор она о нем ничего не знала [4], ее единственной заботой стало воспитание дочери. Писала она и о том, как проводилось следствие, как ее избивали, как она сдалась, а потом опомнилась и отказалась от своих показаний. В письме генпрокурору требовала: «Отмените незаконное постановление «тройки», основанное на голословных показаниях, на ничем не доказанных фактах». 17 ноября 1939 г. ее освободили из заключения…»

Все сказанное о маме — страшная правда… Но еще много горького осталось «за кадром». К опубликованному могу добавить следующее.

Священник о. Семен Телятьев был тем избитым человеком (она его, действительно, не узнала), который дал ложное свидетельство о маме (а ведь именно он крестил меня; есть и выписка из Метрической книги от 11.11.20 года). Но не столько эта клевета сломила ее, сколько угроза ареста дочери — мне тогда исполнилось 18 лет, и я сдала 1-ю сессию 1-го курса Горно-металлургического института.

Ссылку с правом переписки мама отбывала на Северном Урале — станция Сосьва узкоколейной железной дороги, проложенной от города Надеждинска.

Как и все несчастные родственники арестованных, я ежедневно ходила к зданию ГПУ на 6-й Красноармейской улице с передачей, чтобы что-то узнать о маме. (Как правдиво аналогичные очереди показаны в превосходном грузинском фильме «Покаяние»! Из кинозала вышла я опухшей от слез, но с просветленным чувством, что дожила до времени, когда оказалось возможным создавать и показывать такие картины.) Вскоре в той толпе ко мне подошла незнакомая женщина и сказала: «Аня! Мама передает, чтобы ты уже перестала сюда приходить и ждала письма — ее выслали. Больше ничего не спрашивай!» И, действительно, сначала я получила записочку такого же содержания, сброшенную из вагона с этапа (аналогичный кадр есть в фильме «Белые одежды»). Письмо с конечного места назначения пришло к концу апреля. Мама просила чаще присылать ей мои фотографии, что я и старалась делать.

Я осталась одна в дни зимних каникул и пришла в институт после того, как перестала искать маму в ГПУ и тюрьме, когда занятия начались. Декану М.А. Соколовскому сказала, что учиться больше не буду, потому что нет средств к существованию. Дальше почти дословно состоялся следующий разговор: «Ты веришь, что мама невиновна?» — «Да, конечно, да!» — «Тогда ее обязательно выпустят, и как она будет огорчена, если ты бросишь учиться! Я зачисляю тебя на стипендию, иди на занятия». Нельзя переоценить этот благородный поступок, ведь в то жестокое время, наоборот, студентов репрессированных родственников сразу отчисляли.

Наступившим потом летом, по просьбе мамы, я продала последнюю оставшуюся у нас большую вещь — папину енотовую шубу, взяла для нее одеяло с подушкой и в легкой кофточке, носочках и с красным портфельчиком поехала в лагерь на Северный Урал. О, легкомыслие юности! Описать то путешествие пока не берусь, так много было там переживаний… Скажу только, что свидание не состоялось. А мама всегда упрекала себя в неоправданном эгоизме, подвергая меня большим опасностям.

Заключенные, кому удавалось достать бумагу, писали заявления о пересмотре дел. Мама отправила таких 15 в различные адреса. Одно, на имя М.И. Калинина, получила я и страшно испугалась, ведь тогда о жестокости допросов говорить боялись. С попутчиком переслала я это заявление в Москву, и мы были уверены, что именно оно оказало влияние на пересмотр дела.

* * *

Мама вернулась из ссылки в начале декабря 1939 года, возобновила работу в Комму-

нальном банке. Наша жизнь продолжалась по ранее установленному режиму: мама много работала, я училась.

Второй учебный год в институте начался для меня нормально. Огорчением стал арест группы уважаемых преподавателей, в том числе и нашего декана, который вел в нашей группе начертательную геометрию, но принять экзамены не успел. Мерзко было видеть, как приглашенный потом преподаватель Тимофеев старался «завалить» сильных студентов, чтобы показать, как плохо осуществлялась учебная программа до него. Мы потребовали комиссии для переэкзаменовки и доказали обратное. Еще раз встретилась я с тем деканом Соколовским, когда группа оставшихся в живых преподавателей вернулась в 1945 и 1946 годах из заключения. Я случайно слышала их нелицеприятное объяснение с предавшим их человеком. Я постаралась встретить и остановить на улице уже совсем старенького декана и сказать о своей постоянной памяти и благодарности ему за прошлое. Он же посмотрел на меня и сказал: «А я вас не помню». Не вспомнил, что спас мое будущее!

Окончание института — начало войны! Прерваны последние каникулы, отменена преддипломная практика, ускорена подготовка и защита диплома, отъезд по распределению в Казахстан и работа на рудниках Джеламбет и Степняк треста «Каззолото». Везде очень трудно, голодно, горькие потери!

Мама оставалась в Иркутске. Возвращение к ней после окончания войны не принесло радости. После успешно занимаемых высоких должностей на золотоизвлекательных фабриках я стала работать лаборантом с весьма скромным окладом на той кафедре, где училась.

Правда, сначала был обещан перевод в аспиранты, и без ложной скромности могу сказать, что считала себя достойной того, поскольку приобрела разнообразный практический опыт, много занималась сама и самостоятельно проводила занятия со студентами. Но перспектива закрылась, когда на это место стал претендовать молодой демобилизованный тщеславный лейтенант, к тому же коммунист. Зав. кафедрой стал мне внушать, что при всех моих достоинствах должно понимать его преимущества по сравнению с ограниченностью прав «поповской дочки» и, следовательно, допуска к исследованиям по моей секретной специальности — золотометаллургии — оформить нельзя.

Начало лета 1947 года оказалось для меня решающим. В Иркутске проводилась первая конференция по изучению производительных сил Сибири, мы, молодые, были в обслуге ее. Спецпоезд привез группу ведущих ученых страны, нашу технологическую секцию возглавлял член-корреспондент АН СССР Игорь Николаевич Плаксин. Он был хорошо знаком со многими нашими преподавателями, в частности, с деканом Гелием Парфировичем Славниным. Последний знал о моих затруднениях, относился доброжелательно и, используя подходящий момент, представил меня этому выдающемуся ученому. Так я получила приглашение приехать к сентябрю в Московский институт цветных металлов и золота имени М.И. Калинина для сдачи вступительных экзаменов в заочную аспирантуру.

Совершенно случайное для меня совпадение: поезд прибыл в столицу нашей Родины Москву, яркую, праздничную, в знаменательный день ее 800-летия, и с этого дня начались счастливые изменения в моей жизни. При первой встрече с научным руководителем я сразу сказала о своем отце. Последовал вопрос: «Вы верите в его честность?» — «Да, безусловно, да!» — «Тогда остальное не имеет значения». Уверена, что еще ранее в Иркутске он получил соответствующую информацию и потом при моем засекречивании дал личное поручительство, о чем я узнала много позже.

Распределение после окончания аспирантуры я получила в институт города Орджоникидзе, но оттуда пришел отказ в связи с перспективой научного роста местных специалистов; возвращаться в Иркутск я сама категорически отказалась. О возможности остаться в Москве я не помышляла, но все же обратилась к директору института НИГРИзолото. Он был учеником моего руководителя, часто бывал у нас на кафедре, а ранее встречались на фабриках, и он всегда настойчиво приглашал в будущем на работу в свою организацию. Когда же в отделе кадров познакомился с моей анкетой,

то свободной штатной единицы не оказалось — опять мое происхождение! Я была в отчаянии…

В один из вечеров задержалась в лаборатории, чтобы оформить раздел из диссертации по обогащению мышьяково-пиритных руд в отдельный отчет для Института горного дела АН СССР, где заместителем директора был Игорь Николаевич Плаксин, который и зачислил меня на двухмесячную временную работу после моей защиты диссертации в декабре 1950 года, чтобы дать возможность спокойно подготовить документацию в ВАК. Посмотрев, чем я занимаюсь, он вдруг полюбопытствовал о моих дальнейших планах. Когда же узнал о возникших трудностях, то сразу сказал, что готов оформить меня на работу к себе, что не предлагал этого ранее, поскольку я никогда не обращалась с такой просьбой. Пригласил с условием, что о московской прописке и жилье буду заботиться сама. Так я обрела человеческое достоинство. Подробно описываю этот факт потому, что и сейчас воспоминания вызывают благодарную радость.

В 1952 году мама переехала в Москву. Условия нашей жизни постепенно улучшались. Меня перевели в старшие научные сотрудники. Установились связи и встречи с родными мамы: сестрой Надеждой, которая жила в семье сына Сергея Паршина в Вильнюсе, с братом Александром Мастрюковым, его дочерью Валентиной, которые жили в Риге.

Через три или четыре года после переезда мамы в Москву к ней приходил посланец от митрополита Коломенского и Крутицкого Бориса Ярушевича, который интересовался выпускным альбомом академии. Владыка был близким товарищем моего отца, стал в постриге отцом Николаем и достиг столь высокого сана. Мама, безусловно, в прошлом хорошо его знала, но от свидания категорически отказалась. Визит этот состоялся лишь в мое отсутствие, хотя мне так хотелось встретиться с живым свидетелем молодости моих родителей. Мама мне запретила и думать об этом и не захотела объяснить почему. Также непонятной мне осталась причина ее нежелания начать розыск отца.

И снова случай, на этот раз трагический, вмешался в мою судьбу. Много лет я проводила работы на Текелийской обогатительной фабрике, начальником которой стал Иван Игнатьевич Макиенко, а его жена Нина Андреевна Крюкова заведовала исследовательской лабораторией. Мы учились в одном Иркутском горном институте (они выпускались, когда я поступала), имели одну специальность, были единомышленниками. Это определило крепость нашего творческого союза и успех в совершенствовании технологии на предприятии, что, в свою очередь, укрепляло наши добрые отношения и после того, когда они переехали в Алмааты. Их сын окончил институт имени Баумана, имел семью, работал и жил в Подмосковье. Когда Иван Игнатьевич находился в длительной командировке в Югославии, Нина Андреевна приехала для оформления выездной визы к нему, жила у детей и здесь трагически погибла. Дальше сложилось так, что родные Ивану Игнатьевичу писали редко, и я оказалась для него связующим звеном с Родиной, советником в работе. Наше взаимное чувство родилось в переписке: его от одиночества, мое от сострадания. Правду говорят, что у русской женщины слова «жалею» и «люблю» — синонимы. Тронуло меня письмо Ивана Игнатьевича к маме, в котором он по старинному обычаю просил у нее «моей руки». Сначала я ответила, что когда он приедет, тогда обо всем и поговорим. Известна мужская психология: если женщина говорит «может быть», то это значит «да». Так воспринял мой уклончивый ответ Иван Игнатьевич и начал строить планы. Я боялась погасить в нем радость ожидания, сделать горьким его возвращение. Поэтому, посылая свою фотографию, которую он очень просил, обещающе надписала ее, легкомысленно полагая, что потом разберемся… Встречать его поехали сын Саша с невесткой Валей. Я думала, что увидимся мы только на следующий день, но Иван Игнатьевич появился уже к вечеру с такими радостными глазами, что сразу стал родным и близким!

От мамы я слышала молитву о кончине безболезненной, непостыдной, мирной. Так она и умерла у меня на руках: уснула и перестала дышать. Я не почувствовала даже момента отделения души от тела. Я же ощутила тогда, будто небо упало на меня… Случилось это на пасхальной неделе 5 апреля за 9 дней до ее 80-летия. Нам так хотелось достойно отметить

ее юбилей, предполагалось, что будут родственники. Они действительно приехали, но мама уже лежала под иконами, и горела привезенная из Иерусалима свеча.

* * *

Вскоре после того как мамы не стало, состоялось мое знакомство с Любовью Леонидовной Левицкой, учившейся в Иркутске у отца. Еще молодой она приняла постриг в Борисоглебской пустыни (село Аносино в Подмосковье), став монахиней Леонтией. Пробыла в обители до расформирования этого монастыря в 1921 году. Ее воспоминания опубликованы в Московском журнале за 1993 году под заголовком «Схимонахиня Леонтия». Долгое время находилась в ссылках; потом ее разыскали, как родственницу уважаемого на Украине дореволюционного писателя-демократа Нечуй-Левицкого и оформили разрешение на проживание в Москве с предоставлением комнаты. Довольно часто приходила я к ней. Это общение поддерживало меня, особенно во время болезни и смерти мужа.

Я еще продолжала работу в Институте и на пенсию вышла лишь в 1982 году, мечтая о радости труда на садовом участке вместе с мужем Иваном Игнатьевичем. Но не дал Бог… Летом я так заболела, что до осени не могла ходить. Тогда же обнаружился и серьезный недуг у Ивана Игнатьевича. В последние дни декабря ему сделали операцию, а 16 марта 1983 года наступила смерть.

Сразу после похорон мои коллеги по Институту чуть ли не насильно оформили меня на работу. Теперь работа стала казаться еще одним испытанием, которое я смогла вынести только 7 месяцев. Я исполнила свой профессиональный долг: кроме постоянной практической работы, 160 опубликованных научных работ, 8 авторских свидетельств, раздел «Обогащение» в терминологическом словаре по горному делу, участие в крупных совещаниях и конгрессах, в том числе и международных.

Заканчивая главу, хочу сказать, что случаи определяли все решающие изменения в моей жизни. Необходимость терпеливо выносить часто напрасные обиды научила меня больше думать, анализировать обстоятельства, и все чаще вставал вопрос: а что же направляло эти отдельные случаи?

О странных случайностях и совпадениях

Уже отмечала, что в раннем детстве отец сознательно отдалился от меня, и я не чувствовала его влияния на мое воспитание и формирование мировоззрения. С мамой мы разговаривали об отце редко. Поэтому меня стало удивлять, что после ее смерти мои мысли и воспоминания возвращались не к ней, а к отцу. Я не мистик, и с сожалением сознаю, что я недостаточно религиозна. Но все чаще, особенно после смерти мужа, стала почти физически ощущать, что отец как бы оберегает и поддерживает меня на жизненном пути. Отдельные факты стали выстраиваться в определенную последовательность.

В начале 20-х годов мои родители дружили с семьей Егуловых. Их дочь Татьяна Александровна, в замужестве Шипунова, считала отца своим духовным пастырем, в его честь дала имя своему сыну, которому отец был крестным. После смерти главы семьи и репрессии мужа она с матерью, сыном и братом переехала в Москву к своим родственникам. Когда мама стала жить со мной, Татьяна Александровна часто навещала нас, но я обычно в их разговорах и воспоминаниях участия не принимала. После смерти мамы она приходила уже ко мне и в одну из наших встреч сказала, что хранит письма моего отца, спросив, не хочу ли я с ними познакомиться. Для меня это оказалось полной неожиданностью, поскольку мама уничтожала свою переписку сразу. Трудно выразить те острые чувства, которые я переживала, читая письма отца. Высказанные там мысли пересказать не берусь, но воспринимала их как советы отца мне.

Но письма, написанные отцом Татьяне Александровне, оказались у меня лишь после ее смерти… Мы обе с Татьяной Александровной старели, встречаться уже не могли, и однажды позвонил Миша и сказал, что его мамы умерла, и что он обнаружил у нее подписанную фотографию моего отца. Я получила ее при

встрече на кладбище в 9-й день после смерти Татьяны Александровны. Тогда же я сказала и о письмах отца Татьяне Александровне, и, когда они нашлись, то и были пересланы мне.

Примечательно, что надпись на фотографии, посланной отцом из Минусинска в 1929 году, дословно повторяла сделанную им в 1924 году на совместном снимке с мамой. Следовательно, отец все время думал о грядущих испытаниях. Повторяю надпись: «Зная мои духовные и физические немощи, следуйте завету Св. Апостола Павла */Римл. XV. 30-31/* Свящ. Мих. Околович». И вот о чем говорится в том послании: «30. Между тем умоляю Вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа, подвизаться со мною в молитвах за меня Богу. 31. Чтобы избавиться мне от неверующих в Иудее и чтобы служение мое для Иерусалима было благоприятно святым. 32. Дабы мне в радости, если Богу угодно, придти к Вам и успокоиться с Вами. 33. Бог же мира да будет со всеми Вами, аминь».

Два последних стиха 32, 33, на которые хотя отец и не указывал, считаю для себя пророческими и заключительными для своей жизни!

В полученном пакете содержалось следующее: завизированная цензурой записка из Соловков от 24 июня 1927 года, письмо из Минусинска от 31 августа 1928 года и оттуда же открытка, по штемпелю отправленная 8 марта 1931 года, на последней изображен заключенный за решеткой с надписью «Помоги» и ниже «Вступайте в ряды МОПР». Не символично ли это?

А вот выписанные из писем советы отца… «…В личной жизни утешайтесь тем, что все Господь делает к лучшему. И испытания полезны». «Дай Бог и впредь не ослабевать».

Когда заканчивала работу над воспоминаниями, 3 февраля 1994 года неожиданно получила от Миши последнее письмо отца с Дальнего Востока, датированное: 24 мая 1935 года. Чувствуется, что написано письмо было в спокойной обстановке с доброжелательными советами Татьяне Александровне и обращениями к своему крестнику Мише. Отец писал: «Вашу память обо мне и участие я очень ценю и бесконечно благодарен. Причем, я не настолько избалован этим, чтобы мог безразлично к этому относиться. Скажу больше, по складу своего характера я очень привязчив, и забыть своих друзей и хороших знакомых не могу никогда. Пожалуй, в этом отношении даже ревнив более, чем следует. Претендовать на то, чтобы меня помнили, я не могу, но очень скорблю, когда некоторые из близких лиц совершенно исчезают из вида, и о них ничего не могу узнать. Беспощадная смерть унесла многих друзей, живые рассеялись и забыли, а новых не приобретаешь. Вполне понимаю неизбежность полного забвения и одиночества, но безразлично пока относиться к этому трудно. Время свое сделает!»

В конце письма отец подводит итог своей жизни: «У меня тоже юбилейный год — десять лет скитальческой жизни. К тихому берегу в этой жизни уже не чаю пристать. Пока еще жив и тяну лямку. Конечно, если бы не милость Божия и поддержка близких, уже не таскал бы ноги. В отношении работы и проч. Настоящее положение свое считаю хорошим (*отец тогда заведовал аптекой. — А. О.*). Больше терзаюсь за своих, у которых здоровье очень неважное. <…> Да хранит Господь! Не поминайте лихом Вашего друга и кума».

Отец достойно вынес страдания Христа ради. Пусть же сохранится о нем Светлая Память! Упокой, Господи, со святыми душу усопшего раба Божия и прости ему прегрешения вольныя и невольныя.

2 ноября 1997 года, г. Москва

(Текст стилистически отредактирован и сокращен для журнальной публикации)

Примечания

1. Такие даты, безусловно, перепутаны, указаны в общей справке о репрессированном духовенстве.

2. Подлинник диплома и альбом были переданы при личной встрече ректору академии в 1991 году.

3. Письменный прибор передан в Музей новомучеников Московского Свято-Данилова монастыря в 1998 году. Позднее туда же направила аналогичный экземпляр воспоминаний.

4. Это ложь мамы «во спасение»: отец никогда не был в Тамбовском училище и во время предыдущих ссылок права переписки, хотя и редкой, не лишался.

«БОГ НАС РАССУДИТ…»

Воспоминания о владыке Палладии (Шерстенникове)

Архиепископ Палладий с церковнослужителями и пономарями Иркутского Знаменского собора

Лариса Колодезникова

Владыка Палладий родился 17 апреля 1896 года, а день Ангела у него был 10 декабря. Он был арестован и осужден на несколько лет лагерей. Срок отбывал на Колыме. По рассказам владыки, в лагере он работал на лесоповале. Кормили заключенных скудно, и владыка страдал цингой. Вернулся из лагеря без единого зуба, с переломанными пальцами. Рассказывал, что им всегда хотелось есть и они ждали, когда в корыто свиньям выльют корм, который успевали хватать руками. Однажды надзиратель скатил ногой бревно, которым владыке и раздавило пальцы.

В 1949 году он приехал в Иркутск и пробыл здесь до весны 1958 года. Для нас это были счастливые годы: мое детство прошло в ограде Знаменского монастыря, а владыка был для нас как родной дедушка. Бабуся наша, Анна Константиновна Концевич, принявшая в 1923 году монашеский постриг с именем Серафима, еще в момент открытия Знаменской церкви в Иркутске работала на разных должностях, в том числе продавала свечи, а потом до 1958 года служила завхозом Архиерейского дома.

Часто мы с бабушкой и младшей сестрой Наташей ужинали и завтракали у архиепископа Палладия. Иногда бывала и Степанида Мироновна Соколова с детьми Ларисой и Колей. Сначала мы читали «Отче наш», потом каждый садился на свое место. Владыка всегда беседовал за столом и вовлекал нас в разговор. Однажды во время завтрака по радио Валентина Сперантова читала рассказ Носова «Мишкина каша». Владыка слушал и смеялся до слез, мы тоже хохотали и дослушали рассказ до конца. Вспоминаю вечера, когда долго сидели у владыки, слушали пластинки с записями знаменитых певцов, передачи «Театр у микрофона», потом шли к бабусе, а владыка закрывал за нами дверь

Ю. В. и Л. И. Колодезниковы

и шел спать. Владыка любил вареное молоко с пенкой, пил с ним чай, а пенки вылавливал. Мою младшую сестру Наташу дразнил, говоря: «Видишь, я ем пенки, и у меня борода растет. Не ешь, а то и у тебя вырастет».

В Архиерейском доме во время владыки Палладия смотрели фильмы. Сначала это были диафильмы. Потом появился киномеханик, стал показывать настоящие фильмы, научил меня заправлять пленку и включать аппарат, так что я умела это делать довольно хорошо. Пленки на бобинах в железных коробках брали в кинопрокате, где-то рядом с кинотеатром «Художественный». На киносеансы собирались все жители церковного двора. Смотрели самые разные фильмы, особо помню фильм «Александр Невский».

Владыка любил прогулки, причем довольно длинные. В любое время — летом и зимой — часто приходил к нам в гости. Мы жили на улице Крестьянина за мельницей. Дом наш до сих пор стоит в ограде. Зимой владыка выходил из калитки, которая смотрела на Ангару, и шел по льду: Ангара тогда вставала, трещали морозы. Владыка приходил весь в сосульках на бороде и усах. Подходил к дому, стучал посохом и говорил: «Принимайте гостя». Снимал пальто, скуфейку, пил чай, отогревался, разговаривал и шел потом снова по Ангаре. Мы шли провожать до льда. Одевался он в подрясник и пальто, на голове скуфейка. Обувался в сапоги, добротные, мягкие, без скрипа, с рантом, а зимой носил на ногах бурки.

Летом владыка прогуливался по саду, в ограде Знаменского собора. Там росло много цветов, только георгинов на зиму убирали до 80 корней. За садом ухаживала монахиня Анна, дочь матери Татьяны. Они жили в отдельном

доме, где стряпали просфоры. Дом этот был построен при владыке Палладии. Также при нем подремонтировали всю ограду вокруг соборного двора, построили гараж, хозчасть и, конечно, отреставрировали сам Знаменский собор. Внизу в Архиерейском доме был открыт свечной завод. Работами по строительству и ремонту руководила инженер Татьяна Павловна.

В доме жили разномастные жильцы. Там, где сейчас находятся архиерейские покои, владыкой была занята только одна комната, в другой комнате жил отец Анатолий Корнильев со своим дядей. С левой стороны за отдельной дверью был коридор и несколько комнат, одну из них занимала бабуся. Дальше в двух комнатах жила семья, из которой я помню девушку Тамару, которая работала продавцом в обувном магазине. Позже людям помогли переехать в другое место, а квартиру переделали под архиерейские покои и канцелярию. Последнюю комнату около владыки тоже освободили. Раньше там жила семья — дочь и мать, одна из них была портниха Ольга. А после ее занял келейник архиепископа Петр Михайлович со своим дядькой. После освобождения дома от гражданских жильцов там была сделана перепланировка, провели водяное отопление, а потом на втором этаже появилась кухня и ванная комната.

После того как из Богоявленского собора перевезли в Знаменскую церковь гроб владыки Иоанна (Смирнова), он стоял два дня примерно на том месте, где сейчас находится рака с мощами святителя Иннокентия. На архиепископе Иоанне была мантия из тафты фиолетового цвета, а на груди виднелось более яркое место по форме креста. Крест украли при вскрытии места захоронения. Кожа на лице была цвета темно-желтой бумаги, а потом стала осыпаться. Похоронили владыку Иоанна с правой стороны от памятника Г.И. Шелихову, могила была покрыта дерном и увенчана деревянным крестом. Но примерно через неделю явился представитель советской власти Житов и постановил, что могиле архиепископа Иоанна нельзя находиться рядом с памятником Шелихову. После этого владыка Палладий пришел вечером после служ-

Архиепископ Палладий в кабинете. Около 1958 г.

бы, переживал, молился и решил, что не надо беспокоить и так перезахороненные мощи. И ночью холм и крест перенесли к Никольскому приделу, а могила осталась на прежнем месте. Но никто об этом не знал. Каждый день владыка Палладий рано утром, когда не было посетителей в ограде, ходил к могиле на поклон.

Перед выборами в собор приходили агитаторы и говорили, что надо обязательно принимать участие в голосовании. Как правило, это были учителя. Владыка беседовал с ними, и после этого они уходили в растерянности, говоря: «Что мы можем ему возразить, ведь этот человек знает столько, что мы перед ним первоклассники». Помню, мы ждали владыку со службы, сидели в сенях Архиерейского дома, а бабуся читала толстую книгу. Читала быстро, легко, и видно было, что она заинтересована ею. Пришли две учительницы — агитаторы, приближались очередные выборы. Бабуся ушла в свою комнату за паспортом, и одна из них взяла книгу посмотреть, что же читает бабушка. Это был «Капитал» Карла Маркса. Они сказали только: «Кого же здесь агитировать?» Когда бабуся вернулась, учительница спросила: «Вы все понимаете?» Она начала им рассказывать, а те сидели и слушали. Эту книгу читал и владыка, у них часто бывали дискуссии на разные темы.

Уполномоченный Житов был зануда, очень любил читать нотации. Владыка всегда приходил расстроенный после службы, на которой присутствовал Житов. Если появился уполномоченный — жди неприятностей. Однажды Житов спросил владыку, зачем тот привлекает на службу и в алтарь детей школьного возраста. А владыка ему ответил: «Бог нас рассудит, кто прав». Может, и нельзя было с ним таким тоном говорить, потому что Житов был начальством, но владыка умел в разговоре с ним отстаивать свое мнение.

У могилы архиепископа Иоанна. 1949 г.

Совершал богослужения владыка торжественно. По утрам и вечерам, когда он служил, сначала раздавался звон большого колокола: «Бом, бом, бом». Он выходил из дверей дома в рясе, клобуке, с посохом, в сопровождении келейника Петра Михайловича Безродного,

и уже под перезвон колоколов, будто говорящих: «Идите к нам, идите к нам!» — размеренным шагом подходил к паперти, а в храме шел до алтаря по расстеленной дорожке. Прихожане встречали его и приветствовали. После службы, когда все приложатся ко кресту, он также возвращался домой, снова под перезвон колоколов. Служил он часто, не только по субботам и воскресеньям.

При владыке Палладии в собор стало ходить заметно больше народа, и даже молодежи, студентов. Помню двух сестер-студенток, одна из них училась в инязе. Они собирались бросить учебу и идти в народ призывать к вере. Но владыка Палладий сказал: «Хорошо, веруйте сами, говорите о вере, но учебу не бросайте. Молодежь должна быть образованная».

На праздники при владыке Палладии всегда накрывались столы. Старались всех накормить, ребятишкам гостинцев с собой дать. У владыки широкая душа была. На Рождество Христово, Пасху Христову мы с бабусей стояли в церкви не до конца службы, уходили накрывать столы, которые обычно ставили в канцелярии, покрывали белоснежными отглаженными скатертями. Владыка был хлебосольным, добрым и щедрым. Помню пасхальную ночь, все пришли из церкви, народу оказалось больше сотни. На столах — красивейшие яйца, их покрасили фотокраской, а когда начали разговляться, оказалось, что есть их нельзя — краска прошла насквозь. Владыка выразил неудовольствие, но к счастью, у бабуси был запас — двести яиц, которые в срочно окрасили в луковом пере. Гнев был сменен на милость.

Архиепископ Палладий с прихожанами Знаменского собора на отдыхе

На Рождество Христово, Крещение Господне, Пасху Христову собор был полон народа, люди стояли и на улице. На Крещение всегда совершался крестный ход на Ангару для освящения воды. Выходили из калитки, смотрящей на реку, дороги там тогда не было. Из большой проруби-иордани, заранее выдолбленной, набирали святую воду. Конечно, тогда собиралось не так много народа на Крещение, как сейчас, когда люди идут и идут за водой. Тогда же за веру православную люди подвергались гонениям. Нельзя было, скажем, чтобы в школе видели,

что ты носишь крестик. Я всегда носила крестик пристегнутым сбоку на маечке. И если случался медосмотр, то скорее снимала и прятала его в руку или карман. Однажды я встретилась в храме с одноклассником, которого привела туда тетка. У него родители погибли на войне, а она его воспитывала. Он посмотрел на меня, хихикнул. После службы пошли по домам. Он идет по одной стороне улицы, а я по другой. Идет и на всю улицу поет: «Господи, помилуй». Я говорю: «Не дразнись, налуплю». Подняла мороженый комочек глины и, не целясь, попала в глаз. На следующий день нас учительница поставила друг против друга и спрашивает: «Кто тебя?» — «Аксенова». — «За что?» — «Дразнился». — «Как дразнился?» А я ему кулак из-под фартука показываю, чтоб не проговорился. Он промолчал. И больше никто не знал, что я в церковь до десятого класса ходила, ни директор, ни учителя.

Все прихожане опечалились, когда узнали, что владыку Палладия переводят в Саратов. Даже писали письмо в Патриархию с просьбой оставить его. Сам владыка с печалью расставался с Иркутском, он знал, что в Саратове очень сложная обстановка. Но и в Саратове он быстро привел дела в порядок — он умел руководить. Мы прощались с владыкой дома. Он был расстроен, опечален, старался говорить на отвлеченные темы, а мы плакали.

Архиепископ Палладий с Наташей Аксеновой. 1949 г.

Юрий Валентинович вспоминал:

Меня в Знаменскую церковь привела бабушка еще в 1946 году. Помню, как во дворе еще стояли самолеты, стена Преображенского придела была разобрана, кресты сняты: после закрытия монастыря там размещался гидроаэропорт. Я стал прислуживать в алтаре при владыке Ювеналии (Килине), но он пробыл у нас в Иркутске недолго. Был замкнутым, мрачным и никогда с нами, пономарями, не разговаривал.

А потом приехал владыка Палладий. Он всегда интересовался нами, спрашивал, как дела. Благодаря его расположенности, доброте это было очень счастливое время. Очень запомнились поездки с ним в отдаленные приходы епархии. Что бы я без него увидел, когда отец мой погиб на фронте, а нас у матери было двое! А это — как отдушина, кусок другой жизни. Мы летали ним на самолете в Читу, в Улан-Удэ были два раза. Принимали нас везде очень торжественно, храмы были полны народа. Кроме дальних поездок мы выезжали с ним на машине на природу. Где бы я в то время на машине поездил? На природе отдыхали, играли, например в лапту. Ему подкинешь мяч, а он как поддаст — мяч летит далеко и ровно. После долгих служб я несколько раз ночевал в Архиерейском доме. У владыки была радиола «Урал», и вечером мы слушали пластинки Шаляпина, Бернеса и другие.

Владыка привлек в алтарь нескольких ребят-школьников. Тогда это, конечно, не приветствовалось. Сестра моя была отличница, а я плоховато учился. Директором 8-й школы на Рабочего Штаба тогда был Яков Абрамович Левин. Он не раз вызывал меня к себе и спрашивал, зачем я хожу в церковь. Мало того, что плохо учусь, еще и службы посещаю.

Воспоминания для публикации подготовила кандидат исторических наук И. Смолина

«БУДЬТЕ, КАК ДЕТИ...»

Студия изобразительного искусства для детей при воскресной школе Михаило-Архангельского Харлампиевского церковного прихода

М.Ю. Корзун. Архангел Михаил. Холодный батик. 2012 г.

Наталья Вертлиб

Аминь глаголю вам, аще не обратитеся и не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное: иже бо смиритеся яко отроча сие, той есть болий во Царствии Небесном; и иже примет отроча таково во имя мое, мене примет (Мф. 18:3-6).

История художественной студии при Харлампиевском храме и проста, и причудлива… Насколько мне известно, это была светлая мысль Александра Морисовича Москвитина, известного художника, нашего друга, которую поддержал батюшка, настоятель Михаило-Архангельского Харлампиевского храма, протоиерей Евгений Старцев. Правда, мы будущую художественную студию иначе представляли, в классическом варианте, а наша деятельность стала принимать подчас неожиданные формы — и мыловарением занимаемся, и декорации изготавливаем, и сувенирами самодельными торгуем, и театр православной моды сейчас у нас формируется… Но, любящему Господа все поспешествует ко спасению.

К тому времени я уже около десяти лет вела изостудию в Иркутском государственном университете, хотя педагогом себя никогда не считала, скорее «играющим тренером», всегда больше хотелось заниматься творчеством самой. Мне нравится процесс рисования, живописи и интересно общаться с единомышленниками, тоже увлеченными искусством, независимо от социального положения, возраста. Мы с ребятами-студийцами обсуждаем все как коллеги, просто у меня больше опыта.

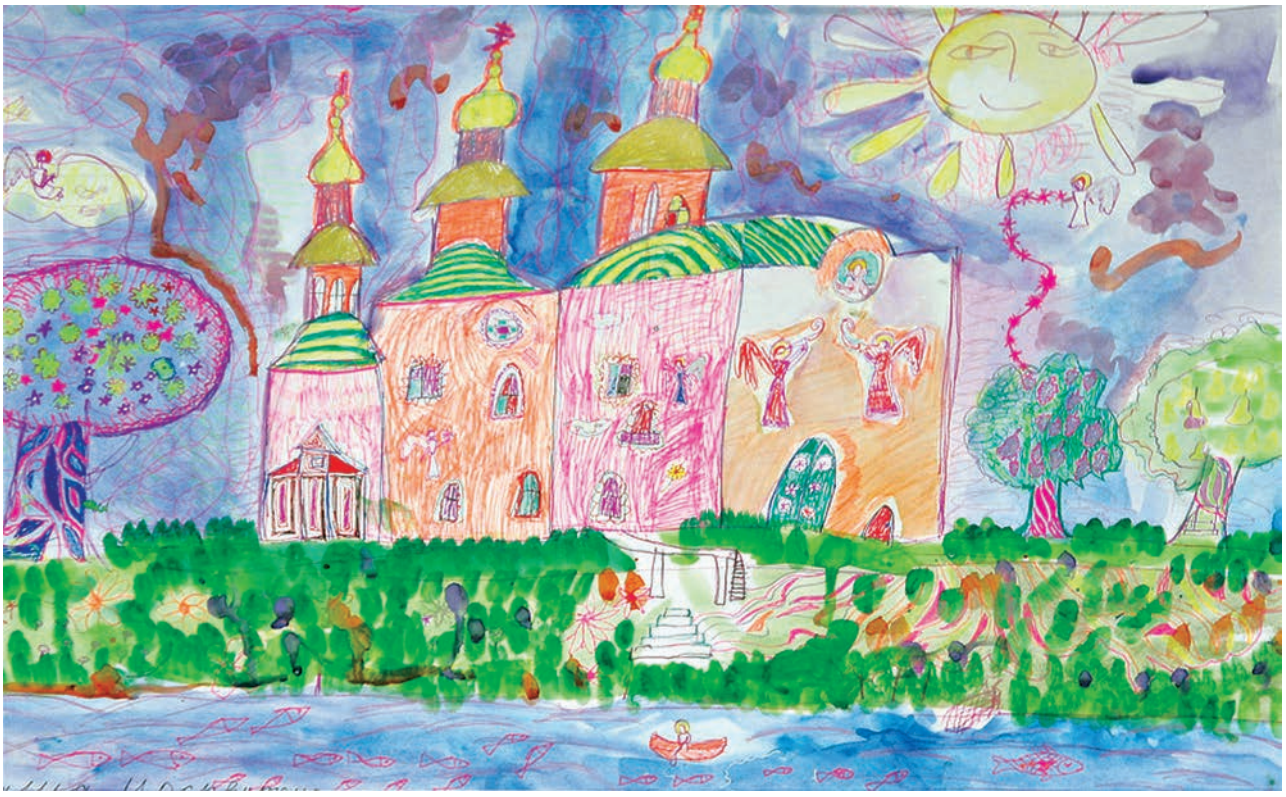
Никогда не думала в юности, что буду преподавать детям живопись, рисунок, композицию. Работала со студентами, а с детьми занималась только летом, в альпинистском лагере «Ангасолка». Там меня и «подобрал» отец Александр Абидуев, который приехал в Ангасолку со своими «витязями», открыл православный детский лагерь. Я все на детей смотрела, тайно завидовала и думала, как бы ребеночка своего в православный лагерь пристроить и как было бы интересно сделать выставку детскую о святых, чья земная жизнь связана с Байкалом, Сибирью. Вот хотя бы взять святителя Иннокентия Вениаминова… Тогда ничего о нем еще и не знала толком. Потом мы в нашей воскресной школе при храме воплотили проект, согласно которому вместе с родителями и детьми изучали житие святого Иннокентия, рисовали и красками, и пастелью, и батиков понаделали о его житии. Потрясенная деяниями этого духовного мужа, который жил свою земную жизнь не так и давно, ходил по нашим улицам, как у Цветаевой говорится: «мы все коронованы тем, что землю одну с тобою топчем, что небо над нами тоже», потрясалась, да как же раньше этого не знала, зачем жила вообще? Впрочем, в то время постоянно возникали такого рода потрясе-

ния… Когда пришла посмотреть будущую студию, в школе вовсю шел ремонт. Мне показали самое просторное и светлое помещение. Большие окна, а во все окна — Храм. Сразу решила — будем брать!

* * *

В семье моей рисованием никто не занимался. Мама — лингвист, отец физико-математический с красным дипломом закончил. Когда в три года впервые попала в наш художественный музей, отказалась покидать его и решила там остаться жить. Родители мужественно исполняли свой долг и регулярно водили на все выставки, выписывали специальные журналы, покупали книги, отдавали в кружки. Я все время рисовала — и на уроках в тетрадях, и на стенах у себя дома, и в домах своих друзей, и маслом писала, и акварелью, и… сажей на камнях. В училище пошла, чтобы профессионально овладеть всеми навыками рисования. Поскольку всегда хотелось большего, решив, что «недоучилась» в училище, закончила институт. Художник монументальной живописи по специальности, я видела себя только в храме «на стенах», но отец Евгений сказал: «Работая с детьми, Вы принесете больше пользы». Аргумент веский. Послушалась, набрала в студию детей, а следом и взрослые пошли, и наше изобразительное искусство обрело самые причудливые манеры и техники.

«Интересно ли работать с детьми и что это дает моей душе?» — спрашивала я себя и отвечала себе… Со взрослыми в профессиональном плане мне интереснее, но с детьми — и от общения, и от картин их — умиление, вдохновение. Детки же еще грехов особых не наделали, и их светлые небесные души в картинах и воплощаются. Господь проповедовал: «Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него» *(Мк. 10:15)*.



Маша Москвитина. Храм

Последнее время вообще ничего кроме работ детей-студийцев не воспринимаю. Потом у детей еще взгляд не зашоренный и фантазия безбрежна, словно небо. Дети такие чудеса рисуют, взрослый бы в жизнь до такого не додумался. Правда, они не осознают этого, и главное — успеть вовремя работу отобрать,

пока не испортили. Конечно, чтобы объяснить ребенку сложнейшую теорию композиции приходится исхитряться всячески, а лучший принцип — «делай, как я», рисуем вместе. Старец Паисий Святогорец говорил: «Как же воздействует состояние человека на рукоделие, которым он занимается! Даже и на деревяшки. Страшное дело! Результат работы зависит от того состояния, в котором находился человек, когда он ею занимался». Это применимо и к искусству, которое существует на границе материального и духовного. Не случайно, когда в Сибэкспоцентр на Православную ярмарку привезли драгоценную святыню — икону Божией Матери «Неупиваемая Чаша», возле нее было разрешено разместить только детские работы. Так картины наших детей составили свиту Пречистой Девы. Не случайно же сказано в Святом Писании: «Будьте, как дети, иначе не войдете в Царствие Небесное».

Лиза Шахерова. Рождественская ночь

В искусстве художник должен увидеть как бы впервые чудесные явления окружающего мира, мимо которых мы ежедневно проходим и не замечаем красоты, которую Бог сотворил. Помните, у Моне: написал розовый туман, и все зрители хохотали над художником и издевались над ним. А потом вышли на улицу и увидели, что туман-то и в самом деле — розовый. Пыль старинных кирпичных зданий, висящая в воздухе, окрасила его. Сколько столетий Лондон окутывает розовый туман, и никто этого не замечал. Художник должен быть мальчишкой, который не боится закричать: «А король-то голый!..» Если ты чего-то не видишь, это не всегда означает, что этого нет. Надо учиться видеть. А пока учишься, приходится многие вещи на веру принимать. Только потом начинаешь замечать перспективные закономерности, тональные, тепло-холодные отношения — это не сразу постигается.

В чем своеобразие детского мировосприятия и мировыражения в изобразительном искусстве в отличие от взрослого? Взрослым часто условности мешают: а что подумают, а что скажут, а вдруг раскритикуют… У ребенка погруженность в процесс, бескорыстие, бесстра-

Православная школа искусств
Курманкулова Маша

"Святитель Иннокентий Вениаминов

шие. Вот так можно написать, и кисточкой натыкать, и пальцами все размазякать — и будет нам счастье! Опять хочется обратиться к старцу Паисию. Он рассказывает о неграмотном монахе, простеце, который думал, что Аналипсия (Вознесение) — это имя святой, и молился ей усердно. Когда понадобилась рыба для болящего брата, монах опустил руку в воду и воззвал к святой Аналипсии о помощи. Конечно же, когда он вынул руку из воды, то сжимал рыбину, и

Василиса Кротина. Ноев ковчег

само собой воспринял случившееся как должное.

Очевидно, не многие после студии изобразительном искусства будут продолжать художественное образование и станут профессиональными художниками, но приобщение к искусству, видимо, полезно и в иных профессиях, поскольку развивает творческое начало в сознании, обогащает воображение. И не только воображение, но и простую житейскую наблюдательность. Простой пример: рисуем классический байкальский пейзаж «горы и воды». «Дети! Дальние горы не бывают коричневыми! Они голубые, синие, перламутровые, какие угодно, только не коричневые!» Все взоры устремляются на туманящийся за Байкал-морем Хамар-Дабан. «Ну вы же каждый день на них смотрите!» Эта история повторяется из года в год. Человек воспринимает вещи не как они есть, а как некие навязанные ему представления. Божий мир гораздо интересней, чем мы думаем. Мы узнаем, что художники творят не как им заблагорассудится, что искусство определенным законам подчиняется. Учимся постигать эти законы и понимать язык искусства. Учимся трудиться. Оказывается, — вот удивление! — живопись — это труд! А мы-то думали, баловство какое-то. И вообще, художник — он и исследователь-естествоиспытатель, и психолог, и философ, и этнограф по совместительству.

В чем отличие студии при храме от обычных художественных студий?.. Наша первичная

задача — проповедь. Как говорит отец Паисий, «живопись без благочестия — это краски». Творчество — черта богоподобная. Но воля человека направляет ее на созидание или на разрушение. Бесы такого дара не имеют и очень завидуют. И стараются творцом овладеть и направить его деятельность в греховное русло. Они такого человека «загоняют» как лошадь и бросают, полностью опустошенного, погибать. Поэтому искусство само по себе ценности не имеет, но ценно настолько, насколько причастно к Богу. «Без меня не можете делать ничесоже…» Наша студия стала центром притяжения, где собираются не просто творческие люди, но люди близкие по православному духу. И когда мы разрабатываем проекты выставок-ярмарок, то, разумеется, чтобы приурочить их к великим православным праздникам. Возникла традиция проводить праздничные ярмарки сувениров, изготовленных нашими студийцами. И с других приходов мастера приезжают. Любимое детище, рожденное студией, — художественная галерея «Воскресение» при Харлампиевском храме. Мы экспонируем на выставках работы наших учеников и приглашаем художников и мастеров различных направлений — всех единомышленников. Наша Церковь всех призывает, и мы всех принимаем — и детей и взрослых. У нас родители вместе с детьми занимаются, а бабушки с внуками. Наши педагоги-художники Марина Юрьевна Корзун и Ирина Доржиевна Бобкова завоевали дипломы на региональных и международных выставках, а теперь возглавляют новые отделения нашей студии. Ирина Доржиевна работает с группой «особых ребятишек» при художественной студии, и вот ее рассказ…

Рабочая обстановка

* * *

«Группа для детей с ограниченными возможностями — моя давняя мечта. Родилась она в конце девяностых годов, когда, помогая родителям в работе, приходилось заниматься снабжением домов престарелых и инвалидов. Тогда-то я и встретила людей с ограниченными возможностями. Работая с разными учреждениями по всей Бурятии, я видела художественно-прикладные выставки прекрасно выполненных изделий,

созданных руками инвалидов. По своей первой профессии я — врач-педиатр, много лет работала с детьми, в том числе и с «особыми» ребятишками. Однажды на курорт Аршан, где я работала врачом детского корпуса, приехали дети с синдромом Дауна и глухонемые дети. Уроки арттерапии — а рисовали мы прямо на полу, расстелив склеенные листы ватмана, — дали детям не только творческий толчок, но и улучшили настроение, многие ребятишки начали самостоятельно рисовать впоследствии. Это и подтолкнуло меня к мысли, что самовыражение ребенка в творчестве необходимо не только для общего развития, но и для положительной динамики в заболевании. Известно, что восприятие цвета, формы, работа с разными текстурами материалов дает таким ребятишкам неоценимую пользу. Они начинают лучше говорить, налаживается координация движений, в характере вырабатывается оптимизм и созидательность.

В моей семье искусству и творчеству уделялось большое внимание. С самого раннего детства моя бабушка — Н.А. Щукина, внучка известных в Иркутске ученых С.С. и Н.С. Щукиных, — воспитывала меня в лучших традициях просвещенной семьи. Богатая библиотека, содержащая прекрасно оформленные альбомы по искусству и живописи, была в полном моем распоряжении. Вот тогда в душе и родилась любовь к живописи. К сожалению, специально учиться рисованию мне не пришлось, но большое влияние на меня оказали мои дядюшки, художники К.Е. Шулунов и Ю.К. Осипов. Их произведения стали для меня азбукой рисования и живописи.

Профессиональная черта художника — сосредоточенность и отрешенность

Все эти пути и перепутья привели меня к идее создания группы арттерапии для «особых» ребятишек при художественной студии Харлампиевского храма. С благословения и при активной поддержке нашего уважаемого настоятеля, отца Евгения, мы с руководителем студии Натальей Вертлиб встретились с мамами из «Солнечного Круга» — Иркутской региональной общественной организацией родителей детей-инвалидов — и пригласили желающих в студию. С приходом этих ребятишек и началась жизнь нашей группы. Все дети с тяжелыми заболеваниями, со сложностями

в обучении, с расстройствами поведения… Но как блестят их глаза на занятиях, как они отдаются творчеству!.. На занятиях по мыловарению, аппликации, лепке, декупажу эти дети творят наравне и совместно с нашими обычными студийцами. А иногда мы просто играем, веселимся. Ребятишки обожают трапезную Харлампиевской воскресной школы, где их всегда готовы угостить чем-нибудь вкусным, напоить чаем. В нашей студии они — обычные здоровые дети! Дети, которые могут раскрыть свои творческие дарования, научиться художественно-прикладным ремеслам. Иногда на занятия приходят студенты Иркутского государственного и медицинского университетов, которые когда-то учились у меня на курсах. Обоюдная польза такого общения бесценная: начинающие врачи и психологи учатся общению с «особыми» детьми, а ребята охотно, радостно общаются с молодыми, веселыми людьми.

Кроме творчества эти ребятишки и их мамы присутствуют на утренних литургиях в нашем Харлампиевском храме, где к ним относятся с пониманием и состраданием, хотя, увы, в иных церквях, случается, некоторые прихожане от непонимания проблем таких детей делают замечания их родителям. В нашем храме «особых» детей воспринимают с мудрым и ласковым терпением. Некоторые дети впервые причастились Святых Христовых Тайн в нашем храме! Мамы отмечают, насколько это положительно влияет на поведение и состояние здоровья. Дети становятся спокойнее, налаживается сон, появляется тяга к творчеству.

Одна из первых моих учениц, Даша, теперь самостоятельно варит мыло, лепит из пластилина дома, душевное состояние девочки настолько улучшилось, что даже после большого перерыва, вернувшись к рисованию и раскрашиванию, она работает еще лучше и увереннее. А ведь с точки зрения врачей и педагогов она необучаема, как и другие наши дети. Сева и Степашка тоже знатные мыловары, а еще они прекрасно лепят и делают аппликации. Самые

маленькие наши студийцы — Ирочка, Анютка и Ниночка — обожают рисовать красками, за мольбертами они преображаются и рисуют, пробуют цвета, их сочетания. Родители тоже проникаются духом творчества и начинают творить вместе с детьми, с удивлением и радостью находя в себе художественные дарования. Мамы отдыхают душой на наших занятиях, все больше появляется в них веры в своих детей, все больше открываются их сердца.

Василиса Кротина. Адам и Ева в раю

С Божьей помощью мы идем вперед, в планах — выставка работ «особых» ребятишек, дополнительный набор, активное привлечение студентов-волонтеров для участия в творческих проектах. Теперь мы одна большая семья, семья творческая, неунывающая».

* * *

Но вернемся к обычным детям… Я уже помянула о работе педагога-художника Марины Юрьевны Корзун, а вот и ее рассказ о студии декоративного искусства «Солнышко», которой она руководит.

«Стоять у истоков большого, творческого дела всегда ответственно, трепетно и благостно, потому что — при храме! Мой путь к студии изобразительного искусства при Михаило-Архангельском (Харлампиевском) храме простирается из детства. Интерес к искусству всегда был рядом и проявлялся благодаря кружкам по танцам, лепке, рисованию, шитью, музыке, и всегда в живом, энергичном участии в процессе познания этих интереснейших видов творчества.

…Поработав с профессионалами в живописи, я случайно увидела объявление на воротах церкви о том, что при Харлампиевском храме открыта студия… Творческая работа моя снова ожила, а через три года мне посчастливилось показать свои работы на открытии вы-

ставочного зала при Харлампиевском приходе. Для меня это было совершенно неожиданно!

Потом Наталья Александровна Вертлиб, руководитель студии изобразительного искусства при Харлампиевской воскресной школе, решила, что мне можно попробовать себя в создании декоративной студии для ребятишек. И в феврале 2013 года родилась студия декоративного искусства «Солнышко».

В студии постигают азы искусного ремесла ребятишки от трех до девяти лет. Но самое интересное то, что у самых маленьких студийцев есть еще более маленькие братики и сестренки, которые, сидя на руках у мам и пап, смотрят на все рукоделия сверху, как притихшие птенцы из гнезда. Совместное творчество родителей и детей позволяет и нам воплотить в жизнь известный проект «Совместное семейное творчество». Дети нашей приходской воскресной школы с малого возраста учатся творить интересные поделки и тем самым приобщаются к творческому труду, к познанию Божиего мира, и со своим детским художеством участвуют в самых больших православных праздниках — Рождество Христово и Пасха Господня. Это и есть дорога к храму!

Последний этап: закрепление красочного слоя лаком

Зрелому человеку общение с детьми дает то, что редко можно встретить в общении со взрослыми: чистоту помыслов, радость, навеянную искренностью еще безгреховной души, прозрачной и чистой, как крещенская вода; умение прощать и не затаивать обиду; порой глубже взрослого понимать и различать доброе и злое. Без чего в Царствие Божие не войти.

Разбудите в себе чистые истоки детства! Очиститесь от суеты, остановитесь, подумайте, решитесь изменить свою жизнь.

Ребенок воспринимает мир таким, каким он должен быть, полным любви и взаимопомощи. Детское мировыражение ясно видно в их произведениях. Вот «Домик» без двери словно приглашает: «Заходи, я всегда тебе рад!» А это «Снеговик» для Рождественской елки, улыбается — счастлив, рад белому свету! Посмотрите, какая красивая наряженная елка в храме, и все игрушки самодельные, рожденные в творческих поисках, в кропотливом труде маленьких талантов. Не это ли участие в жизни храма! Наши студийные уроки учат детей трудолюбию, общинному братолюбию и сестролюбию, чему и учит нас Христос. Наша маленькая замечательная студия не только дает уроки рукоделия, но и таким образом выполняет миссионерскую службу, приобщая детей к христианству.

Хочется сказать несколько слов о моих подопечных… Наравне с малышами трудятся и творят Мария Курманкулова и Нина Житова. Работа над композицией поделки у них выливается в самый настоящий творческий процесс: находясь приличное время в поиске, они расхаживают по комнате, рассуждают меж собой, делают попытки изобразить задуманное на бумаге, подглядывают решения у других «воятелей». Черновиков и мыслей, проговариваемых вслух, много. Иногда творческие поиски покидают ребят, и тогда они бывают даже и капризными. У Маши и Нины получились яркие, интересные поделки по флористике и игрушки на Рождественскую елку. Радость и улыбки являются у зрителей, когда они видят работы совместного творче-

ства Алеши Иншакова с родителями и «группой поддержки» в лице годовалого братика, у Юлечки Шишкиной с ее мамой и тоже «группой поддержки», Кирилла Кузнецова с его папой и мамой и, опять же, «группой поддержки».

Я вспоминаю время, когда Юлечка пришла к нам первый раз. Это было незабываемо! Она с таким рвением работала, точнее, размазывала по листу и столу громадное количество краски всех цветов, и у нас, учителей, не поднималась рука остановить малышку. А когда пытались, девочка не хотела отдавать коробку с красками, плакала и крепко прижимала громадную кисть, вполовину самой «художницы». С большим трудом уговорили ее оставить краски и кисть до следующего занятия. На другом уроке Юлечка была совершенно счастлива, изображая свои фантазии на громадном листе пальчиковыми красками.

Воплощение замысла началось...

А наш Алеша, неусидчивый, беспокойный «воятель», вначале обдумывает будущее произведение, ходит взад-вперед, что-то причитает и лишь потом работает руками. Классический мужской подход к творчеству!

Малыши, которые вначале трудились совместно с родителями, позже создали и самостоятельные работы: Юля — снеговика, Алеша — портрет Пресвятой Богородицы, Кирюша — избушку. Как он сильно переживал, что не справится с заданием, не получится у него «пряничная избушка». А какое светящееся, праздничное мыло и упаковочные коробочки сотворили эти мастера! Дела «поворачиваются» на чистое индивидуальное творчество. Да, мы, похоже, и к ярмаркам готовы! Ребятишки творчески трудятся не только для развития моторики, воображения и приобретения навыков искусного ремесла, но и для участия в выставках, что дает им уверенность в том, что труд их нужен и интересен людям.

Студия «Солнышко» будет развиваться по проекту, в который входят следующие виды творчества: работа с тканью, бумажные поделки, флористика, роспись по дереву, создание кукольного театра, живопись. Студийцев ждут экскурсии по музеям и прогулки среди природной и рукотворной красоты с целью развития внимательности, любознательности, чуткости к прекрасному, чтобы затем с любовью и трудолюбием дети через свое рукоделие отобразили красоту Божьего мира! Господи, благослови нас!»

* * *

Студия изобразительного искусства при храме не только дает ученикам навыки рисования, композиции, живописи, но исполняет и миссионерскую службу, поскольку творчески приобщает детей к Священному Писанию. В детских рисунках, акварелях по-детски воплощаются библейские сюжеты. И жития святых берем, и праздники православные, и каждое Рождество Христово вертеп снежный возле храма наряжаем. Ребята сами фигуры для вертепа расписали. Малыши накануне прошлогодней Пасхи Христовой вместе с мамами дерево пасхальное нарядили прямо на улице. Холод стоял, листьев еще нет, а у нас во дворе и цветы, и листья, и яйца пасхальные на дереве произрастают, и ангелы среди ветвей.

Со взрослыми, с наступлением тепла выходим на пленэр. Рисуем храмы. Это самая интересная часть наших занятий. Можно годами ходить мимо и не замечать рукотворной бо-

Православная студия искусств
Луняка Арина 6 лет

Святитель Иннокентий Московский

жественной красоты русских церквей, а когда рисуешь — происходит глубокое погружение. У каждого храма своя совершенно особая, неповторимая энергетика, душа.

Разумеется, чтобы приобщать студийцев к христианству, мы, учителя, и сами должны постигать Закон Божий. Помнится, когда я еще училась в художественном училище, преподаватель русской литературы велел нам, студентам, изучать Новый Завет, в котором Божии заповеди, спасительные для души, без которого, кстати, невозможно понять и русское, европейское классическое искусство с его евангельскими сюжетами и религиозными мотивами в произведениях.

Когда приступила к работе в Харлампиевской воскресной школе, сочла своим долгом регулярно причащаться — с детьми все же работаю! Пользу от этого узрела незамедлительно. Чего и всем желаю. А Закон Божий изучаю: настоятель нашего храма отец Евгений к проповеди ревностно относится и в своем сверхплотном графике изыскивает время лично и с детьми занятия проводить, и со взрослыми. Так что в студии я преподаватель, а в воскресной школе для взрослых — ученица. В студии даю задания на дом детям и родителям изучать очередную тему, связанную с христианством. На уроках знакомимся с иллюстративным материалом. Уже библиотека собралась: книги, журналы, календари, репродукции. Что-то из дому принесла, дарители жертвуют.

А если говорить о муках творчества, то они бывают и суровыми, девочки даже плачут иногда. А мальчишки — кто злится, кто унывает, когда самолюбие страдает. А некоторые сражаются, стиснувши зубы.

Ангелина Гах. Ангел со свечой

Была у меня ученица — Ангелина. Маленькая, я ее брать не хотела, велела подрасти. Так она меня год преследовала, измором взяла. Стала ходить на живопись. За урок на целом листе ватмана работу успевала намахать. Сама меньше листа этого. Она и в хоре пела. Мама приведет ее и сидит в коридоре, вяжет. Осенью сказали, что умерла мама — онкология у нее была. А Гелю опекуны отказались в школу к нам водить, как матушка Марина их ни уговаривала. Гелину картину в раму под стекло оформили и в нашу галерею повесили. Сижу теперь там, гляжу на нее, а с картины Ангел со свечой на меня смотрит.

…Многое из жизни студии вспоминается с грустью — ушедшее: первое Рождество Христово, первый концерт, первый спектакль воскресной школы, первая выставка на стенах студии. А дочка мне говорит: «Мама, а я и не знала, что на свете столько православных детей!» «Да, дорогая, мы не одиноки во Вселенной».

Поехали в Улан-Удэ на региональный фестиваль православного искусства «Параскева-рукодельница». Утром с поезда — и сразу в Свято-Троицкий храм. В темноте поднимаешься по ступенькам и чувствуешь — храм старинный. Ночевали прямо в воскресной школе. Утром на службе в храме, вечером в храме, весь день — в музее, а ночью на улицу выйдешь, вот он — Храм перед тобою среди звезд плывет, как корабль, таинственный, величественный и невозмутимый среди житейского моря.

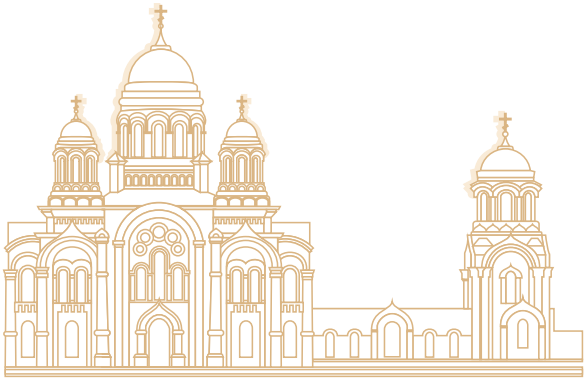
А в последний день еще и Одигитриевский собор посетили, который наш отец Евгений восстанавливал.

Нынче наряжали Рождественский вертеп в храме. Сверху каркаса из проволоки прикрепляли ветви. Ветки привезли кедровые, пушистые, пахучие. Служба идет, пение, а мы спешим вертеп домонтировать, и ребятишки с нами. А что за огоньки на ветвях мерцают? Уже гирлянду повесили? Да это смола играет и переливается, да так ярко — рождественское волшебство! А потом батюшка Евгений нас святою водою окропил, как обычно, со всей щедростью.

Хотя наша студия молодая, но мы уже дважды принимали участие на межрегиональном фестивале православного искусства в городе Улан-Удэ и получили там дипломы первой и второй степени; дважды участвовали в международной выставке в Монголии, и там дипломы получили, в том числе и первой степени. Рисунки, акварели наших студийцев были высоко оценены на региональном этапе международной выставки «Красота Божьего мира» (Россия), и трое наших учеников прошли на финальную выставку в Москве. Дважды мы участвовали в выставках «Православная Русь» в Сибэкспоцентре. Неоднократно выставлялись в областном центре имени Виталия Рогаля, в Иркутском государственном университете участвуем в ежегодном фестивале «Студенческая весна» — у нас давние дружеские связи с ИГУ, и они нас всегда приглашают. Выставлялись мы в библиотеке имени семьи Полевых и в библиотеке имени Ивана Молчанова-Сибирского. Работ уже накопилось много, но нам интереснее не у других выставляться, а к себе народ приглашать, ведь у нас собственная прекрасная галерея в цокольном этаже храма! Там сейчас проходит выставка работ нашей детской студии и творческого объединения керамистов «Данко». Работы наших детей публиковались в «Комсомолке» и в нашем детском журнале «Звонница». Сейчас в планах участие в пасхальном фестивале и выставка в художественном музее имени Сукачева. Словом, работы непочатый край…

Снимок на память

В публикации использованы фотографии Сергея Переносенко



Скрижали Истории

МАНИФЕСТ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ (1924 г.)

Алексей Ганин

Россия в 1920-е гг. (www.babr.ru)

МАНИФЕСТ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ (1924 г.)

Фото Н. П. Андреева (начало XX в. Фрагмент)

Крестьянский поэт Алексей Ганин

30 марта 1925 года в камере смертников Бутырской тюрьмы загремели двери.

— Кто тут Ганин? Выходи!

Двое палачей в кожаных мотоциклетных куртках и брюках, ставших профессиональной формой ЧК, а потом ГПУ, вытолкнули в бетонный коридор светловолосого худого человека лет тридцати, провели его до выхода в тюремный двор, повернули за изгиб кирпичной стены. Один из чекистов на ходу расстегнул деревянную кобуру маузера:

— Становись лицом к стене!

И тут же раздались выстрелы… Так погиб на рассвете весеннего дня вологодский крестьянин, поэт, друг Сергея Есенина — Алексей Ганин *(13 человек — вчерашних крестьян, начинающих поэтов, объединенных одной идеей — борьбой с русофобией, были арестованы, и 11 из них были уничтожены в подвалах Лубянки на Соловках как «Орден русских фашистов». Среди них погиб и Алексей Ганин. — Ред.)*

Из рассказа младшей сестры А. Ганина Марии Алексеевны Кондаковой, записанного в 1987 году в Архангельске: «…Я была в 1925 году у прокурора Кудрявцева Пимена Васильевича в Вологде. Он сказал, что Алексей написал поэму, якобы порочащую Троцкого, и напечатал в «Московском альманахе» в 1924 году. Их забрали несколько человек. Они писали Демьяну Бедному, чтобы помог, а тот ответил: «Как сели, так и выбирайтесь». <…> Он был коренастый, светлый, со светлыми бровями… Дом у нас был с мезонином. В мезонине было много полок с книгами. Брат спал на полу. И Есенин, когда к нему приезжал, спал на полу… Была у нас фотография: оба они в серых костюмах с надписью: «Другу Алеше. Сергей». Кажется, в 1923 году брат поехал в Москву, хотел издать книгу. Бедствовал, работал где попало. Потом издал книгу «Былинное поле»…»

Сергей Есенин и Алексей Ганин (18 июля 1916 г. Вологда)

Что же за поэт был Алексей Ганин? В отличие от своих друзей — крестьянских поэтов — он, видимо, много учился у символистов — у Блока, Белого, Бальмонта — и создал в своей поэзии своеобразный сплав народного и глубоко интеллигентного, модного в те годы символического понимания мира… Вся крестьянская жизнь в поэзии А. Ганина — отражение, а может быть, и порождение идеальной духовной жизни мироздания. Поэма «Былинное поле» — вершина творческого понимания Ганиным жизни крестьянства как великой космической работы, рождающей живую связь человека с матерью-сырой землей. В поэме мифы прорастают в современность и тянутся в тьму вечности, в историческое или даже доисторическое время человечества. А уж тысячу лет нам повелено, буде встретим мы Зорьку на пахоте, будет отдано небо в приданое и земля, вековая кормилица; будут ситцем и сахаром дареным наши хаты доверху завалены, где ж справляти нам сварбу великую, как не в поле широком Микуловом? Внуки Микулы, Зорька и Лада, Черные враждебные ветры, мелкая, но многочисленная нечисть — все персонажи былинных, сказочных, мифологических сюжетов и поверий живут в поэме Алексея Ганина, которая похожа на запись из уст хранителей былин. А борьба Лады, Микулича и мужиков с нежитью-нечистью, с Черными вихрями, с всемирной демагогией сверхъестественных сил природы и истории, по горькому убеждению Ганина, кончается разорением крестьянства, его расколом и вселенским раздором. В конце концов «распалась великая рать черносошная сила»… А правнук Селяниновича — Микулич, желая догнать Зарю-Ладу, споткнулся, упал и сгорел:

С тех пор по утрам над полем широким
Проносится пахарь и конь
в серебристом тумане…

Знал ли Николай Рубцов эти строки, когда писал: «Промчался таинственный всадник, неведомый отрок, и скрылся в тумане полей!» Вот так, в таких символических формах Алексей Ганин изображал драматическую судьбу крестьянства в роковые для России годы.

Судьба поэтов русского крестьянства — трагедия послереволюционного времени. Продразверстка, гражданская война, расказачивание, первое раскулачивание, белый и красный террор подрубили корни крестьянской жизни. Что в теории марксизма рассматривалось как инертность крестьянства, его сущностный консерватизм, неисправимо-мелкобуржуазная природа и что в свете той же теории должно было претерпеть длительную эволюцию в направлении прогресса, то на практике подлежало скорой расправе. Насильники над крестьянством выходили также из его собственной среды, но решающую роль играли, конечно, деятели со стороны. Так, значительная часть партийной верхушки: вернувшиеся прямо в канун революции из-за границы, имевшие во многом умозрительное представление о конкретных обстоятельствах российской жизни, — откуда им было знать и понимать русского крестьянина, если их судьба, профессиональных революционеров, была бесконечно далека от нужд и забот рязанского или тамбовского мужика? А тут еще в результате рокового столкновения этих двух исторических сил по стране прокатились крестьянские восстания начала 20-х годов (Тамбовское, Ишимское, Северо-Кавказское). В значительной мере крестьянским по своей идеологии и основе было и Кронштадтское восстание. И как закономерный ответ на них возникла целая система репрессий и всяческих мер, объединенных сформировавшейся к середине 20-х годов идеей «раскрестьянивания» России. Эксплуатируя, да еще догматически, некоторые общие положения марксизма о приоритетной ценности пролетариата по сравнению с крестьянством, наши идеологи 20-х годов отнеслись к нему как к реакционному классу, тормозящему строительство социализма. Их не пугало, что они начинают длительную войну против подавляющего большинства народа. Кстати, автором этого зловещего термина «раскрестьянивание» стал не кто-нибудь, а Н.И. Бухарин, вроде бы один из наиболее лояльных (как пытаются уверить нас сейчас) по отношению к крестьянству вождей. В 1924 году на одном из руководящих совещаний он заявил: «Мы должны вести такую политику, чтобы постепенно, с такой постепенностью, с какой мы ведем крестьянство, учитывая весь его вес и его осо-

бенности, вести его по линии раскрестьянивания точно так же и в области художественной литературы, как и во всех идеологических областях» *(Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989)*. Не случайно, что именно Н. Бухарину М. Горький в 1925 году шлет с Капри письмо-совет, или даже письмо-инструкцию, со следующим предложением: «Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, даже неизбежен конфликт двух «направлений». Всякая «цензура» тут была бы лишь вредна, заострила бы мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика — и нещадная — этой идеологии должна быть теперь же. Талантливый трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима» *(Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 36)*. Через год Бухарин в «Злых заметках», которые, в сущности, явились партийным манифестом, направленным против русского крестьянского начала в литературе, с вдохновением выполнил пожелания Горького. Эта статья и ее главные положения о реакционности поэзии Есенина, русского национального характера и деревенской жизни на долгие десятилетия (независимо от намерений и личной судьбы самого Бухарина) определили враждебное отношение партийной элиты нескольких поколений к «крестьянскому пути» литературы и искусства. Идеи Бухарина из «Злых заметок» молниеносно подхватила целая армия идеологов, газетчиков, партийных пропагандистов, усилиями которых в кратчайшее время была организована настоящая травля крестьянских писателей, продолжавшаяся более десяти лет, до той поры, пока почти все они не были репрессированы и расстреляны. Но если разгром других литературных направлений и партийной элиты выглядел в 1937 году как абсурд, как неожиданная катастрофа, как гром среди ясного неба, то уничтожение крестьянских деятелей культуры (как и дворянских) было закономерностью, объявленной режимом с первых лет своего существования и никого не удивлявшей. Уже с начала 20-х годов стало непрестижным, скорее опасным, быть крестьянским писателем. Недаром в это время у Петра Орешина вырываются горькие строки о том, что «сельские баяны, певцы крестьянской стороны, как будто родине багряной мы стали больше не нужны!» А когда началась коллективизация, крестьянские писатели есенинского поколения были почти все фактически выброшены из литературы, ибо в основном они не приняли переустройства деревни, ссылки крестьян, разорения деревни, голода. Алексей Ганин стал как бы предтечей, одной из первых жертв антикрестьянского террора. Это — страшный фон, на котором каким-то чудом вологодский поэт Алексей Ганин печатает в Москве и Вологде (как будто ничего не происходит, как будто не льется кровь священников, как будто не звучат на всю страну погромные речи палача русской церкви Емельяна Ярославского!) стихи, исполненные молитвенного чувства, несокрушимой веры и твердости духа такой пробы, которая была, пожалуй, лишь у первых христиан:

За что сужу ослепнувшее стадо?
Исчезни гнев, да будет светлый пир!
— Сказал пришедшим с ласковой отрадой
И язвой рук благословил весь мир…

В связи с этим у меня есть одно предположение о причине ареста и гибели поэта… После того как Демьян Бедный опубликовал свой хулигански-кощунственный «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна», по руслам нецензурной самиздатовской поэзии 20-х годов стало распространяться стихотворение, за чтение и пропаганду которого ссылали на Соловки, сажали в тюрьмы, снимали с работы. Называлось оно «Ответ Демьяну Бедному». Несмотря ни на какие запреты, было необыкновенно популярным. Его переписывали и в 30-е, и в 40-е, и даже в 50-е годы. Строчки, цитаты, строфы из него в послевоенное тридцатилетие я слышал много раз от людей старшего поколения. Как ни странно, до сих пор оно у нас не опубликовано, а между тем является одним из ярчайших нелегальных произведений 20-х годов: «…В стране проконсула Пилата, / Где культом кесаря полны и свет и тень, / Он с кучкой рыбаков из бедных деревень / За кесарем признал лишь силу злата… /…Когда я в «Правде» прочитал не-

правду, о Христе блудливого Демьяна, / Мне стыдно стало так, как будто я попал / В блевотину, изверженную спьяна. / А русский мужичок, читая «Бедноту», / Где образцовый стих печатают дублетом, / Еще отчаянней потянется к Христу / И коммунистам «мать» пошлет при этом». Гибель поэта могла быть связана с гневным ответом Демьяну. Сестры Алексея Ганина, Елена и Мария, рассказывают, что в семье бытовали две версии о причинах его ареста и расстрела. Первая упомянута: якобы Алексей Ганин написал стихи, клеймящие Троцкого, и опубликовал их в каком-то московском альманахе. Стихи эти нами пока не найдены и потому трудно судить, правдива ли первая версия. Вторая гласит о том, что Ганин, который в те годы нэпа работал торговым агентом, однажды заночевал со своим портфелем, набитым различными торговыми документами, в каком-то московском парке на лавочке. А утром его разбудили агенты ЧК, расстегнули его портфель и вытащили оттуда какие-то якобы антисоветские листовки и воззвания. Есть и третья версия гибели поэта, точнее, третья возможная причина его ареста. В сентябре 1923 года Ганин приехал из Вологды в Москву. 25 октября в Доме ученых на Пречистенке он участвовал вместе с Есениным и Клюевым в Вечере русского стиха. Есенин читал «Русь набожную», Клюев — «Песни на крови», Ганин — «Памяти деда». А еще через месяц четыре поэта — Сергей Есенин, Сергей Клычков, Петр Орешин и Алексей Ганин — спустились в кафе «Стойло Пегаса» и в зале, полном самой разной публики, стали обсуждать свои дела. «О чем же говорили поэты? — писал известный литературовед В. Базанов в статье «Свидетельство очевидца и память истории». — О том, что стало, увы, намечаться своеобразное «засилие» людей, которые нигилистически относятся не только к богатейшему наследию русской культуры, недвусмысленно давая при этом понять, что оно, дескать, устарело и является чуть ли не контрреволюционным, но и вообще ко всему русскому, национальному, претендуя в то же время на роль «вершителей судеб» культуры послереволюционной России. Были ли у них основания для этого? Да, и весьма серьезные…» Разговор поэтов между собой подслушал сидевший рядом с ними человек в серой кожанке, как оказалось, чекист, и поднял в кафе скандал с криком о том, что все четыре поэта ярые антисемиты. Каким-то образом моментально в кафе появилась милиция, поэтов забрали в участок… Началось пресловутое, возбудившее в те годы всю Москву дело об антисемитизме Есенина, Клычкова, Орешина и Ганина. В контексте времени надо учесть, что этот вопрос стоял тогда с такой остротой, что среди первых декретов, принятых Советской властью, был и декрет, карающий проявления антисемитизма. …Вероятно, поэтов тогда спасло лишь одно обстоятельство: среди них был популярный во всем народе Есенин… А малоизвестного А. Ганина все-таки бесшумно убрали через два года после рокового провокационного скандала в кафе «Стойло Пегаса»…

От наследия Алексея Ганина не осталось почти ничего, кроме того, что было опубликовано. Из писем всего лишь одно короткое письмецо, сохранилось несколько фотографий, в том числе каким-то чудом и та, где он сфотографирован с Сергеем Есениным. Сразу же после расстрела поэта, в 1925 году, его друг Пимен Карпов написал стихотворение, которое назвал «Памяти А. Г.». Вот строки из него: «За то, что в сердце поднял ты, как знамя, / Божественный огонь — родной язык, / Нет, не напрасно ты огонь свой плавил, / Поэт-великомученик! / Твою / В застенке замурованную славу / Потомки воскресят в родном краю…»

Станислав Куняев

Алексей Ганин

Россия — это могущественное государство, обладающее неизбывными естественными богатствами и творческими силами народа, — вот уже несколько лет находится в состоянии смертельной агонии.

Ясный дух Русского народа предательски умерщвлен. Святыни его растоптаны, богатства его разграблены. Всякий, кто не потерял еще голову и сохранил человеческую совесть, с ужасом ведет счет великим бедствиям и страданиям народа в целом.

Каждый, кто бы ни был, ясно начинает осознавать, что так больше нельзя. Каждый мельчайший факт повседневной жизни — красноречивее всяких воззваний. Всех и каждого он убеждает в том, что если не принять какие-то меры, то России как государству грозит окончательная смерть, а Русскому народу — неслыханная нищета, экономическое рабство и вырождение.

Но как это случилось, что Россия с тем, чтобы ей беспрепятственно на общее благо создать духовные и материальные ценности, обливавшаяся потом и кровью Россия, на протяжении столетий великими трудами и подвигами дедов и пращуров завоевавшая себе славу и независимость среди народов земного шара, ныне по милости пройдох и авантюристов повержена в прах и бесславие, превратилась в колонию всех паразитов и жуликов, тайно и явно распродающих наше великое достояние?

Причина этого в том, что в лице господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую секту изуверов-человеконенавистников, напоминающую если не по форме своих ритуалов, то по сути своей этики и губительной деятельности средневековые секты сатанистов и дьяволопоклонников. За всеми словами о коммунизме, о свободе, о равенстве и братстве народов — таятся смерть и разрушения, разрушения и смерть.

Достаточно вспомнить те события, от которых все еще не высохла кровь многострадального Русского народа, когда по приказу этих сектантов-комиссаров оголтелые, вооруженные с ног до головы, воодушевляемые еврейскими выродками, банды латышей беспощадно терроризировали беззащитное население: всех, кто здоров, угоняли на братоубийственную бойню, когда при малейшем намеке на отказ всякий убивался на месте, а у осиротевшей семьи отбиралось положительно все, что попадалось на глаза, начиная с последней коровы, кончая последним пудом ржи и десятком яиц, когда за отказ от погромничества поместий и городов выжигали целые села, вырезались целые семьи.

Причина этого в том, что в лице господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую секту изуверов-человеконенавистников, напоминающую если не по форме своих ритуалов, то по сути своей этики и губительной деятельности средневековые секты сатанистов и дьяволопоклонников.

Вот тогда произошла эта так называемая «классовая борьба», эта так называемая прославленная «спасительная гражданская война». Но после тщательного анализа всех происходящих событий в области народного хозяйства, психологии народа, после тщательного анализа проповедей этой ныне господствующей секты изуверов, человеконенавистников-коммунистов, о строительстве нового мира мы пришли к тому же категорическому убеждению: все эти слова были только приманкой для неискушенных в подлости рабочих масс и беднейшего крестьянства, именем которых все время прикрывает свои гнусные дела эта секта.

Достаточно опять-таки вспомнить тот ужасный разгром городов, промышленных предприятий, образцовых хозяйств и усадеб, бесконечно и ежедневно происходившие реквизиции, бесчисленные налоги, когда облагалось, да и облагается и до сих пор все, кроме солнечного света и воздуха, чтобы понять: это только безответственный грабеж и подстрекательство народа на самоубийство.

Наконец, реквизиции церковных православных ценностей, производившиеся под предлогом спасения голодающих. Но где это спасение? Разве не вымерли голодной смертью целые села, разве не опустели целые волости и уезды цветущего Поволжья? Кто не помнит того ужаса и отчаяния, когда люди голодающих районов, всякими чекистскими бандами и заградилками (только подумать!) доведенные до крайности, в нашем двадцатом веке, в христианской стране, дошли до людоедства, до пожирания собственных детей, до пожирания трупов своих соседей и ближних! Только будущая история и наука оценят во всей полноте всю изуверскую деятельность этой «спасительницы народов» — РКП.

Для нас теперь нет никакого сомнения, что та злая воля, которая положена в основу современного советского строя, заинтересована в гибели не только России, как одной из нынешних христианских держав, но всего христианского мира.

Создав экономические и государственно-политические правовые теории на ложном принципе классовых противоречий, они тем самым вызвали в каждом государстве, провоцируя богатых и бедных, внутреннюю нетерпимость, разжигая их до острой ненависти, до братоубийственной бойни.

Эта хитрая и воинствующая секта, исходя из того же принципа классового расслоения, путем псевдонаучных исследований, ныне искажает истинный смысл вещей, искажает истинный взгляд на естественно-исторический и духовный путь человечества. Эта секта всеми мерами пытается заглушить в бесконечных противоречиях ход всех современных событий, стремясь таким образом расчленить и ослепить каждую национальность в отдельности, тем самым провести непроходимую бездну между подрастающим поколением и их отцами, между отдельными группами людей: создавая всюду нетерпимость, раздор и отвлекая таким образом силы народов от дружественной работы по борьбе с естественными препятствиями, парализуя творческий дух христианских народов.

Народы мира должны быть на страже, должны напрячь все свои силы, чтобы не поддаться влиянию этой изуверской секты. Всякий, кто любит свой народ, кому дороги культура и дальнейший прогресс завоеваний природы на благо народов, тот, безусловно, к какой бы нации ни принадлежал, всеми мерами должен бороться и воздействовать внутри своей страны на малосознательные массы, чтоб не допустить эту изуверскую секту к власти над данным народом.

Путем неслыханной в истории человечества кровожадной жестокости, воспользовавшись временной усталостью народа, эта секта, пробравшись в самое сердце России, овладев одной шестой частью суши земного шара и захватив в свои руки колоссальные богатства России, еще с большей энергией и с большим нахальством проповедует свои гибельные теории...

Всякий, кто более или менее добросовестно следил за ходом событий в России, кто знает хоть в тысячной части положение Русского народа в целом, безусловно, увидит, что только путем лжи и обмана, путем клеветы и нравственного растления народа эти секты силятся завладеть миром. Путем неслыханной в истории человечества кровожадной жестокости, воспользовавшись временной усталостью народа, эта секта, пробравшись в самое сердце России, овладев одной шестой частью суши земного шара и захватив в свои руки колоссальные богатства России, еще с большей энергией и с большим нахальством проповедует свои гибельные теории, прикрываясь маской защитников угнетенных классов и наций.

Эти изуверские секты под видом дипломатических и торговых представителей Русского народа всюду рассылают агентов-проповедников, чтобы успешней делать свое противное всякому здравому смыслу дело, чтобы всюду организовать отделения своей секты, чтобы всюду сеять раздор, человеконенавистничество, чтобы всюду разжечь братоубийственные внутринациональные бойни, потому что знают:

только этим путем они могут погубить христианско-европейский Запад и Америку, таким образом овладев миром.

Выдвигая как конечную цель своих стремлений лучшие принципы христианско-европейских народов: свободу, равенство всех граждан перед законом, охрану труда и заботу о народном благосостоянии и просвещении, они тем самым стараются проникнуть в доверие масс Европы и Америки. Но мы еще раз повторяем: всякий, кто умеет честно, по-человечески мыслить, тот из всего существующего положения в России ясно увидит, к чему на самом деле стремится эта изуверская секта.

Завладев Россией, она вместо свободы несет неслыханный деспотизм и рабство под так называемым «государственным капитализмом». Вместо законности — дикий произвол Чека и Ревтрибуналов; вместо хозяйственно-культурного строительства — разгром культуры и всей хозяйственной жизни страны; вместо справедливости — неслыханное взяточничество, подкупы, клевета, канцелярские издевательства и казнокрадство. Вместо охраны труда — труд государственных бесправных рабов, напоминающий времена дохристианских деспотических государств библейского Египта и Вавилона. Все многомиллионное население коренной России и Малороссии, равно и инородческое, за исключением евреев, — брошено на произвол судьбы. Оно существует только для вышибания налогов.

Три пятых школ, существовавших в деревенской России, закрыты. Врачебной помощи почти нет, потому что все народные больницы и врачебные пункты за отсутствием средств и медикаментов влачат жалкое существование. Высшие учебные заведения терроризированы и задавлены как наиболее враждебные существующей глупости. Всякая общественная и индивидуальная инициатива раздавлена. Малейшее проявление ее рассматривается как антигосударственная крамола и жесточайшим образом карается. Все сельское население, служащие, равно и рабочие массы, задавлены поборами. Все они лишены своей религиозной совести и общественно-семейных устоев, все вынуждены влачить полуживотное существование. Свобода мысли и совести окончательно задавлены и придушены. Всюду дикий, ничем не оправданный произвол и дикое издевательство над жизнью и трудом народа, над его духовно-историческими святынями. Вот он — коммунистический рай.

Недаром вся Россия во всех слоях, как бы просыпаясь от тяжкого сна, вспоминает минувшее время как золотой, безвозвратно ушедший век. Потому что всюду голод, разруха и дикий разгул, издевательство над жизнью народа, над его духовно-историческими святынями. Поистине, над Россией творится какая-то черная месса для идолопоклонников. Вся так называемая коммунистическая пропаганда и агитация, письменная и устная — вся псевдонаучная так называемая марксистская литература, и, наконец, неслыханный по своей зловредности в истории законодательства поток запретов и распоряжений самозванного правительства — эти исключительные образцы злобы, коварства, предательства и изуверской тупости являются ярким доказательством справедливости наших мнений.

Недаром вся Россия во всех слоях, как бы просыпаясь от тяжкого сна, вспоминает минувшее время как золотой, безвозвратно ушедший век. Потому что всюду голод, разруха и дикий разгул, издевательство над жизнью народа, над его духовно-историческими святынями.

Помимо террора, одним из главных и могущественных орудий в руках коммунистической секты являются пропаганда и агитация так называемого марксистского учения, которое, как известно, не только для непосвященных рабочих масс, не только для умов не вполне развитых и знакомых с прочими философскими и научными взглядами на мир вещей и исторических событий, но и для отдельных умов, более или менее способных к мышлению, в настоящее время почти во всем мире представляют немалый соблазн во взглядах, а многие вещи

и явления исторического порядка, особенно в области хозяйственно-промышленного строительства, многих искренних людей приводят к значительным заблуждениям.

Составители программы выдвигали следующие предложения по борьбе с антинародным режимом:

1. на основании анализа русской действительности, опираясь на общеизвестные для всех очевидные факты хозяйственного и общеполитического порядка, путем повседневных систематических разоблачений (речи, беседы, воззвания и прокламации) дискредитировать в глазах рабочих масс не только России, но и всего мира деятельность современного советского правительства и III Интернационала;

2. пользуясь всеми данными русской коммунистической революции и ее последствиями, необходимо, показав ее несостоятельность, выдвинуть новые принципы государственности, общественности, личных прав человека. В противовес коммунистической ереси мы должны рассматривать историю не как борьбу классов, а как постоянное самоусовершенствование в борьбе с природой за культурные блага. Отсюда, в противовес марксистским теориям, рассматривать государство не как «организованную эксплуатацию» одного класса другим, а как широкую организацию для совместной более успешной борьбы с естественными препятствиями за общее благо и независимость;

3. признавая лишь как правовую, вполне самостоятельную единицу человеческого общества, мы должны признать в противовес марксизму и неотъемлемые права той личности на продукты труда, иначе говоря, признать право собственности как единственную гарантию роста культурных и экономических благ государства. Существенная причина всего краха современной России есть так называемый «государственный капитализм», он же является основной причиной и злейшей эксплуатацией всего населения и казнокрадства;

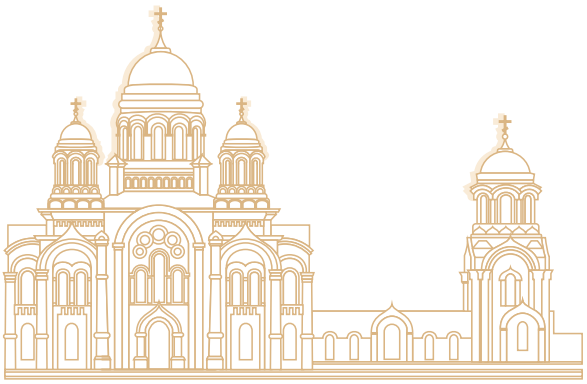
4. вот отчего Россия, сельскохозяйственная страна, все время существования советской коммунистической власти терпит голод и всякие бесконечные кризисы. Разве не абсурд, что в 1921 году России привезли молока для всяких комиссаров и комиссарш почти на 9 млн. рублей золотом!

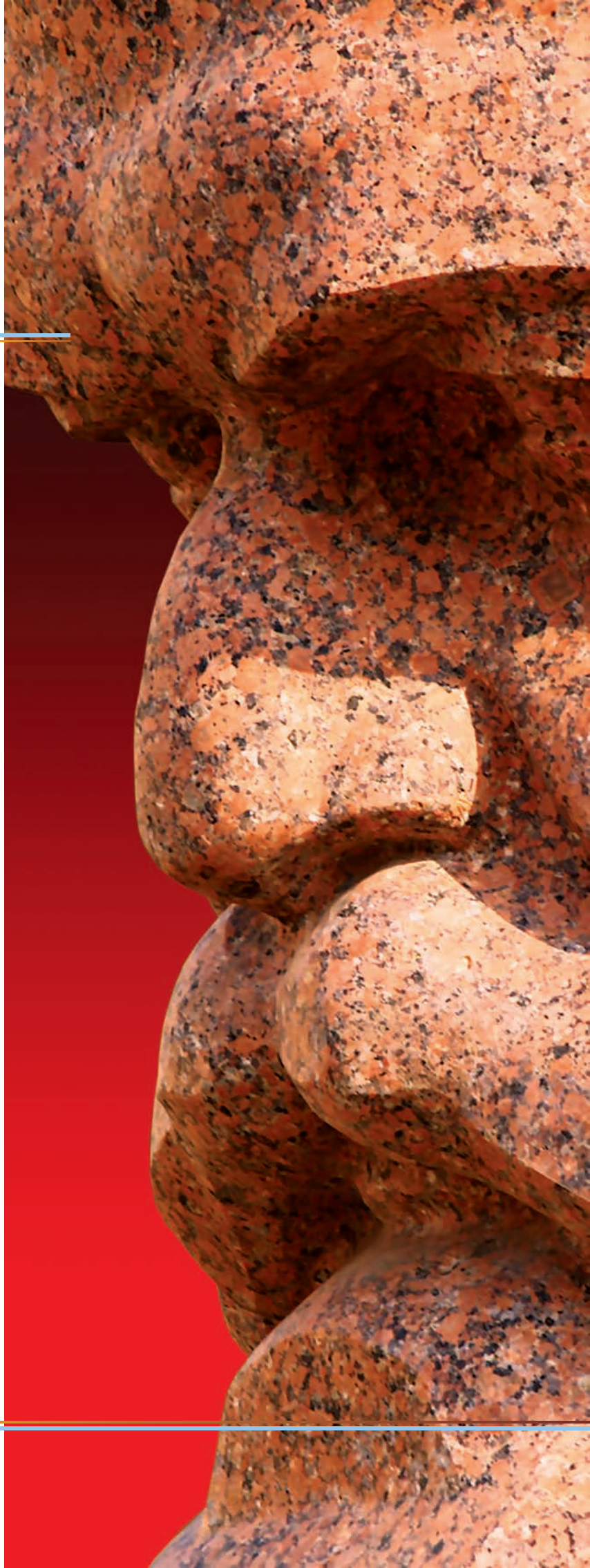
5. ввиду этого недовольство существующей властью растет с каждым днем все больше и больше не только среди населения городов и деревень, так называемых беспартийных, но и среди рабочих и армии; необходимо, чтобы наша борьба с этой грабительской сектой была успешна; все лучшие силы России перенести на пропаганду государственно-национальных идей с тем, чтобы вовремя и заблаговременно недовольству масс дать в противовес большевизму и жидовскому III Интернационалу ясные формы и лозунги национального правового государства;

6. для того чтобы окончательно свергнуть власть изуверов, подкупивших себе всех советских пройдох и авантюристов, наряду с пропагандой национальных идей и прав человека, необходимо, учитывая силы противника, в каждом городе, в каждом промышленном месте коренной России и Малороссии путем тщательного отбора и величайшей осмотрительности вербовать во всех семьях и кругах русского общества всех крепких и стойких людей, нежно любящих свою Родину. Необходимо объединить все разрозненные силы в одну крепкую целую партию, чтобы ее активная сила могла не только вести дальнейшую работу и противостоять не за страх, а за совесть враждебной нам силе, но сумела бы в нужный момент руководить стихийными взрывами восстания масс, направляя их к единой цели. К великому возрождению Великой России;

7. выдвигая идею Великого Земского Собора, русские люди должны зорко смотреть, чтобы тайные враждебные силы раз и навсегда потеряли охоту грабежа и бесчинства народа в целом и не помешали бы в дальнейшем развернуть в России еще неисчерпанные силы на путь духовного и экономического творчества.

Интернет-сайт «Российский писатель»





- **ГЕСС, МАРКС, ЭНГЕЛЬС: МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ БОГОБОРЧЕСТВА**

И. Володский

Народное Вече

ГЕСС, МАРКС, ЭНГЕЛЬС: МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ БОГОБОРЧЕСТВА

И. Володский

Маркс, говорят нам, был глубоко человечен. Им, будто бы, владела одна идея — помочь угнетенным массам. Он считал, что угнетает их капитализм. Как только эта провинившаяся система будет уничтожена, то после переходного периода диктатуры пролетариата возникнет общество, в котором каждый на коллективных предприятиях будет трудиться по способностям и получать по потребностям. Не будет больше ни государства, подавляющего личность, ни войн, ни революций; одно только — всемирное братство народов на все времена. Чтобы добиться такого счастья, мало просто уничтожить капитализм. Маркс писал в критике гегелевской философии права: «Упразднение религии как иллюзорного счастья народа есть требование его действительного счастья». Критика религии есть критика той «юдоли плача», священным ореолом которой является религия. Маркс был против религии, так как религия мешает полному воплощению коммунистических идеалов. В этом он видел единственный ответ на все мировые проблемы. Так объясняют свою позицию марксисты.

Обратимся к истории жизни Маркса. Его настоящее имя — Мардохей Леви. Ради выгод общественного положения юный Мардохей Леви, несколько поколений предков которого по мужской линии были раввины, был крещен и получил имя Карл Генрих Маркс. В ранней юности Маркс стал христианином. Первая из известных нам работ Маркса называется «Единение верующих со Христом» по Евангелию от Иоанна. Мы находим в ней следующие прекрасные слова: «Сочетание со Христом состоит в самом тесном и живом общении с Ним. В том, что мы всегда имеем Его перед глазами и в сердце своем. И, проникнутые величайшей любовью к Нему, обращаем, в то же самое время, сердца наши к нашим братьям, которых Он теснее связал с нами, за которых Он также принес себя в жертву». Итак, Марксу было известно, по крайней мере, в юности, вследствие знакомства с христианством, каким образом люди могут братски возлюбить друг друга. Он продолжает: «Сочетание со Христом внутренне возвышает, утешает в страданиях, успокаивает и дает сердце открытое человеческой любви. Сему великому, благородному не из-за честолюбия, не из стремления к славе, а только ради Христа!» Эти неожиданные свидетельства о юном Марксе можно обнаружить в третьей книге архива Маркса и Энгельса, изданном под редакцией Рязанова в 1927 году в СССР. Когда он окончил гимназию, в его характеристике под рубрикой «Религиозные познания» было записано: «Его знания христианского вероучения и нравоучения довольно ясны и обоснованы. И он, до известной степени, знает историю христианской Церкви».

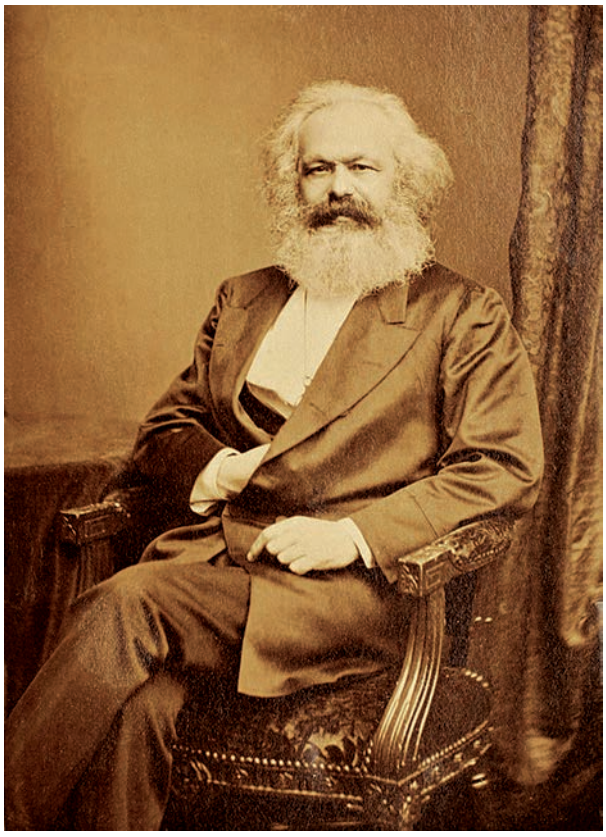
Вскоре, после получения этого аттестата, в его жизни происходит нечто таинственное. Еще задолго до того, как Моисей Гесс в 1841 году привел его к социалистическим убеждениям, Маркс стал глубоко и страстно антирелигиозным человеком. Этот образ стал проявляться в нем еще в студенческие годы. В одном из своих стихотворений он писал: «Я жажду отмстить Тому, Кто правит свыше». Значит, он был убежден, что «Правящий свыше» существует. Он спорил с Ним, хотя Бог не причинил ему никакого зла. Чем же была вызвана эта лютая ненависть к Богу? Личные мотивы нам не известны. Не был ли Маркс в этом вызывающем заявлении всего лишь рупором кого-то другого? В том возрасте, когда любой нормальный юноша увлечен прекрасными мечтами о делании добра, у него вырываются такие строки (из стихотворения «Заклинания впавшего в отчаяние»):

Мне не осталось ничего, кроме мести,
Я высоко воздвигну мой престол,
Холодной и ужасной будет его вершина,
Основание его — суеверная дрожь.
Церемониймейстер! Самая черная агония!
Кто посмотрит здравым взором —
Отвернется, смертельно побледнев и онемев,
Охваченный слепой и холодной смертью.

Слова «я воздвигну себе престол» и признание, что «от сидящего на престоле будут исходить только страх и агония», напоминают

гордую похвальбу Люцифера: «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой». Это мы узнаем из пророчества Исаии (гл. 14 ст. 13).

Разгадка ненависти к Богу — в малоизвестной поэме, написанной Марксом также в его студенческие годы. Поэма называется «Оуланем». Характерно, что «Оуланем» — это искажение священного имени, анаграмма Еммануил, библейского имени Иисуса Христа, означающего по-еврейски «с нами Бог». Подобные искажения имен считаются весьма эффективными в черной магии. Понять драму «Оуланем» можно, лишь познакомившись с еще одним странным признанием Маркса, которое он сделал ранее в стихотворении «Скрипач»: *«Адские испарения поднимаются и наполняют мой мозг до тех пор, пока не сойду с ума и сердце в корне не переменится. Видишь этот меч? Князь тьмы продал его мне».* Эти строки приобретают особое значение, если знать, что в ритуалах высшего посвящения в сатанинский культ кандидату продается заколдованный меч, обеспечивающий ему успех. Он платит за него, подписываясь кровью, взятой из его вен; договор, по которому его душа будет принадлежать сатане после его смерти. Теперь обратимся к содержанию поэмы «Оуланем»:



Карл Маркс (фото: vernissage-museen.de)

Все сильнее и смелее я играю танец смерти,
И он тоже, Оуланем, Оуланем —
Это имя звучит как смерть.
Звучит, пока не замрет в жалких корчах.
Скоро я прижму вечность к моей груди
И диким воплем изреку
проклятие всему человечеству.

Члены секты сатанистов — не материалисты. Они верят в загробную жизнь. Оуланем — личность, устами которой говорит Маркс, — Христос наоборот, т. е. антихрист, не отрицает существование загробной жизни. Он признает ее, но только как жизнь, исполненную ненависти в высшей степени. Что произошло с молодым Марксом?

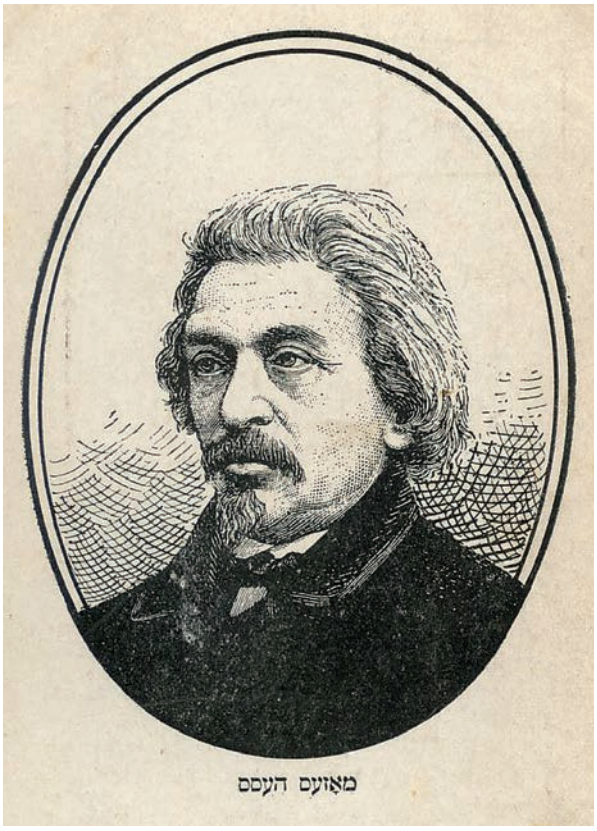
В юности у него были христианские убеждения, но только на словах? Переписка его с отцом свидетельствует о трате им крупных денежных сумм на развлечения и непрерывных ссорах с родителями. Вероятнее всего, что именно в это время Маркс и знакомится с учением сатанизма. В драме «Оуланем» ***Маркс фактически делает то же, что и диавол: он предает все человечество проклятию***.

Роберт Пэйн, исследовавший судьбу основоположника коммунизма, пишет в своей работе «Карл Маркс»: «Оуланем, вероятно, единственная драма в мире, в которой все действующие лица уверены в своей порочности и щеголяют ею как на празднике. В этой драме нет белого и черного. В ней всё и все обнаруживают черты характера Мефистофеля. Все участники ее демоничны, порочны и обречены на гибель. Когда Маркс писал эту поэму, ему было всего лишь 18 лет. Программа его жизни уже вполне установилась. Здесь не было и речи о служении человечеству, пролетариату или социализму. Он хотел разрушить мир, хотел воздвигнуть себе престол, основанием которого были бы человеческие содрогания. На этой стадии формирования взглядов Маркса обращают на себя внимание некоторые загадочные места в переписке его с отцом. Так, в письме

от 10 ноября 1837 года сын пишет: *«Завеса спала, моя святая святых была опустошена, необходимо было поместить туда новых богов».*

Какие же новые боги заняли место Христа? Отец отвечал сыну 10 февраля 1838 года: «Я не настаивал на объяснении таинственного дела». Что это было за «таинственное дело»? До сих пор ни один биограф не может объяснить эти загадочные слова. В своем стихотворении «Бледная девочка» Маркс пишет: *«Я утратил небо и прекрасно знаю это. Моя душа, некогда верная Богу, предопределена для ада».* Комментарии излишни. Итак, Маркс был человеком, купившим меч у князя тьмы ценой своей души. Он объявил своей целью увлечь все человечество в бездну.

Действительно ли Маркс купил меч у сатаны? Его дочь, Элеонора, написала книгу под названием «Мавр и генерал», воспоминания о Марксе и Энгельсе. Она сообщает, что Маркс рассказывал ей и ее сестре много историй, когда они были еще детьми. Одна, которая ей больше всего нравилась, была о некоем Гансе Рекли. Эта история длилась много месяцев и никогда не кончалась. Ганс Рекли был волшебник, у которого имелся игрушечный магазин и куча долгов. И хотя он был волшебником, однако постоянно нуждался в деньгах. Поэтому вопреки своему желанию он был вынужден продать все свои прекрасные вещи, одну за другой, диаволу. «Некоторые похождения были столь ужасны, что у нас волосы поднимались дыбом на голове». Нормально ли это, чтобы отец рассказывал своим маленьким детям столь ужасные истории о продаже самых дорогих сердцу вещей сатане? Биограф Маркса Роберт Пэйн в своей книге «Маркс» тоже подробно рассказывает, со слов Элеоноры, о том, как несчастный волшебник Рекли неохотно продавал свои игрушки, удерживая их до последней минуты, но связанный договором с диаволом, он не мог избежать этого. Роберт Пэйн комментирует: «Едва ли можно сомневаться в том, что эти бесконечные истории были автобиографическими». У Маркса был демонический взгляд на мир, и он обладал демонской злобой. Порой казалось, что он отдавал отчет в том, что совершает работу диавола. Когда Маркс заканчивал «Оуланем» и другие произведения, в которых содержатся признания о заключении пакта с сатаной, он и не думал о социализме. Он даже боролся с ним. Маркс был редактором немецкого журнала «Рейнская газета», который не признавал даже теоретические ценности за коммунистическими идеями в их нынешнем виде и, тем более, возможности их практического проведения в жизнь. «Рейнская газета» в это время напечатала буквально следующее: «Попытки масс воплотить коммунистические идеи в жизнь, как только они станут опасными, могут быть остановлены пушками».



Моиссей Гесс (www.bennyspostcards.com)

В те годы Маркс познакомился с неким Моисеем Гессом — человеком, сыгравшим самую важную роль в его жизни и заставившим его принять социалистический идеал. Чтобы сделать картину более полной, скажем еще несколько слов о Моисее Гессе, обратившем Маркса и Энгельса в социализм.

В Израиле есть гробница, на которой можно прочесть следующие слова: «Моисей Гесс — основатель германской социал-демократической партии». В своем «Красном катехизисе»

для немецкого народа Гесс писал: «Что черно? Черно духовенство. Эти богословы — худшие аристократы. Поп учит князей порабощать людей во имя Божие. Во-вторых, он учит народ позволять порабощать себя и эксплуатировать во имя Божие. В-третьих, и, главным образом, он обеспечивает себе с Божией помощью привольную жизнь на земле, тогда как людям рекомендуется ждать ее на небе. Красный флаг символизирует непрекращающуюся революцию вплоть до окончательной победы рабочего класса во всех цивилизованных странах красной республики. Социалистическая революция — моя религия. Когда рабочие добьются победы в своей стране, они должны помочь своим братьям и в остальном мире». Такова была религия Гесса.

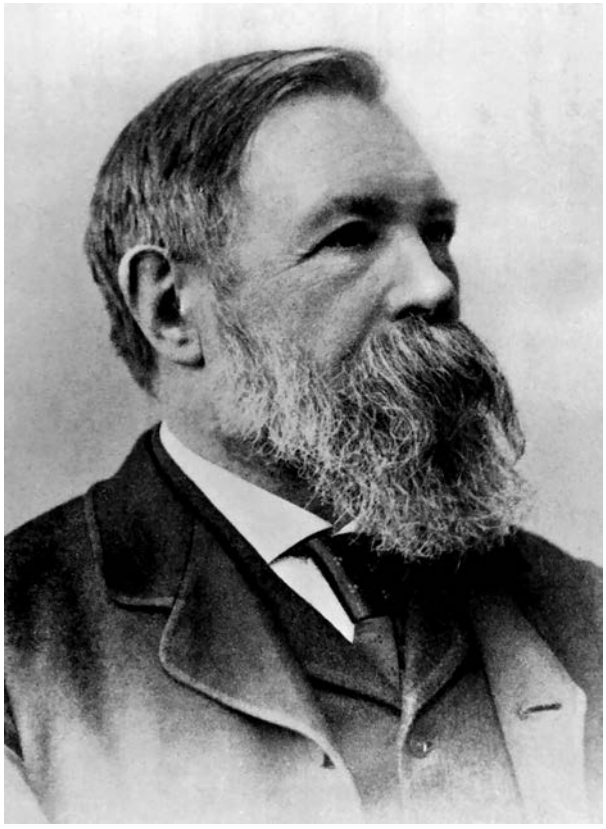
Гесс, основатель современного социализма, основал также и совершенно другое движение — сионизм. Он, учивший Маркса важности классовой борьбы, написал в своей книге «Рим — Иерусалим» в 1862 году следующие удивительные слова: «Прежде всего — расовая борьба. Борьба классов второстепенна». Гесс создает сионизм расовой борьбы, навязывая борьбу с теми, кто не принадлежит к еврейской расе. Моисей Гесс претендует на Иерусалим для евреев, но без Иисуса Христа, Царя Иудейского. Что ему до Христа? Он пишет: «Каждый еврей имеет в себе задатки Мессии. Каждая еврейка — задатки скорбящей Богоматери». Почему, в таком случае, он не сделал из еврея Маркса мессию, богоизбранного человека? Для Гесса Иисус это, как он сам пишет, еврей, которого язычники обоготворили как своего спасителя. По Гессу — евреи не нуждаются в нем для самих себя. Гесс не желает быть спасенным и стремление к личной святости в человеке называет индогерманским. Целью евреев, по его мнению, должно быть мессианское государство, переделка мира согласно Божественному плану. Это значит, исходя из «Красного катехизиса», произвести социалистическую революцию, используя для этого расовую и классовую борьбу.

Моисей Гесс, который возложил на своего идола задачу покончить со средневековой религией и заменить ее религией социалистической революции, пишет удивительные слова: «Меня всегда назидали еврейские молитвы». Какие же молитвы произносят те, которые называют религию «опиумом для народа»? Моисей Гесс преподал Марксу социализм, прочно связанный с интернационализмом. Маркс пишет в «Коммунистическом манифесте», что у пролетариата нет отечества. В своем «Красном катехизисе» Гесс насмехается над немецким представлением о Родине. Он сделал бы то же самое с патриотическими чувствами у любого другого европейского народа. Гесс критиковал Эрфуртскую программу социал-демократической партии за ее безоговорочное признание национального принципа. Но Гесс — интернационалист особого рода: «Еврейский патриотизм должен оставаться». Он пишет: «Всякий, кто отрицает еврейский национализм, не только отступник, изменник в религиозном смысле, но и предатель своего народа и своей семьи. Если окажется, что эмансипация евреев не совместима с еврейским национализмом, то еврей должен пожертвовать эмансипацией. Каждый еврей должен быть, прежде всего, еврейским патриотом».

Можно было бы добавить, что Гесс был не только идеологом и основателем марксизма и человеком, который пытался создать богоборческий сионизм, но также и предшественником богословия революции, Всемирного совета церквей и новых тенденций в католицизме, говорящих о спасении без Христа. Богословие революции есть одно из направлений католического богословия, получившее особое распространение в Латинской Америке в 60–70 годах XX столетия. Любопытно откровение одного из либеральных англиканских теологов. Пастер Остерайхер публично во время проповеди произнес: «Сто лет назад не были пустой болтовней слова «религия — опиум для народа». Мы, члены тела Христова, смиренно покаявшись, должны признать, что находимся в глубоком долгу перед каждым коммунистом». Эти поразительные для любого христианина призывы появились в 1969 году на страницах лондонского сборника «Проповедь у источника святой Марии».

Но вернемся к Моисею Гессу. Один и тот же человек, Моисей Гесс, почти никому не известный, был глашатаем трех сатанинских дви-

жений — коммунизма, сионизма и богословия революции. Еврейская религия — единственная религия, которую Гесс глубоко уважает. Он пишет: «Наша религия (иудаизм) имеет своей исходной точкой энтузиазм расы, которая со времени своего появления на авансцене истории предвидела конечные цели человечества, и которой было дано предзнаменование мессианского времени». То время, которое Гесс называет мессианским, это время всемирной победы социалистической революции. Он пишет: *«Наш Бог не что иное, как человеческая раса, объединенная любовью. Путь к достижению такого единения — социалистическая революция, в которой десятки миллионов будут замучены и уничтожены».* «Только поняв Моисея Гесса, человека повлиявшего на Маркса, Энгельса и Бакунина — трех основателей I Интернационала, — можно понять сатанинские глубины коммунизма», — пишет в своем исследовании «Маркс прежде марксизма» Марк Леон.



Фридрих Энгельс (www.carlosianni.com.ar)

Человек, убедивший Энгельса стать коммунистом, был все тот же Моисей Гесс, который до него убедил Маркса. Гесс писал после встречи с Энгельсом в Кельне: «Он покинул меня сверхревностным коммунистом. Так я творю опустошение». «Творю опустошение» — не это ли было высшей целью в жизни Гесса? Это главная цель и Люцифера.

Поскольку мы упомянули Энгельса, скажем несколько слов и о нем. Энгельс вырос в набожной семье и в юности писал прекрасные духовные стихи. Трагедия Энгельса развивается дальше и глубже, чем у Маркса. Взять хотя бы замечательное стихотворение, написанное в юности человеком, который впоследствии стал самым усердным сообщником Маркса в уничтожении религии:

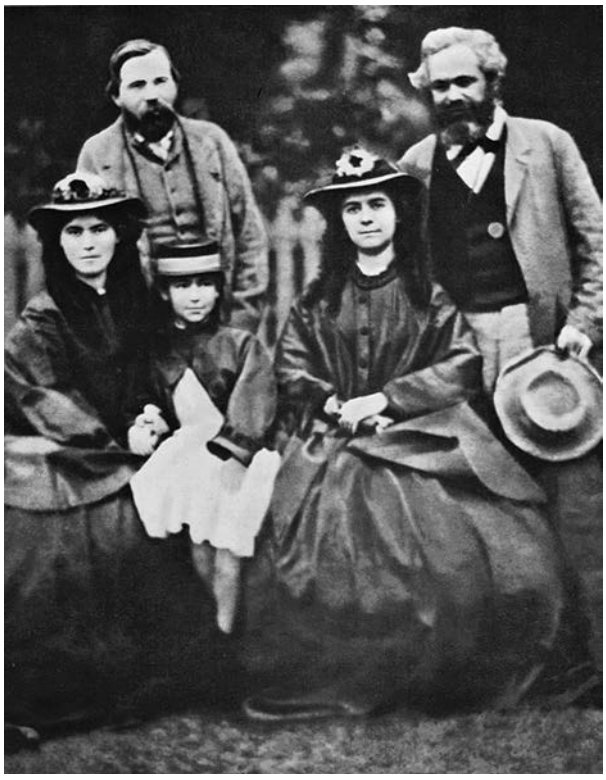
Господи Иисусе Христе — Сыне Божий!
Сойди со Своего Престола и спаси мою душу!
О, приди в Своей Благодати,
В блеске Своего Отеческого Величия,
Дай мне склониться пред Тобою.
Полна любви и величия та радость,
Которой мы восхваляем нашего Спасителя!

Мы не знаем обстоятельств, при которых он потерял веру, но после своего знакомства с Марксом Энгельс писал о нем следующее: «Кто это несется следом с диким неистовством? Охваченный бешенством, как бы стремясь ухватить далекий полог неба и стянуть его на землю, он вытягивает руки высоко в воздух, сжат злобный кулак, он неистовствует без устали, будто десять тысяч бесов вцепились ему в волосы». Сомневаться в христианстве Энгельс начал после чтения книги либерального богослова Бруно Бауэра. Кто он?

Либеральный богослов, сыгравший решающую роль в разрушении христианской веры у Энгельса и укреплявший Маркса в новом безбожном образе жизни. Достаточно прочесть, что писал Бруно Бауэр своему другу Арнольду Ругге 6 декабря 1841 года, который в то же время был другом Маркса и Энгельса: «Я читаю здесь в университете лекции перед большой аудиторией. Мой дух богохульства будет удовлетворен лишь тогда, когда мне позволят проповедовать открыто, в качестве профессора, атеистическую систему». Георг Юнг пишет: «Если Маркс, Бруно Бауэр и Фейербах соеди-

нятся, чтобы основать богословско-политический журнал, Богу лучше окружить Себя всеми Своими Ангелами и начать оплакивать Себя, потому что эта троица непременно прогонит Его с неба». Энгельс не нашел пути возвращения к Богу и примкнул к тому, кого сам назвал чудовищем, одержимым тысячью бесов.

После того как Гесс убедил Маркса и Энгельса в истинности социалистической идеи, в его жизни произошли ужасающие перемены. Арнольд Кюнсли в своей книге «Маркс. Психография» сообщает историю самоубийств обеих дочерей и зятя Маркса. Дочь Лаура, жена социалиста Лафарга, похоронила троих своих детей, а потом вместе с мужем покончила жизнь самоубийством. Другая дочь, Элеонора, решила со своим мужем сделать то же самое, но тот в последнюю минуту отказался, а она умерла. Здесь надо заметить, что трое первых детей Маркса умерли от недоедания. Семьи сатанистов находятся под проклятием. У всех сатанистов беспорядочная личная жизнь. Маркс не составляет исключения. Маркс не чувствовал себя обязанным работать для материального обеспечения семьи, хотя легко мог бы делать это уже с помощью одного только превосходного знания языков. Он жил подачками Энгельса. За свою жизнь Маркс получил от Энгельса приблизительно 6 миллионов французских франков золотом (данные института Маркса и Энгельса). У него был незаконнорожденный ребенок от служанки. Позднее он приписал этого ребенка Энгельсу, который согласился участвовать в этой комедии. Он много пил. Рязанов (бывший директор института Маркса и Энгельса в Москве) признает этот факт в своей книге «Карл Маркс как мыслитель, человек и революционер». Бауэр, биограф Маркса, описывает расточительность Маркса в своей книге «Гений и богатство»: «Будучи студентом в Берлине, сынок получал от папы карманных денег 700 талеров в год. Эта сумма была колоссальной, ибо в то время только 5 % населения Германии получали более 300 талеров в год». Маркс страстно желал получить наследство. Когда один его дядя был при смерти, он писал: «Если «собака» умрет, я вылезу из нищеты». Энгельс отвечал на это: «Поздравляю тебя с болезнью мешающего тебе получить наследство и надеюсь, что катастрофа не замедлит». Когда «собака» умер, Маркс писал 8 марта 1855 года: «Весьма радостное событие! Вчера нам сообщили о смерти 90-летнего дяди моей жены. Моя жена получит приблизительно 100 фунтов стерлингов. Могло быть и больше, если бы «старый пес» не оставил часть денег своей экономке». У него не находилось никаких нежных чувств и для людей, бывших ему гораздо ближе, чем дядя. Он не разговаривал со своей матерью. В декабре 1863 года во время болезни он писал Энгельсу: «Два часа тому назад пришла телеграмма, сообщившая мне, что моя мать умерла. Я был одной ногой уже в могиле. Я нужен больше, чем старуха». Это все, что он нашелся сказать о смерти матери. Портрет пламенного борца за счастье человечества дополняют характерные свидетельства его переписки с Энгельсом.



Фридрих Энгельс и Карл Маркс с супругой Дженни и дочерьми Лаурой и Элеонорой. 1864 г. (фото: www.news.xinhuanet.com)

Из писем:

Маркс Энгельсу: «Старик твой — сволочь! И с моей старухой ничего нельзя поделать, пока я сам не сяду ей на шею».

Маркс Энгельсу: «Он (пролетариат) вынужден меня защищать от той бешеной ненависти, которую питают ко мне рабочие, т. е. болваны».

Энгельс Марксу: «Любить нас никогда не будет демократическая, красная или коммунистическая чернь».

Маркс Энгельсу: «Стая новой демократической сволочи. Демократические собаки и либеральные негодяи».

Энгельс Марксу: «Какое значение имеет партия, т. е. банда ослов, слепо верящих в нас? Воистину, мы ничего не потеряем от того, что нас перестанут считать адекватным выражением тех ограниченных собак, с которыми нас свели вместе последние годы».

Маркс Энгельсу: «У меня ни одна душа не бывает. И это меня радует. Ибо долбаное человечество может меня задолбать, сволочь. Привет. Твой Карл Маркс».

Маркс проигрывал много денег на бирже. Будучи экономистом, он почему-то умел только терять деньги. Участник революции 1848 года лейтенант Чехов, проводивший ночи в попойках с Марксом, заметил, что самолюбование поглотило все то хорошее, что в нем когда-то было.

Маркс не любил человечество. Мацини, который хорошо знал его, писал, что в нем был дух разрушения. «Его сердце разрывалось скорее от ненависти, чем от любви к людям», — пишет Фриц Радец в своей книге «Карл Маркс». Свидетельств современников Маркса, опровергающих это, нет. Любящий всех людей Маркс — это миф, планомерно и тщательно созданный уже после его смерти.

Любимым ребенком Маркса была Элеонора. Он называл ее «Тусси» и часто говорил: «Тусси — это я». С благосклонного разрешения Маркса Элеонора вышла замуж за Эдуарда Эвелинга, друга Энни Бизанд, которая является одной из основоположниц теософии.

Теософия — религиозное учение, возникшее в XIX веке, провозглашавшее, что познание неизвестного божества осуществляется через оккультные доктрины. Эвелинг, зять Маркса, читал лекции на тему «Низость Бога». У сатанистов нет отрицания существования Бога, как у атеистов. Сатанисты могут отрицать существование Бога лишь для отвода глаз. На деле же они знают, что Бог есть и верят в это, но описывают Бога как низкое и подлое существо. Почитаем теософские стихи, которые регулярно читались в доме Маркса. Это позволит нам почувствовать духовную атмосферу его дома.

Мои стихи, необузданные и дерзновенные,
Да вознесутся к тебе, о сатана, царь пира.
Прочь с твоим краплением, священник,
И твоим заунывным пением.
Ибо никогда, о священник,
Сатана не будет стоять за тобой.
Твое дыхание, о сатана,
Вдохновляет мои стихи;
Твоя молния потрясает умы.
Сатана милостив;
Подобно урагану,
С распростертыми крыльями он проносится.
О народы! О великий сатана!

Это стихотворение Эвелинга. Многочисленные факты такого рода из семейной жизни Маркса сообщает Тадфорд на страницах своей работы о Марксе «Князь тьмы».

Связь между марксизмом и теософией не случайна. Теософия распространила на Западе привнесенное из Индии учение о несуществовании отдельной души. То, чего не добилась теософия убеждением, марксизм добивается плетью. Он обезличивает человека, превращает его в робота, подчиненного государству. Маркс не много говорил на людях о метафизике, но мы можем собрать сведения о его взглядах и о взглядах тех, с кем он общался. Одним из создателей I Интернационала был Михаил Бакунин, русский анархист. Он, в частности, писал, что диавол — первый вольнодумец и спаситель мира, что он освобождает Адама и ставит печать человечности и свободы на его челе, сделав его непослушным.

Бакунин не только восхваляет Люцифера. В своей программе революции он писал: *«В этой революции нам придется разбудить диавола, чтобы возбудить самые низкие страсти».*

Марксизм, импортированный в Россию, принес свои плоды. Наиболее последовательным сторонником идей Маркса был Сергей Нечаев, создавший вместе с Бакуниным «Рево-

люционный катехизис» — кредо и программу действий террористов. Нечто вроде «Красного катехизиса» Моисея Гесса. Бакунин писал в своей работе «Принципы революции»: «Не признавая другой какой-либо деятельности, кроме дела истребления, мы соглашаемся, что форма, в которой должна проявляться эта деятельность, — яд, кинжал, петля и тому подобное. Революция благословляет все в равной мере».

9 сентября 1867 года в Женеве состоялся конгресс Лиги мира и свободы. Посетил конгресс и бывший в это время в Женеве Достоевский. В письмах к Майкову и Ивановой он так описывает происходившее: «Это было четыре дня крику и ругательств. Начали с предложения, что не нужно больших монархий, потом, что не нужно веры. И что эти социалисты и революционеры врали с трибуны перед 5000 слушателей — невыразимо. И эта-то дрянь волнует несчастный люд работников? Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру». Достоевскому принадлежит верная и меткая характеристика Бакунина, речи которого он слушал в Женеве в 1867 году: «Бакунин — старый, гнилой мешок бредней. Ему легко детей хоть в нужнике топить».

М. А. Бакунин (www.nothingjustis.files.wordpress.com)

Единомышленник Бакунина Нечаев основал тайное общество «Народная расправа» и призывал убивать всех противодействующих революции или только поддерживающих государственный строй. Нечаев обещал императору мучительную казнь на развалинах государства.

Примерно в то же самое время революционеры Ишутин и Худяков создают тайное общество, подобное нечаевскому. Причем дают ему откровенное название «Ад». Членом этого общества был Дмитрий Каракозов, совершивший покушение на Александра II — царя, освободившего крестьян от крепостного права.

Бакунин учил: *«Революционер — человек обреченный. Все нежные чувства родства, любви, дружбы, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в революционере. Он не революционер, если ему чего-либо жалко в этом мире. Он знает только одну науку — науку разрушения».*

Бакунин писал, что Прудон (другой крупный социалистический мыслитель и друг Маркса) тоже почитает сатану. В своем произведении о правосудии в революции и церкви Прудон заявляет: «Мы овладеваем знанием, несмотря на Бога. Мы овладеваем обществом помимо Бога. Каждый шаг вперед — это победа, которой мы одолеваем Божество». Прудон восклицает: «Бог — это глупость и трусость! Бог — лицемерие и фальшь! Бог — это тирания и нищета! Бог — это зло! Я клянусь, Бог, подняв к небу руку, что Ты не что иное, как плач моего разума, жезл моей совести». Подобные мысли не оригинальны, они составляют обычное содержание проповедей в культе сатаны. Здесь крайне важно специально подчеркнуть, что Маркс и его соратники, будучи противниками Бога, не были атеистами в том смысле, как называют себя современные марксисты. То есть, отрекаясь от Бога внешне, фактически они ненавидели Того, в существовании Которого не сомневались. Ими брошен вызов не существованию Его, а Его Верховной Власти. Их целью было уничтожение религии, а социализм, забота о пролетариате, гуманизм — все это было лишь предлогом.

В письме к Бертольду Ауэрбаху Моисей Гесс характеризует Маркса как величайшего философа: «Доктор Маркс — так называется мой кумир, — еще совсем молодой человек, самое большее около 24 лет. Он нанесет окончательный удар средневековой религии и философии». Значит, цель — удар по религии, а не социализм. Георг Юнг, друг Маркса тех лет, формулирует ту же мысль еще яснее в письме к Арнольду Ругге от 18 сентября 1841 года: «Маркс непременно прогонит Бога с Небес». Маркс называет христианскую религию самой безнравственной из всех религий. Между прочим, в этом Маркс не оригинален, он лишь продолжает обвинения на христиан, впервые прозвучавшие в Риме первых веков христианской эры из уст иудеев. В противопоставлении себя Богу Марксу созвучны его современники: Макс Штирнер (крайний анархист), Ницше (любимый философ Гитлера и Муссолини) и Оскар Уайльд (первый проповедник свободы для гомосексуалистов).

Георг Гегель (www.pavellas.files.wordpress.com)

В своей работе «Шеллинг — философ во Христе, или Преображение мирской мудрости в мудрость Божественную» юный Энгельс, тогда еще не отрекшийся от Бога, писал: «Со времен ужасной французской революции совершенно новый диавольский дух вселился в значительную часть человечества. И безбожие столь бесстыдно и надменно поднимает свою наглую голову, что приходится думать об исполнении в настоящее время пророчеств Писания». Французский революционер Бабёф признавался: «Любовь к революции убила во мне всякую другую любовь и сделала меня столь же жестоким, как диавол». Маркс был страстным почитателем Бабёфа. Его намерением было пропагандировать такую любовь к революции, которая превратила бы людей в чудовищных человеконенавистников. Когда в 1871 году в Париже вспыхнула революция, коммунар Флоренц заявил: «Наш враг — это Бог. Ненависть к Богу — это начало мудрости». Маркс высоко оценивал богоборчество коммунаров. Но что общего имеет оно со справедливым распределением благ или с лучшими общественными учреждениями? Все это — внешние приманки, скрывавшие истинную цель — полное искоренение веры в Бога.

Интересные факты обнаруживаются в письмах к Марксу. Его сын Эдгар в письме от 31 марта 1854 года обращается к нему с выразительными словами: «Мой милый диавол». Где это слыхано, чтобы сын так называл своего отца? Но так пишут сатанисты тем, кого они любят. Не был ли посвящен и его сын? Жена Маркса пишет ему в августе 1844 года следующее: «Твое последнее пастырское письмо, о верховный жрец и владыка души, принесло твоим бедным овечкам мир и тишину». Его жена обращается к нему как к верховному жрецу и епископу. Какой религии? Единственное верование в Европе, где есть верховный жрец, — это сатанизм. Какие же пастырские письма мог писать человек, которого почитали атеистом? Где эти письма? Есть периоды времени в жизни Маркса, которые до сих пор остаются неисследованными.

Первым учителем Маркса был философ Гегель. Он же и приготовил путь для Моисея Гесса. Для Гегеля христианство было тотальным искажением путей человечества. Он писал: «Христос нагромоздил такую кучу причин для утешения в несчастьях страдающего человече-

Могила К. Маркса на Хайгетском кладбище в Лондоне (www.upload.wikimedia.org)

ства, что, в конце концов, нам оставалось бы сожалеть, что мы не каждый день теряем отца или мать». Христианство подвергалось осмеянию в Германии и до Гегеля, но он был первым, кто высмеивал Самого Иисуса Христа.

По прочтении «Происхождения видов» Дарвина Маркс в письме к Лассалю ликовал, что Бог, по крайней мере, в естественных науках получил, по его мнению, смертельный удар (письмо от 16 января 1861 года). Какая идея была главной у Маркса? Нужда бедного пролетариата? Если да, то какую ценность могла иметь теория Дарвина? Или главной целью Маркса было уничтожение религии?

Благо рабочих было только предлогом. Там, где пролетарии не вовлечены в борьбу за социалистические идеалы, марксисты используют расовые различия и так называемый конфликт поколений, но главная задача — уничтожение религии. ***Маркс, посвятив себя служению аду, поставил своей целью послать туда человечество.***

Марксизм — это первая систематически и детально разработанная философская система, которая резко понижает представление человека о самом себе. Согласно Марксу, человек — это, главным образом, чрево, которое надо постоянно наполнять. Преобладающие интересы человека лежат в экономической сфере. Он производит предметы для своих нужд, вступая с этой целью в определенные отношения с другими людьми. Это основа общества, которую Маркс называет базисом. Супружество, любовь, искусство, науки, религия, философия — все, не имеющее отношения к потребностям желудка, является надстройкой и, в конечном счете, определяется состоянием желудка. Не удивительно, что Маркс был сильно обрадован книгой Дарвина, которая была, по его мнению, еще одним ударом, заставляющим человека забыть о своем Божественном происхождении и высшем предназначении. По Дарвину человек произошел от обезьяны и не имеет другой цели, кроме как только выжить. Сатана не мог свергнуть Бога, поэтому он обесценил человека. Человек, царь природы, был низведен Марксом и Дарвином до положения раба желудка и потомка животного.

Эпоха потребления (фото: www.cbsdetroit.files.wordpress.com)

Позднее Фрейд продолжил этот труд двух сатанинских гигантов, сведя человека, в основном, к половому влечению и инстинкту агрессивности.

В секте сатанистов во время церемонии посвящения в третью степень посвящаемый

дает такую клятву: «Я буду всегда делать только то, что сам захочу». Это открытое отрицание послушания Богу. Когда кого-то посвящают в седьмую степень, он клянется, что его принципом будет: «Ничто не истина и все позволено».

В коммунистическом манифесте Маркс признается, что его целью является не только уничтожение всякой религии, но также и морали — так, чтобы все было позволено. «Мне стало страшно, — пишет Марков в своей книге о Марксе, — когда я прочел тайну седьмой степени сатанизма на плакате в одном из парижских университетов во время беспорядков в 1968 году. Она была упрощена до формулы: «Запрещается запрещать», что является естественным следствием лозунга: «Ничто не истина и все позволено».

Фридрих Энгельс, ближайший единомышленник Маркса, чрезвычайно ясно определил конечную цель революционных заговоров. Энгельс однажды проговорился: *«Борьба с христианским миропорядком, в конце концов, является нашим единственным насущным делом».* Энгельс же сформулировал и кредо героев революции: «Диалектическое понимание жизни сводится к смерти. Все достойно гибели». Или еще более кратко и страшно: «Жить — значит умирать».

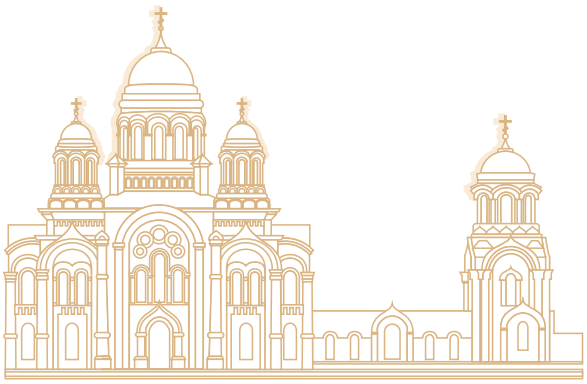
Маркс умер в отчаянии, как умирают все сатанисты. 25 мая 1883 года он писал Энгельсу: «Как бесцельна и пуста жизнь». На похоронах Маркса присутствовало всего шесть человек. Энгельс умирал в ужасных мучениях от рака ротовой полости.

Марксизм скрывает тайну своей сатанинской сущности, о которой знают лишь весьма немногие марксисты. Недаром Ленин писал, что спустя полстолетия, ни один марксист не постиг Маркса.

Первомайская демонстрация в Москве. 2011 г. (фото: www.img1.liveinternet.ru)

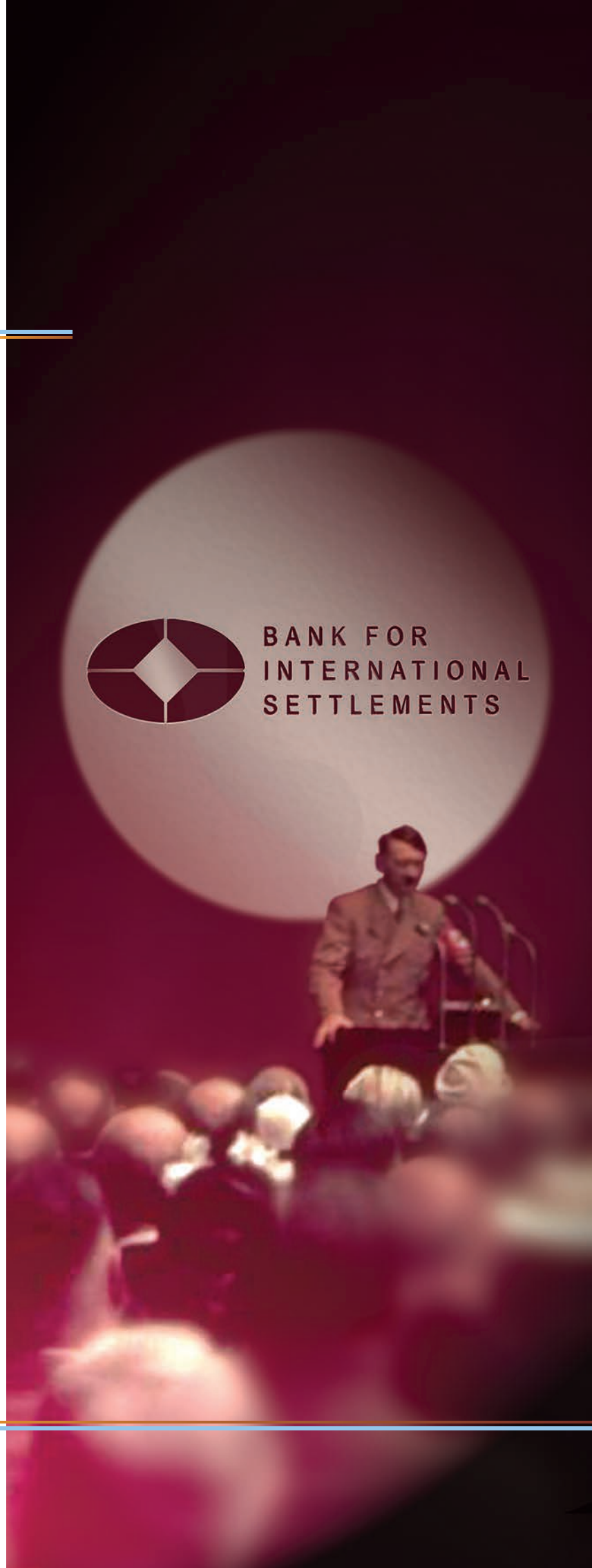
Считается, что марксисты — это атеисты, не верующие ни в Небо, ни в ад. Но в крайних обстоятельствах марксизм снимает атеистическую маску и показывает свое настоящее лицо — лицо сатанизма. Коммунистические гонения на религию нельзя объяснить человеческими мотивами. Неистовство этих преследований, выходящих за пределы разумного, явно диавольской природы.

Из книги И. Володского «Истоки зла (Тайна коммунизма)»
Сайт православного общественного движения «Божья воля»



- **РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА – НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ МИРОВЫХ ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ**

  Ольга Четверикова



Россия и мир

РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА — НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ МИРОВЫХ ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ

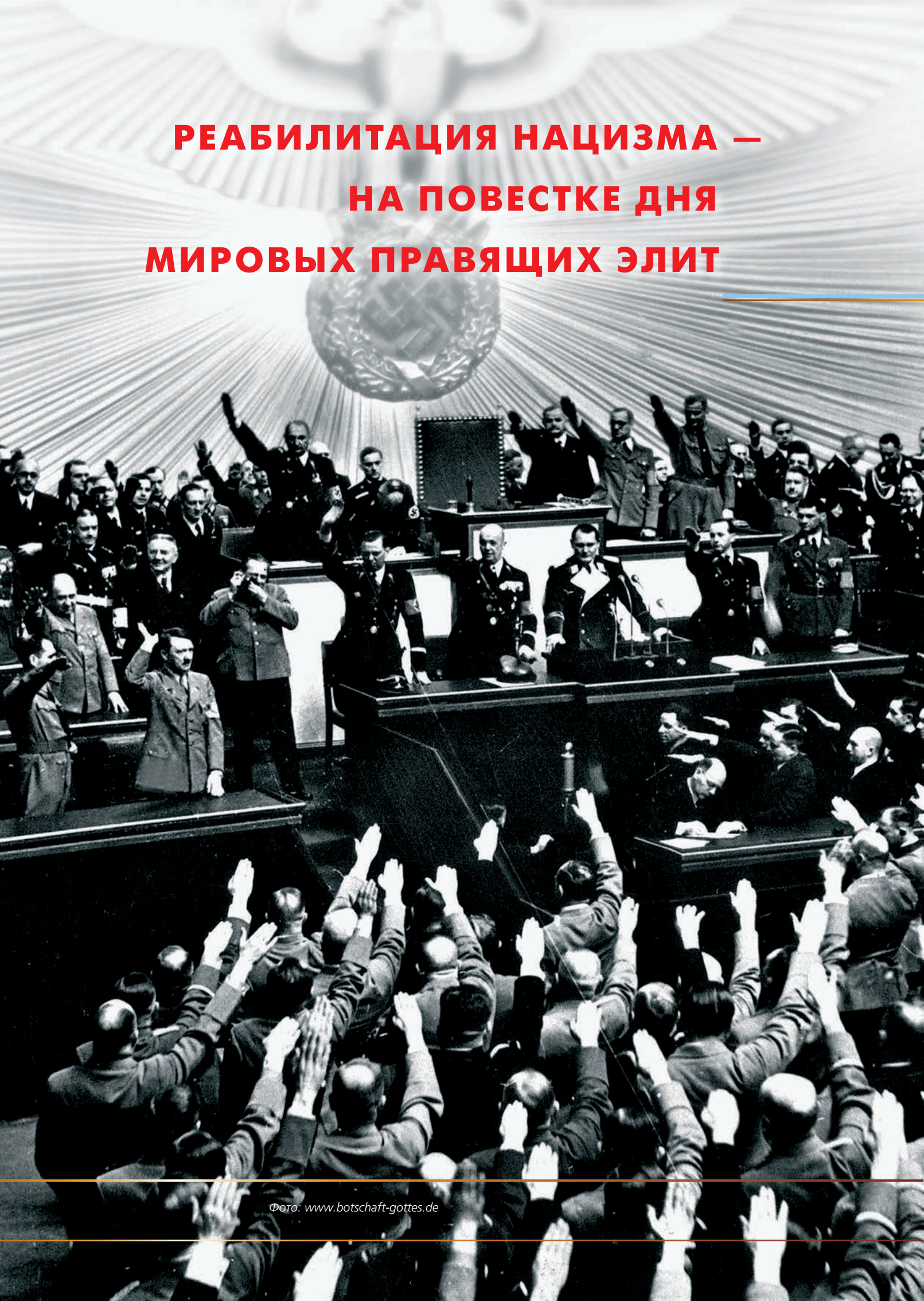


Фото: www.botschaft-gottes.de

Ольга Четверикова

О том, что Третий рейх был проектом англо-американских и сионистских финансовых кругов, написано уже много работ, авторы которых подробно излагают механизмы обеспечения прихода нацистов к власти. Так что в научном плане это положение опровергнуть невозможно, его можно только игнорировать или замалчивать, как это делают нынешние интеллектуальные элиты Запада, прекрасно понимая, чем грозит официальное признание ответственности высших мировых финансовых кругов за бойню Второй мировой и за «продвинутые» эксперименты их подопечных.

Однако о стратегических целях корпоративных элит, способствовавших утверждению нацистского режима, пишут гораздо меньше, хотя именно их рассмотрение и представляет наибольший интерес, поскольку дает возможность убедиться в неизменности политики мировой закулисы на различных этапах ее существования. Здесь мы хотели бы выделить только четыре сферы интересов, в рамках которых она решала свои ключевые задачи.

1. Уничтожение сталинского режима, представлявшего реальную и единственную альтернативу власти мировой финансовой олигархии

Западу не надо было натравливать Гитлера на Советскую Россию, его агрессивные планы в отношении СССР, изложенные в книге «Моя борьба» (1925), были хорошо известны (особенно с тем с учетом, что свой опус Гитлер писал под влиянием агентуры политической разведки британского «Круглого стола», контролирующей «клубы мистиков». — *Прим. ред.*). В ней четко указывалось, что если Франция является главным противником Германии (соперник в борьбе за контроль над Европой), а Великобритания и Италия — ее главными союзниками, то Россия — лишь территорией для захвата и превращения в колонию. Гитлер писал: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить наше вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

В сентябре 1941 г. Гитлер конкретизировал свои планы: «Граница между Европой и Азией проходит не по Уралу, а на том месте, где оканчиваются поселения настоящих германцев… Наша задача состоит в том, чтобы передвинуть эту границу возможно далее на восток, если нужно — за Урал… Ядовитое гнездо — Петербург, из которого так долго азиатский яд источался в Балтийское море, должен исчезнуть с лица земли… Азиаты и большевики будут изгнаны из Европы, эпизод 250-летней азиатчины закончен… Восток будет для Западной Европы рынком сбыта и источником сырья».

Как известно, основные направления «восточной политики» нацистов были детально изложены в «Генеральном плане “Ост”», считавшемся долгое время утерянным. Текст этого документа был найден только в конце 1980-х гг., а полностью опубликован Федеральным архивом Германии в 2009 г. План был разработан в 1941 г. Главным управлением имперской безопасности и предусматривал массовые этнические чистки населения Восточной Европы и западных земель СССР и «освобождение жизненного пространства» для немцев. Предшествовал ему проект, разработанный Рейхсминистерством оккупированных территорий, возглавлявшимся А. Розенбергом.

В свою очередь, планы по национально-этническому преобразованию Восточной Европы и России базировались на работе большого числа ученых экспертов, которая финансировалась Научно-исследовательским Сообществом (DFG) — центральной организацией по содействию научным исследованиям в Германии,

объединившей большинство немецких университетов, внеуниверситетские исследовательские объединения, научные союзы и академии наук. DFG было основано в 1920 г. как «Общество взаимопомощи немецкой науки», и изначально его возглавляли национально-консервативно настроенные профессора, закладывавшие основы для будущей экспансионистской и расовой политики. При национал-социализме общество мобилизовало свои ресурсы для режима с такой же готовностью, с какой вообще подавляющее большинство ученых поставило себя на службу национал-социалистскому государству. В 1949 г. с образованием ФРГ общество органично вписалось и в плюралистическую демократию, а с конца 1990-х гг. президиум DFG поддержал целый ряд инициатив, направленных на всеобъемлющее «переосмысление в толерантном духе» собственной истории.

Между тем американская разведка была знакома с идейными взглядами А. Гитлера еще до выхода в свет книги «Моя борьба». В 1922 г. в Мюнхене состоялась встреча А. Гитлера с военным атташе США в Германии капитаном Трумэном Смитом, составившим о ней подробное донесение вашингтонскому начальству (в Управление военной разведки), в котором он высоко отзывался о лидере нацистов. Именно через Смита в круг знакомых Гитлера был введен Эрнст Франц Зедгвик Ганфштенгль (Путци), выпускник Гарвардского университета, сыгравший важную роль в формировании А. Гитлера как политика, оказавший ему значительную финансовую поддержку и обеспечивший ему знакомство и связи с высокопоставленными британскими деятелями. В 1937 г. Ганфштенгль покинул Германию и прибыл в Америку, где в годы войны работал уже в качестве советника Ф. Д. Рузвельта.

Так что о сущности НСДАП соответствующие западные круги были хорошо осведомлены, но до определенного момента ее держали в «замороженном» состоянии. «Разморожена» она была только в самом конце 20-х гг., когда потерпел провал троцкистский план, нацеленный на устранение Сталина. Эту ситуацию хорошо описал верный последователь Л. Троцкого Х. Раковский в своих показаниях следователю, изложенных в книге доктора И. Ландовского «Красная симфония», раскрывающей механику управления миром.

Доказывая, что Сталин помешал осуществлению планов построения интернационального коммунизма, во главе которого финансовая верхушка (о которой Раковский говорит «Они») планировала поставить Л. Троцкого, он объясняет: «Для нас Сталин не коммунист, а бонапартист… Мы не желаем, чтобы созданные нами в Версале крупные предпосылки для торжества коммунистической революции в мире, каковые, как вы видите, стали гигантской реальностью, послужили бы тому, чтобы дать восторжествовать сталинскому бонапартизму… Однако в результате того, что Сталин очутился диктатором СССР и главой Коммунистического Интернационала, «Они» потеряли контроль над Коммунистическим Интернационалом. «Они», конечно, подправили положение планами Дауэса и планом Янга в надежде, что тем временем троцкистская оппозиция придет к власти в СССР, но… этого тоже не произошло.

Конечно, экономика Германии, доведенная до ручки, естественно, вызвала бы коммунистическую революцию в Германии. Но «Они» немного подправляют эту ярость пролетариата: вместо коммунистической революции побеждает национал-социалистическая революция Гитлера. Это было проделано диалектически.

При этом «Они», как источник революции, продолжают действовать. Конечно, экономика Германии, доведенная до ручки, естественно, вызвала бы коммунистическую революцию в Германии. Но «Они» немного подправляют эту ярость пролетариата: вместо коммунистической революции побеждает национал-социалистическая революция Гитлера. Это было проделано диалектически. Но это еще не все. Необходимо было, чтобы и в Германии троцкисты и социалисты разделили бы массы проснувшегося пролетариата в соответствии с инструк-

циями. Вот мы этим делом и занимались. Но требовалось большее: в 1929 году национал-социалистическая партия Германии испытывала трудности роста — не было денег. Тогда «Они» послали к ним своего человека. Я знаю его имя. Это был один из банкиров Варбургов. На прямых переговорах с Гитлером они обговорили порядок финансирования НСРПГ, и пару лет Гитлер получал свои миллионы долларов с Уолл-Стрита. Также он получил миллионы долларов и от немецких финансистов, через Шахта. Эти деньги пошли на формирование СС и СА, а также на финансирование избирательной кампании, таким образом, что Гитлер был избран на деньги, которые были предоставлены «Ими»… Сила Гитлера растет, и он уже расширяет границы Третьего рейха; и в дальнейшем сила Гитлера будет расти еще больше, вплоть до того, чтобы иметь силу напасть на СССР и свергнуть Сталина».

Сегодня, с возрастанием интереса к сталинской эпохе и понимания ее истинного исторического значения, принципиально важным для западных элит становится демонизация образа Сталина, которая возможна только на фоне возвышения нацизма.

Сегодня, с возрастанием интереса к сталинской эпохе и понимания ее истинного исторического значения, принципиально важным для западных элит становится демонизация образа Сталина, которая возможна только на фоне возвышения нацизма.

2. Другая стратегическая цель состояла в использовании Третьего рейха в качестве экспериментального поля для обкатки «новейших» методов управления обществом

Речь шла о тотальном контроле за человеческим разумом и человеческим поведением, улучшении «человеческой породы», сокращении численности ненужного населения и прочих эффективных социальных инструментах, позволяющих обеспечить стабильность власти элит. Поскольку нацистская верхушка представляла собой оккультную структуру, все общество выстраивалось по модели оккультной секты, внутри которой осуществлялась перестройка или изменение сознания «адептов».

Характерно, что первые работы по поведенческой психиатрии были организованы в Германии и Великобритании еще в конце XIX в. В Германии этим занимались институты Общества кайзера Вильгельма, а в Великобритании они сконцентрировались в созданной в 1921 г. Тавистокской клинике (на базе ее в 1946 г. будет создан хорошо известный Тавистокский институт человеческих отношений), которая рассматривалась как центр психологической войны и координировалась Интеллидженс Сервис и Королевской семьей. В межвоенный период между Англией и Германией в этой области начинает развиваться активный обмен научными идеями. Показательно, что в 1932 г. директором Тавистокской клиники стал немецкий психолог, выходец из еврейской семьи Курт Цадек Левин, затем эмигрировавший в США, где он возглавил Центр групповой динамики в Массачусетском Технологическом Институте.

После прихода нацистов к власти английские и немецкие ученые продолжали тесное сотрудничество в сфере изучения нейропсихологии, парапсихологии и евгеники, занимавшейся «улучшением» человеческого рода. Однако наиболее активны здесь были американцы. Исследования в области евгеники стали крайне популярными в США также еще в 20-е гг., и финансировались они представителями ведущих финансовых кланов США — Рокфеллерами, Гарриманами, Морганом и др. Будучи членами Общества евгеники, они спонсировали эксперименты по принудительной стерилизации «низших людей» и применению различных форм популяционного контроля. Их коллегами в английском обществе были Уинстон Черчилль (тогда министр финансов), экономист Джон Кейнс, Лорд Бальфур и биолог Джулиан Хаксли (после войны он станет первым главой ЮНЕСКО, а его брат, писатель Олдос Хаксли, опишет все «прелести» улучшения человеческой природы в известном романе-антиутопии «О дивный новый мир», вышедшем в 1932 г.).

Наибольший интерес к этим исследованиям проявлял Рокфеллер, чей фонд, созданный

в 1913 г. в целях «содействия благополучию» человечества, сконцентрировался на изучении методов контроля за рождаемостью. Он финансировал Американское общество евгеники, Федерацию планирования семьи и Американскую лигу контроля за рождаемостью. В 1936 г. Фонд создал и обеспечил первое Управление изучения проблем народонаселения в Университете Принстона для исследования политических аспектов изменения численности населения, рост которого Рокфеллер рассматривал как растущую потенциальную угрозу (развитие этой идеи в западной элитаристской среде см. здесь. — *Прим. ред.*).

В течение 20-х и 30-х гг. именно Фонд Рокфеллера внес решающий вклад в финансирование развития немецкой евгеники, осуществлявшегося Институтом евгеники в Берлине во главе с О.Ф. фон Фершуером (с 1935 г. будет возглавлять центр евгеники во Франкфурте) и уже упомянутым Институтом кайзера Вильгельма, ведущим психиатром которого был Э. Рюдин. Позже он сделал звездную карьеру в качестве «архитектора» гитлеровской системной программы медицинской евгеники и стал главным автором нацистского закона о стерилизации 1933 г. Этот закон, сделанный, как считается, «по американскому образцу», положил начало масштабной программе расовой гигиены. С началом Второй мировой войны Рокфеллер не прекратил финансирования нацистской евгеники, которая достигла больших успехов, так что уже в 1940 г. управляющий делами Американского общества евгеники Леон Уитни позволил себе заявить: «Пока мы ходили вокруг да около… немцы называли вещи своими именами». Наиболее интенсивные эксперименты по генетической инженерии, модификации поведения и «промывке мозгов» проводились в лагерях Освенцима («ангелом смерти» доктором Йозефом Менгеле) и Дахау.

Кульминацией этих усилий стало создание в 1947 г. Совета национальной безопасности и Центрального разведывательного управления. Как писал исследователь Рон Паттон, «это была юридическая верхушка айсберга, прикрывавшая немереный поток внезаконных действий правительства, в том числе и подпольных программ по контролю разума».

После войны руководство США в рамках операции «Скрепка», используя связи с Ватиканом, тайно ввезло в страну ведущих ученых и шпионов из нацистской Германии и фашистской Италии. В итоге, О. фон Фершуер в 1949 г. был избран членом-корреспондентом вновь созданного Американского общества генетики человека, которое скрыло скомпрометированную евгенику под новой этикеткой «генетика». А первым президентом этого общества стал сотрудник Рокфеллеровского Университета Г.Д. Меллер, который в 1932 г. работал в Институте кайзера Вильгельма по программе исследования мозга.

Одним из крупнейших приобретений американцев стал немецкий генерал Рейнхард Гелен, шеф отдела разведки Гитлера против СССР. Именно в результате «мозговых штурмов», проведенных им совместно с президентом Трумэном, главой Стратегических служб (УСС) В. Донованом и Алленом Даллесом была реорганизована разведывательная служба США, в целях превращения ее в высоко эффективную тайную спецподрывную организацию. Кульминацией этих усилий стало создание в 1947 г. Совета национальной безопасности и Центрального разведывательного управления. Как писал исследователь Рон Паттон, «это была юридическая верхушка айсберга, прикрывавшая немереный поток внезаконных действий правительства, в том числе и подпольных программ по контролю разума».

Немецкие ученые Третьего рейха активно использовались в программах по «промывке мозгов», реализуемых ЦРУ, например, в проекте MKULTRA, занимавшемся управлением человеческим поведением с использованием радиации, психиатрии, различных процедур и веществ (LSD). Вершиной этих экспериментов стал проект «Монарх», предназначенный для создания «спящих» убийц или «кандидатов-

манкуртов», которые запускались в действие при получении ключевого слова или фразы в пост-гипнотическом трансе (одним из таких кандидатов была, в частности, Мэрилин Монро). В ходе этих операций выполнялись различные оккультные ритуалы, основывающиеся на каббалистической мистике.

При этом наиболее полезным нацистский опыт по «улучшению» человеческой природы оказался в Израиле. Концепция социальной инженерии признавалась уже в Палестине времен британского мандата, но когда сюда прибыли психиатры, изучавшие основы евгеники в нацистской Германии, эта «наука» получила вторую жизнь. Массовые эксперименты в Израиле проводились над репатриантами.

Столкнувшись с евреями различных антропологических типов, местные психиатры, до этого считавшие евреев отдельной расой, начали проводить различия между европейскими евреями, с одной стороны, и ближневосточными и североафриканскими (сефардами и мизрахи) — с другой. Последние некоторыми психиатрами относились к «примитивным» расам, чье «сознание со скудным содержимым», как указывалось, «не предъявляет особых запросов к жизни и рабски подчиняется внешней обстановке». Такой подход соответствовал сионистской политике селективной иммиграции, исходившей из необходимости не только сохранения «неиспорченной породы» и «здоровой нации», но и выведения нового типа еврея — голубоглазого блондина, «яростного и беспощадного сверхчеловека, способного железным жезлом пасти народы».

От политики селективной репатриации Израиль отказался официально только в 1950 г., когда был принят Закон о возвращении, но рудименты евгенического подхода в израильской системе здравоохранения остались до сих пор.

<...> вначале сионистско-нацистский сговор в целях выделения евреев в отдельную расу и «решения еврейского вопроса» — переселения их «на родину», затем формирование идеологии холокоста, призванной в глазах мировой общественности поставить евреев в исключительное положение и способствовать утверждению их в качестве «избранной расы» или касты неприкасаемых.

Как пишет современный историк Р. Залашик в своей книге «Ad Nefesh: беженцы, репатрианты, новички и израильский психиатрический истеблишмент», «Израиль является сверхдержавой по анализам для беременных и абортов. Аборты делаются по самым незначительным показаниям, включая подвластные коррекции эстетические недостатки типа волчьей пасти». Словом, экспериментальные программы, разработанные в годы нацизма, оказались крайне востребованы в послевоенных условиях «холодной войны», но особенно «актуальны» стали в период открытого перехода в начале XXI в. к формированию «нового мирового порядка».

3. Государство Израиль и религия холокоста

Еще одна стратегическая задача в ходе строительства Третьего рейха заключалась в реализации сионисткой программы создания государства Израиль. Причем здесь четко просматривается двойная тактика: вначале сионистско-нацистский сговор в целях выделения евреев в отдельную расу и «решения еврейского вопроса» — переселения их «на родину», затем формирование идеологии холокоста, призванной в глазах мировой общественности поставить евреев в исключительное положение и способствовать утверждению их в качестве «избранной расы» или касты неприкасаемых.

Когда нацисты пришли к власти, Всемирный еврейский конгресс, базировавшийся в США, объявил Германии экономическую войну и заявил о своем намерении сделать все возможное для их свержения. Однако на практике сионистские организации активно сотрудничали с новыми властями, видя в них своих союзников: и те и другие боролись против ассимиляции еврейства и стремились замкнуть его на внутриобщинную жизнь. Показателен в этом отношении меморандум лидеров сионистских

организаций от 22 июня 1933 г., отправленный непосредственно Гитлеру, в котором они признавались в симпатиях к новому режиму и утверждали, что сионизм в своих исходных положениях весьма близок («звучит в унисон») национал-социализму.

Как написал в своей книге 1934 г. «Мы евреи» немецкий сионист Иоахим Принц (эмигрировавший в США и ставший впоследствии главой Еврейского Конгресса Америки), смыслом национал-социалистической революции в Германии было «еврейство для евреев». Хотя позднее Принц с сарказмом отзывался о расистских теориях Гитлера, он страстно защищал само понятие «еврейской расы»: «Мы хотим заменить ассимиляцию новым законом: законом принадлежности к еврейской нации, к еврейской расе. Любой еврей, признающий себя таковым, отнесется к подобному утверждению, основанному на принципе чистоты крови, с уважением и почтением… Сейчас нам не помогут никакие отговорки. Вместо ассимиляции нам необходимо другое понятие: признание еврейской нации, еврейской расы…» В том же духе высказывался в 1935 г. и бывший глава крупнейшей в Западной Европе берлинской еврейской общины (крупнейшей в Западной Европе), лидер Сионистской государственной организации и Еврейской лиги культуры Георг Карески: «В течение многих лет я считал полное разделение культур двух народов (евреев и немцев) необходимой предпосылкой их мирного сосуществования… Я выступал за такое разделение, считая, что оно продиктовано взаимным уважением. Нюрнбергские законы не только подводят под существующее положение вещей юридическую базу, они полностью отвечают нашему стремлению жить отдельно, уважая друг друга… Эти законы приостановят процесс дезинтеграции, имеющий место во многих еврейских общинах в основном за счет смешанных браков, поэтому с еврейской точки зрения их можно только приветствовать».

Показателен в этом отношении меморандум лидеров сионистских организаций от 22 июня 1933 г., отправленный непосредственно Гитлеру, в котором они признавались в симпатиях к новому режиму и утверждали, что сионизм в своих исходных положениях весьма близок («звучит в унисон») национал-социализму.

Вплоть до самого начала Второй мировой войны главной целью германского правительства в отношении евреев была их эмиграция, так что они оказывали в этом самую широкую поддержку сионистским организациям. Совместными усилиями нацистов и сионистов по всей стране была создана сеть из 40 лагерей и сельскохозяйственных центров, в которых обучались те, кто намеревался переселиться в Палестину. В соответствии с так называемым соглашением «Хавара», заключенным в августе 1933 г. между властями Третьего рейха и сионистскими организациями Германии и Палестины, еврейским эмигрантам разрешался прямой трансфер части их имущества, облегчался экспорт товаров из Германии на Ближний Восток. С 1933 по 1939 г. по этому соглашению в Палестину было переведено около 100 миллионов рейхсмарок, что помогло 60 тыс. немецких евреев, переселившихся в эти годы в Святую Землю, поддержать существование в самое трудное первое время эмиграции. Как указывают исследователи, «гитлеровский Третий рейх сделал для переселения евреев в Палестину больше, чем любое другое еврейское государство».

Показательно, что сионистские организации и ишува демонстративно не участвовали в каких-либо формах протеста против немцев, чтобы не создать препятствия достигнутым соглашениям. В знак почитания этого союза по распоряжению Геббельса была отчеканена памятная медаль с изображением звезды Давида на одной стороне и свастики — на другой. Что же касается СС, то оно сотрудничало даже с подпольно действующими в Палестине сионистской военизированной организацией Хагана и агентством Моссад Ле Алия Бет, занимаясь контрабандой оружия и нелегальной пе-

реправой евреев (после введения ограничения на их иммиграцию в Великобритании).

Наиболее же красноречивым свидетельством общности интересов сионистов и нацистов стало выдвинутое в 1941 г. официальное предложение самой экстремистской из сионистских групп «Лехи» («Борцов за свободу Израиля», одним из руководителей которой был Ицхак Шамир) о военном союзе с нацистами против Великобритании, которая тогда старалась защитить гражданские права палестинцев и пыталась ограничить иммиграцию евреев в Палестину. В подготовленном коммюнике ясно указывалось, что «у «европейского нового порядка», основанного на немецкой концепции, и у патриотических стремлений евреев-членов НВО (Национально-военной организации в Палестине) могут существовать «общие цели и интересы» и что «образование исторического еврейского государства на националистической и тоталитарной основе, которое было бы связано договором с немецким рейхом, было бы в интересах поддержания и усиления немецкой власти на Ближнем Востоке».

Однако «сотрудничество» это имело свою оборотную сторону, выявившую истинные цели сионизма и подготовившую почву для создания идеологии холокоста, превращенной в оружие для достижения политических целей. <...> Главным для сионистов было не спасение евреев, а создание государства Израиль.

Однако «сотрудничество» это имело свою оборотную сторону, выявившую истинные цели сионизма и подготовившую почву для создания идеологии холокоста, превращенной в оружие для достижения политических целей. Когда Германия оказалась в состоянии войны с Великобританией и сионистская верхушка оказалась перед выбором — поддерживать британцев, ограничивших иммиграцию евреев в Палестину, или немцев, — она сделала его, не задумываясь, встав на сторону англичан. Главным для сионистов было не спасение евреев, а создание государства Израиль. Как указывал Бен Гурион, возглавлявший тогда Еврейское агентство, являвшееся центральным органом управления ишува, базировавшимся в Лондоне, «если бы я знал, что можно спасти всех детей Германии и вывезти их в Англию или — лишь половину и вывезти их в Эрец Израэль, я выбрал бы второе, потому что мы должны принимать во внимание не только жизнь этих детей, но и судьбу народа Израиля». Хорошо известны также его слова: «Задача сиониста — не спасение «остатка» Израиля, который находится в Европе, а спасение земли Израильской для еврейского народа». Руководители Еврейского агентства согласились с тем, что ради нужд сионистского проекта в Палестине должно быть выбрано меньшинство, которое может быть спасено. В меморандуме агентства 1943 г. прямо говорилось, что надо спасать «прежде всего тех, кто может быть полезен для земли Израильской и для иудаизма».

Мы уже указывали, как оценивала иудейская верхушка евреев «второго сорта» — «Ам-Гаарец», «плебеев» или «невежд в законе». К ним относили и ассимилированных евреев, которых можно было отдать на откуп и использовать в целях демонизации врагов иудаизма и укрепления его позиций. Показательны в этом плане слова сионистского лидера, президента ВСО Хаима Вейцмана, сказанные им в ответ на предложение выкупить евреев, находившихся в немецких концлагерях: «Все эти евреи не стоят одной палестинской коровы». В 1934 г. в беседе с А. Эйхманом на его вопрос «Можете ли вы, господин Вейцман, вообще принять так много евреев?» Х. Вейцман ответил: «Мы охотно примем здесь силы, способные сражаться за нас в Палестине, а остальных надо ликвидировать, как бесполезный мусор».

Между тем еще в 1937 г. Вейцман сделал следующее заявление: «Я задаю вопрос: «Способны ли вы переселить шесть миллионов евреев в Палестину? Я отвечаю: «нет». Из трагической пропасти я хочу спасти два миллиона молодых… и лишь молодая ветвь будет жить». Для Вейцмана это было «обрезание сухих вет-

вей». Так что не случайно М. Шонфельд, автор исследования, в котором приводятся слова Вейцмана, называет его главным из преступников, виновных в геноциде. Удивительна, конечно, сама уверенность прогноза о глобальном уничтожении евреев. Но лидеры сионизма начали предсказывать его еще раньше. Одним из первых это сделал Теодор Герцль уже в первых записях своих «Дневников», назвав цифру в 6 миллионов евреев, которым в Европе якобы угрожает опасность. Затем эту цифру называли накануне и во время Первой мировой войны, чтобы изобразить немцев, могущих уничтожить столько евреев, как абсолютное зло. И только после Второй мировой ее закрепили в Европе в качестве общепризнанной и не подвергаемой никакому критическому анализу. Общая политика сионистов в годы нацистского режима делает их, безусловно, ответственными за жестокости Второй мировой, что признается многими ортодоксальными иудеями.

Как писал, в частности, М.А. Фридман, главный раввин антисионистской еврейской общины Австрии, «действительно заинтересованы в геноциде евреев были скорее сионисты, которые стремились в результате получить политическую и финансовую поддержку, необходимую для создания еврейского государства Израиль». Число «шесть миллионов» было и остается сионистской выдумкой. Когда сегодня говорят об «оси зла», это надо связывать с гешефтом вокруг холокоста и поддержкой преступных целей сионистов». Недаром и известная исследовательница К. Аренд отметила, что «роль еврейских лидеров в уничтожении своего собственного народа — это для евреев, несомненно, самая мрачная глава во всей этой мрачной истории».

Как писал, в частности, М.А. Фридман, главный раввин антисионистской еврейской общины Австрии, «действительно заинтересованы в геноциде евреев были скорее сионисты, которые стремились в результате получить политическую и финансовую поддержку, необходимую для создания еврейского государства Израиль».

Надо отметить, что вплоть до 70-х гг. официальной версии холокоста ничто не угрожало, однако с выходом в свет серьезных научных исследований ситуация изменилась и холокост начали превращать, и действительно превратили, в своего рода религию, которую нельзя подвергать никакому научному анализу. Как писал польский исследователь Томаш Габись, у религии холокоста есть свои святые места, прежде всего Освенцим; свои священные книги, например Дневник Анны Франк; свои священники, например Эли Визель; свои храмы, например музей Холокоста в Вашингтоне; свои реликвии, свои еретики, например Роже Гароди. Главный признак религии холокоста — это объяснение его мистерией, рационально необъяснимой, так что лучше и не понять ее разумом. Как указывал один из ее «верховных жрецов» Эли Визель, «Холокост — это священная мистерия, тайну которой знает только духовенство выживших».

4. Объединение Европы

Наконец, еще одна важнейшая миссия Третьего рейха заключалась в объединении Европы в единый финансово-экономический организм, в котором национальные сегменты бизнеса были бы поставлены под жесткий контроль немецкого финансового капитала. На основе этой единой финансовой сети можно было строить уже политически объединенную Европу и формировать единую «европейскую нацию».

Но эта задача должна была быть решена уже не нацистами, а Паньевропейским союзом (ПС), созданным в начале 20-х гг. «духовным отцом единой Европы» Куденхове-Калерги и нежно опекаемым американско-сионистской верхушкой. Пока же деятельность этой организации временно «отключали» с тем, чтобы «перезапустить» ее уже в принципиально новых условиях. После прихода нацистов к власти ПС в Германии был запрещен, а Гитлер лично назвал его «идеалом расовых ублюдков и инструментом захвата Европы евреями».

После аншлюса Австрии в марте 1938 г. се-

кретариат Паньевропейского союза в Вене был закрыт, архивы его арестованы (после войны они попали в Москву, где находятся до сих пор), книги Куденхове-Калерги сожжены, а сам он переехал в Швейцарию. В 1939 г. после расчленения Чехословакии Куденхове-Калерги принял французское гражданство, которое не менял до самой смерти, и в 1940 г. переехал в США, где вплоть до 1946 г. работал в Нью-Йоркском университете в тесном взаимодействии со своими американскими покровителями в рамках семинара «Исследования в поддержку послевоенной европейской федерации», разрабатывая проект Учредительной ассамблеи Европы.

А нацистская Германия начинает создавать собственный «новый порядок» в Европе.

Ключевое значение для немецкой финансовой олигархии имело сохранение крепких связей с банкирами Британии и США, обеспечить которые призван был основанный еще в 1930 г. Банк Международных расчетов (БМР), заслуживший репутацию «самого эксклюзивного, таинственного и влиятельного наднационального клуба в мире». Раскрывая ведущую роль, которую закулисно играл БМР в мировых финансах, исследователь К. Квигли, изучавший в течение 20 лет операции этой сети, писал: «Силы финансового капитала преследовали еще одну далеко идущую цель: создание ни много ни мало находящейся в частных руках мировой системы финансового контроля, обладающей властью как над политическими системами всех стран, так и над мировой экономикой в целом. Эта система должна была в феодальном стиле контролироваться слаженно действующими центральными банками мира в соответствии с соглашениями, достигнутыми на регулярно созываемых частных встречах и конференциях. Вершиной системы должен был стать находящийся в швейцарском городе Базеле Банк международных расчетов».

...Исследователь К. Квигли, изучавший в течение 20 лет операции этой сети, писал: «Силы финансового капитала преследовали ещё одну далеко идущую цель: создание ни много ни мало находящейся в частных руках мировой системы финансового контроля, обладающей властью как над политическими системами всех стран, так и над мировой экономикой в целом. <...> Вершиной системы должен был стать находящийся в швейцарском городе Базеле Банк международных расчетов».

БМР представлял собой частный банк, учредителями которого стали центральные банки Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Японии, а также группа банков США во главе с банкирским домом Моргана («Д.П.Морган энд компани», «Ферст нэшнл бэнк оф Нью-Йорк» и «Ферст нэшнл бэнк оф Чикаго») (как выяснилось после его смерти при оглашении завещания, сам Морган был младшим партнером Ротшильдов. — *Прим. ред.*). К 1932 г. его участниками стали еще 19 стран Европы. Вдохновителем этого предприятия был все тот же Ялмар Шахт, тогда уже президент «Рейхсбанка», располагавший обширными связями на Уолл-Стрит и вынашивавший идею создания такого учреждения, которое и в случае мирового военного конфликта позволило бы сохранить связи между крупнейшими финансистами мира и осуществлять различные сделки. Поэтому с согласия заинтересованных сторон в Устав БМР была включена статья, обеспечивавшая банку неприкосновенность в любой ситуации: он не подлежал ни конфискации, ни ликвидации, а его деятельность не подвергалась контролю. Это было действительно чрезвычайное соглашение. Хотя БМР был создан как коммерческий публичный банк, договор о его создании гарантировал его иммунитет от правительственного вмешательства и даже налогообложения, как в мирное, так и в военное время. Новая организация должна была содействовать сотрудничеству центральных банков и предоставлять дополнительные возможности по осуществлению международных финансовых операций, и так как его деятельность была очень прибыльна,

ему не нужны были никакие правительственные субсидии или помощь.

Хотя, в соответствии с «планом Юнга», Банк был создан для контроля над операциями по переводу иностранной валюты из Германии за границу в счет уплаты долгов, уже через год он стал выполнять прямо противоположные функции, превратившись в канал по перекачке американских и английских денег в резервуары нацистов, который наиболее эффективно работал в первые два года гитлеровского правления. С началом германской захватнической политики в сейфы БМР стало перемещаться золото побежденных ею государств — австрийское, чешское, польское и др.

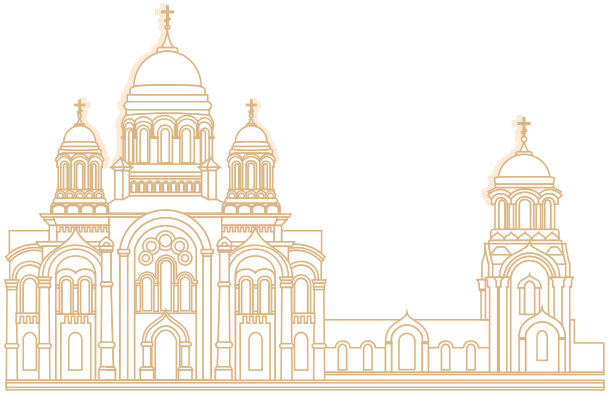
К началу войны Банк полностью перешел под контроль Гитлера, в его правление входили тогда глава «И.Г. Фарбениндустри» Г. Шмиц, барон К. фон Шредер (кстати, совладелец ФРС США, уже тогда постоянно проживавший в Лондоне. — *Прим. ред.*), банкиры В. Функ и Э. Пуль (двое последних назначены были в правление лично Гитлером). БМР вкладывал накопленное золото в германскую промышленность, и все это происходило при активной поддержке банковских кругов Великобритании, которую они оказывали и после вступления страны в войну с Германией. Монтэгю Норман на протяжении всей войны входил в совет директоров БМР, а президентом Банка во время войны оставался американец Томас Маккитрик, близкий друг Морганов, олицетворявший собой международное финансовое «братство». Маккитрик, в частности, обеспечил заем на сумму в несколько миллионов швейцарских золотых франков немецкому оккупационному режиму в Польше и коллаборационистскому правительству Венгрии. В течение всей войны большинство членов правления БМР свободно пересекали границы враждующих европейских государств для встреч в Париже, Берлине, Риме или в Базеле (Я. Шахт, например, провел большую часть войны в Женеве и Базеле, где заключал закулисные сделки, выгодные Германии).

Хотя, в соответствии с «планом Юнга», Банк был создан для контроля над операциями по переводу иностранной валюты из Германии за границу в счет уплаты долгов, уже через год он стал выполнять прямо противоположные функции, превратившись в канал по перекачке американских и английских денег в резервуары нацистов, который наиболее эффективно работал в первые два года гитлеровского правления.

Банк, продолжавший действовать в течение всей войны (прекратились только ежемесячные собрания), не был ликвидирован и после ее окончания. Хотя в 1944 г. после обвинения со стороны Чехии в отмывании нацистского золота, украденного из Европы, американское правительство и поддержало резолюцию на Бреттон-Вудской конференции, призывавшей к ликвидации БМР, она в итоге не прошла. Банк сохранил свое значение наднациональной организации по созданию и внедрению мировой валютной стратегии, а в действительности — частного клуба центральных банков, действующего под маской международной клиринговой палаты. Более того, основным членом клуба стала и ФРС США, которую на «Базельском уик-энде» обычно представляет либо ее председатель, либо управляющий.

Опыт, наработанный нацистской Германией, оказался бесценным для мировой правящей элиты, и если в прошлые годы она вынуждена была это скрывать, применяя его негласно и тайно, то сегодня, с переходом к открытой частной диктатуре, она нуждается в его последовательной реабилитации. Это тем более важно, что историческая правда все более выходит наружу, игнорировать ее уже невозможно, так что остается, как всегда, одно — возглавить процесс, направив его в нужное русло.

Источник: сайт «Око планеты»



- **ПАСХА ХРИСТОВА В РУССКИХ НАРОДНЫХ РАССКАЗАХ**
  По материалам «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири»
  Галина Афанасьева-Медведева

- **КРЕСТЬЯНЕ И ДВОРЯНЕ**
  Анатолий Байбородин

Русский Обычай

Забайкальский крестьянин Лазарь Андриевский (фото из архива А. Г. Байбородина)

ПАСХА ХРИСТОВА В РУССКИХ НАРОДНЫХ РАССКАЗАХ

По материалам «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири»

Пасха Светлая (фото из архива автора)

Галина Афанасьева-Медведева

Исус Христос по земле ходит. Ходил-ходил. Потом его заподозрили. Поймали. Это нам мама всё рассказывала. Его продал Иуда Христопродавец! Продал за три гривенника. Он собрал когда вечеру́ (вот под Пасху бывает вече́ра), говорит:

— Вы меня продадите, мои ученики! Кто-то меня продаст!

А говорят, Пётр, их много было, как мать называла этих всех. Эти были его ученики.

— Не я ли, Господи? Не я ли?

— Нет! Продаст меня тот, кто три раза обмакнёт в солонку. Он меня продаст за три серебреника!

А этому уже Иуде Христопрода́внику посулили бочку золота. Вот он продал его. А эти евреи смотрели, кто *обмо́чит* [обмакнёт. — *Г. А.-М.*]. Он *обмочи́л* и на Исуса Христа показал. Все они *одина́кия* были на лицо: что ученики, что Исус Христос. Они не знали, кто Исус Христос, кто ученики. Все *одина́кия* были. Вот когда он *обмочи́л* в соль три раза и показал на Исуса Христа. Вот его [Иисуса Христа. — *Г. А.-М.*] словили сразу и на кресте распяли, к кипарисовому дереву, распяли на кресте. Вот это распятие Христово. Его потом сняли с креста и положили его. Приходила вдовушка, обтирала ему ноги, его обтирала, кровь всего обтирала. И вот когда его положили в гробницу, навалили камень большой, чтоб он не вылез *оттудова*. И посадили сторожей. Прилетели *а́нгели* и этот камень свалили, Исуса Христа выта*шш*или с гроба с этого, с гробницы. И он воскрес. И вот когда в Пасху-то кричат:

— Христос воскресе! Смертью смерть поправ, су*шш*ему живот даровал!

Вот эту молитву поют. Потом говорят:

— Христос воскресе!

Тут уже отвечают:

— Воистину воскресе!

Все хором. *Аж* сердце замират. Когда стоя-

Наталья Николаевна Парникова (фото из архива автора)

ли в церкви, дак *аж! В Тулуне́* церква. Ой, на Пасху ездит тут у нас жен*шш*ина одна. Ой, народу, ой, народу! Даже в церкву не влезает. Пас*к*у когда *све́тят,* всю ограду *па́сками застано́вят!* Даже вечером све́тят *па́ски, засвящают*. Которые издалека приедут, дак и вечером освящают *па́ски*. А это утром освящают, *све́тят* уже *па́ски.*

Записано в 1988 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Софьи Михайловны Шендрёнковой (1924 г.р.), проживающей в с. Трактовое Тулунского района Иркутской области (ЛА).

Мама говор*е*ла, в Пасху Бог спускатся на землю, ходит *помиру́шкой,* а на Вознесе*нне* возносится. *Аа́.* Нельзя пл*ю*вать в окошко. Он как раз тут, говорит, ходит, Бог. Нельзя пл*ю*вать в окошко, нельзя выливать в окно, вот из стакана или чё ли-то. Господь Бог ходит, *гыт, ко́ло* окон, слушат, что говорят *про его, х*то как верует. Вот. Прислушиватся. А у нас там один:

— Ой, я ничё *не ве́рваю!*

Ну и плюнул в окошко. *Аа́.* Плюнул. И чё вы думаете?! Наза*х*тре *молва́* [язык. — *Г. А.-М.*] у него отнялася! Так и помер. А перед смертью-то его, знашь, целый месяц *ката́ло.* Сильно мучился. Он и не жанился, и ничё. Вот. Нельзя. Мама всё *говрела:*

— Нельзя, ребятишки, пл*ю*вать в окно. Бог ходит под окошком.

Он же ходит на Пасху. Сорок *дён* ходит по земле, по люд*я*м. Слушат, кто как о нём говорит. Плохо-то, дак накажет.

Записано в 1983 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ефросиньи Егоровны Колмогорцевой (1906 г.р.), проживающей в с. Мильгидун Чернышевского района Читинской области (ЛА).

«Красный угол» (фото из архива автора)

Это уже батюшка наш подымется на небеса и всё расскажет, все грехи наши. Кто чё сделал, согрешил. Вот там Господь потом распоряжат, кому чё дать за это, како наказание дать. Мама наша в Пасху к вечеру стол набират (…). *Аккура́т* до солнца. Набират на стол, всё-всё. Яички свари́т, накрасит све́женьки. И *в Вознесеньев день* так же яйца красят. На праздник све́женьки яички накрасит. Всё на стол наставит, и вот встречат, чё он придёт, чё *исть* будет. Встречают Исуса Христа. Что она его встретила на Пасху, то она его *щас* на провожание. Скажет:

— Ну, Исуса Христа я проводила, дождалася, чай *с нём* попила.

— *Сколь* стаканов?

— Да много пил!

Она это *нарочи́* говорит. Она никого не видала.

Записано в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Евдокии Титовны Сухаревой (1910 г.р.), проживающей в пос. Тасеево Тасеевского района Красноярского края (ЛА).

На Пасху всю ночь не спят. Мужики сидят на брёвнах с ружьями, в двенадцать часов встречают Иисуса Христа. У нас *сыспокон* так. И батюшка наш стрелят. Как только Пасха, на Пасху в двенадцать часов начинают стрелять. В том конце — *бах!* В друг*и*м — *бах! Ацикя́кские-то,* мужики-то. Вот на Пасху с двенадцати часов они сидят, Иисуса Христа встречают. А потом приходят, начинают христо́соваться. Я вот всё, лет двенадцать мне было, мама достаёт хорошую *одёжу*, чистую: себе, батюшке. Мы ждём в эту ночь: ну, *сёдня* я скараулю, как они христо́сываются! Жду-жду, жду-жду, усну и не увижу. Маму спрашиваю утром:

— Ну, чё, мама, вы как христо́совались? Прилятал Исус Христос?

— Прилятал, в окошечко постучал (…).

Вот яички на столе всегда стоят, *кра́шенки*. И вот на Пасху накрасит яиц. И я тако же: накрашу, в чашку их, полотенце под чашку новую и ставлю на стол до утра. Оне стоят до утра, яйца эти (…). Но они молились <…>.

— Мама, чё вы делаете?

— Мы Богу молимся.

У нас брат был коммунист, а иконы мы не убрали. Как оне у нас стояли раньше, так они и… Пока мама не умерла, иконы никогда не убирали. Вот приедут *к ему* партейные, коммунисты-то, глянут (а вот так угол, иконы красивые под стеклом, в цветах, восковые цветы):

— Пётр Иваныч, ты чё?! Коммунист — и иконы?!

А он говорит:

— А я Богу не верую. Это мать. Пусть оне стоят, оне никому не мешают.

Вот. Сам тоже *из души не выпускал* веру-то. А так скажет *имя́м*.

Записано в 1985 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Харитиньи Протасовны Бутаковой (1908 г.р.), проживающей в д. Ацикяк Качугского района Иркутской области (ЛА).

Восьмиконечный крест (фото из архива автора)

А у нас Пасха-то, *в А́шинге-то!* Утром рано стреляют, до солнца. Солнце чтоб не всходило. А уже солнце взойдёт, бабенька говорела, — грех стрелять, когда солнце всходит, Христа убьют. И когда ясна погода, солнце вот так вот играт. Вот и вы нынче глядите, когда Пасха, как ясная погода, солнце заходит, оно кругами-кругами так, играт. Оно кажный раз играт. Бог радуется (…).

Рассветат — уже грех стрелять (…). Гуляли, народом гуляли. Вот кумпания кака, к нам придут, *сколь* человек там. Ты *отгости́ла*, *счас* друга́ подойдёт, котора гулят. И не так, что *счас* придут да в одной избе сидят-сидят. Вся *А́шинга* гулят. *Сколь* уж кумпаньев там ходит?! Одну *отгости́шь* — выходят, други́ заходят. Вот эдак гуляли <…>.

Били яйца в Пасху. Мы ходили на кладбишше, катали на могилках, *недоро́сточками* были. Могила была как раз возля деревни, и мы катали. Матеря́ нас посылали, покажут, где схоронен. Я вот помню, *у баушки* у своёй у Катерины я катала. Прямо на могилке эдак каташь-каташь, покатаешь, потом разобьёшь его, поешь и накрошишь птичкам. Покрошишь на могилку и пойдёшь домой. Мы маленькие были, ходили.

Записано в 1995 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ульяны Кононовны Каверзиной (1904 г.р.), проживающей в д. Улачи Кыринского района Читинской области (ЛА).

А к Пасхе уж готовились, дома́ *шо́ркали*, мыли, *багантинские-то*, вся деревня мы́та в Пасху — как яичечко блестит, не то что сейчас, тряпочкой да вот так, светленькой водичкой. Раньше песком, *голяко́м шо́ркали*, где и ножом скоблили. Весь дом мыли. Белили только глиной, не извёсткой, глиной. Потолок мыли, а потом белили. Кажну Пасху. Стены были некрашены, всё *шоркалось* песком. *Шш*ели вот такие были да пазы, всё промывали, чтобы песочку нигде не осталося. Старухи-то придут:

— Ладно *мытни́цы-то* вымыли?

Старухи. Наши-то, *багантинские-то*, чисто-

плотные. Ну, вот мы мыли, нанимались. Вот я подросла, надо было мне к Пасхе сошить юбку да кохту. Вот сошила юбку да кохту и весь день мыла за эту машинку, отрабатывала. Весь день мыла соседям нашим. Мы только двое как-то с Мареей-то, со сестрой-то, были победне́, сироты. И *ходили по людя́м,* мыли. День моешь посуду, в подполье убираешь, *ква́шню* моешь, *се́льницу, муто́вки.* Вот целый день моешь. *Шоркали* всё, чтобы было хорошо, чисто. А на другой день — потолок смываешь, белишь. И стены все *шоркашь,* пол — всё. Вода горячая. В ограде *таганóк,* огонь, воду грели и вот этой водой мыли.

Пол *шоркали* песком. *Голики́* делали, вот таки длины́ — *голи́к листвя́ный*, прутики такие *листвя́ные*, из кустов, и *шоркали* пол, песком *шоркали*. А потом полоскали на два-три раза. Ой, *уве́чче было!* Песок сыпашь на пол потом, жёлтый песок (он и сейчас есть вот у нас здесь, *в Еланца́х). С Еланцóв* возили песок. Телеги две-три привезёшь на зиму. Такой *песóчник* был. И кажный день мели́. Ну, когда так, веником подметали, а когда песок, кажный день почти выметали. Чтобы *бра́во* было, чисто. К Пасхе-то мыли (…).

Баня «по-черному» (фото из архива автора)

Пихтой оббивали дом. За пихтой ходили *к Куре́ти, к Паске-то.* И потом оббивали такими вензелями как. А потом *на их* там цветочки делали из бумаги, то яички *ешшо* накрасят да тоже налепят на это. А шторы на окошки из бумаги вырезали всякие. У меня сестра хорошо вырезала. Вырежет, ну и вот набьём этой пихты.

Ой, хорошо! У нас дед шибко Богу молился, всю ночь молится и нас наставлят, всё читат молитвы, всё молится (…). Яйца красили в четверег. И корой этой *листвя́ной* красили, и синеньким цветкам красили. Синеньки цветки были, *постре́лы,* подснежники-то вот эти, их парили и красили яйца. И окрашут, оне синеньки таки, красивы. А корой *листвя́ной*, так они бордовые такие.

Записано в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Екатерины Васильевны Поповой (1910 г.р.), проживающей в пос. Еланцы Ольхонского района Иркутской области (ФА ИГПУ).

В Пасху?! Мы все собираемся, *в Багантýето* жили, и мама свечку зажигат, свечку зажигат, станет на коленки и молится. Мы стоим. Она перекрестится — мы тоже так же. Потом она начинает:

— Христос воскрес!

Мы все:

— Воистину воскрес!

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес!

До трёх раз. Потом подходит ко столу — у нас яички крашеные лежат на столе.

— Берите по яичку.

Берём. Она подходит, чтоб мы менялися с ней. И она:

— Христос воскрес!

Я говорю:

— Воистину воскрес!

Она опять мой яичко берёт, меняемся, свой мне даёт.

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес!

Записано в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Аксиньи Прокопьевны Мартыновой (1908 г.р.), проживающей в д. Каратай Заларинского района Иркутской области (ЛА).

Раньше *в Беде́е* в родительский день кажный готовится дома. И обязательно *копят* яйца. И накрасят как в Пасху, наварят. Это говорят:

родительский день — Родительская Пасха. Ходят друг ко дружке, чай пьют. Потом идут на кладби*шш*е. С кладби*шш*а идут:

— Вот ты, девка, ко мне зайди, у меня чай попьём!

У меня попили:

— Ну а ты, девка, ко мне иди чай пить!

А *счас-то* идут все на кладби*шш*е. А раньше на кладби*шш*е *токо* одна-две старухи сходят, и всё! Одна-две старухи. Больше никто. Вот в Пасху Родительскую одна-две старухи сходят, больше не ходили! С собой несут яйца, блины, ну, какие-нибудь пирожочки наберут с собой, к каж*н*ой могилке сходят, покланяются, всем помаленьку там положут, на каж*н*ую могилку кладут (…). Потом эти бабушки должны в каж*н*ом доме побыть в гостях, вся *Бедéя* уж их поджидат, этих бабушек (…). Ну, моя свекровка или моя мама пошла на кладби*шш*е, я дома осталася. Я уж скорé *направляю чай.* Ну и потом всех созываю к себе, и эти бабушки придут. У нас посидели, ну, а другая, которая была на кладби*шш*е, тоже:

— *Счас* к нам, к нам, пойдём к нам!

К ним идут. Ну и потом так и идут, и идут. Всех до одного пройдут до вечера. Каж*н*ому охота, что я наготовилась ведь. И если *сёдни* не сумели, назавтра идут, зовут (…). У нас, *в Бедéе,* всё *баушка* Ганя ходила, Брюханова, *баушка* Анна Михайловна ходила — вот он*е* всё время ходили на кладби*шш*е.

А потом-то пошло-поехало (…). Раньше кому нету сорока лет, не ходили по поминкам, не поминали, и в родительский день не поминали (…). Если сорок лет человеку нету, ни на какие поминки он не должен он ходить. И на кладби*шш*е в родительский день он не должен ходить! До сорока лет — нет-нет-нет. С сорока лет *токо!* А теперь *в Бедéе-то?!* Ой, посмотришь, родительский день — как праздник, и от мала до велика все на кладби*шш*е идут. Теперь ему двадцать лет, и он со старушонками идёт на поминки (…).

[— …Когда была Пасха Родительская? — *Собир.*].

Село Бедея Кежемского района Красноярского края (фото из архива автора)

Солнце красное (фото из архива автора)

Пасха пройдёт — и родительский день, Пасха неделю пройдёт — и на другую неделю во вторник родительский день. Вот это и есть Пасха Родительская, это на другую неделю во вторник — это Родительская Пасха.

Записано в 1980 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Пелагеи Лазаревны Рукосуевой (1922 г.р.), проживающей в с. Бедея Кежемского района Красноярского края (ЛА).

И *бавушка* хлеб и соль на Паску положит и полотенцем прикроет. И, знашь, мы жили *в Бедобé*, у нас икона всё время *с божнички* исчезала (тогда же *божничка* была в углу, и много иконох было), и у нас одна исчезала. Я её как-то раз спросила:

— *Бавушка*, а где икона?

— Ну, где! Ушла к Господу Богу Паску встречать.

И потом она появлялася после Паски, вот эта икона, обратно. А где она была? Куда она её? Не знаю.

Вот у нас икон много было, а у меня ни одной нету.

<…>. И вот она на Паску уходила, а после Паски приходила. И вот она яйца варила *в Чистый Четверег.* И вот она на кладбишше носила, во двор ложила и *в пóдпол* ложила. *В пóдпол* ложила, чтоб пожару не было, во дворе — чтоб *урóну* не было, а на кладбишше — чтоб покойников не было.

Записано в 1988 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Марфы Тимофеевны Рожковой (1927 г.р.), проживающей в с. Бедоба Богучанского района Красноярского края (ЛА).

На Пасху солнце играт. И рано утром *баушка* наша, мы *в Бедобé* жили, она нас подымала. Надо, говорит, на Пасху смотреть на небо. Если хорошая погода, солнце играт. И если в какой стороне собаки лают — в той стороне будет больше зверя. И звёзды на небе. Если вот на одной половине, где больше звёзд — там много ягод будет. Вот, *гыт*, в какой стороне больше звёзд — там будет много ягод, а где мало — там, значит, нет. И вот на Пасху где собаки лают — там больше зверья будет. Вот так-ат. И вот солнце-то играет, она говорила. И всегда она вот… (…).

Весна на погосте.
Посёлок Пинчуга Богучанского района
(фото из архива автора)

Вот всходит когда солнце, вот и я когда выходила, смотрела (я не помню, я уже после мамы или с мамой ли). А оно вот так вроде как станет и как обратно. И как вот обратно такое како это такое, какое тако вот. Оно как играет, ага.

[— …Вверх-вниз, да? — *Собир.*].

Но. Видно глазами его, солнце всходит, его видно, что вот оно, если хороший ясный день, видно. Вот его на Пасху утром. Ну, как *сёдня* Пасха, так утром… был. Ну, где-то мама говорит, что солнце играет на Пасху

Записано в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Евдокии Варфоломеевны Вороновой (1926 г.р.), проживающей в пос. Пинчуга Богучанского района Красноярского края (ЛА).

Наши, *бáнщиковские, пáску* святили в церкви. Белая така скатерть, всё, там уже и *пáска* состряпана, там и яйцы, и сало там копчёно — ну, всё, всё, всё. *Освéтют*, и тогда всю неделю *пáску* едят. Как *токо* завтрикать садятся, бабенька расстилает эту скатерть на столе — и вот опять разговляются. Святая Паска. Всю неделю.

А потом остаётся что вот от Паски: яички вот, *па́ска* остаётся, это *тода* уже едут, *кода* сеять, и вот это вот всё с собой забирают. Семенное зерно. *Кода* сеять едут, вот это вот всё забирают с собой.

Я вот всегда яичко оставляю. Ну, под иконочку — лежит, а пойду капусту сеять, всегда возьму, с яичком с этим пойду, посею. И там его зарою в землю у капустки. Прямо *с кра́ешку* зарою. Пусть святое яичко.

Записано в 1988 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Елизаветы Егоровны Никулиной (1918 г.р.), проживающей в д. Никулино Киренского района Иркутской области (ЛА).

Сибирские дороги (фото из архива автора)

Круговые песни-то, их пели на Благове*шше́нне*. Благове*шше́нне!* Перед Паской. У нас улица суха была, дорога засыпана была. Её даже лошадями засыпали *шша*бёнкой, чтоб воды не было, грязи не было по ней.

И вот на Паску (снега́ же рано другой раз таяли), и вот на Благове*шше́нне,* в самуё Благове*шше́нне играли кругами.* Ой, народу много-много! И пожилые, и молодые, и средние! Его, гламно, хоровод-то, так: вот оне бярутся и потом вот как-то друг возля дружку и так опять пошли, пошли, пошли. Дак как *ба́ско-то!*

(…). Играли *воро́тчиками*: вот бягут по двоя, руки отпускают, ети пробегают, опеть ети бягут, пропускают, опеть другие пробягают. Ну, вот, эту песню всё пели:

Ходил Ваня по базару,
Закупал товару-у-у.
Ой, не купил Ваня товару,
Купил востру косу.
Он чужую траву косит,
Своя в доме сохне-и-ит.
Он чужую жену любит,
Своя в доме плаче-и-ит.
Она плачет, рыдает,
Всё Ваню ругае-и-ит.

И вот так вот бягут этими *воро́тчиками*, вот эта песня *воро́тчикам* бягут. А народу много-много! Це́лы косы на лугу-то! Вот так за руки

бярутся, отбягают пару, руки отпускают, опеть треття там, четвёрта, там пята, вот так, вот так — друг за дружкой бягут. *Бáско-бáско!*

А песня-то, длинная она:

Она плачет, рыдает,
Всё Ваню ругает:
«Ох, ты, Ванюшка-красавчик,
Девичий ты мальчик».

Это я молоденька была, и вот эти песни запомнила.

Весеннее раздолье (фото из архива автора)

Записано в 1988 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Доры Николаевны Погодаевой (1940 г.р.), проживающей в с. Усть-Вихорево Братского района Иркутской области (ЛА).

Ой, помню, я бегала. Утром рано *бавушка* подымет. Паска! Браття меня догоняли и обгоняли. А я, как Паска, я уже всё! У мамы была *венчáльна пáрочка*, малинова, краси-и-ива! Крёстна покойна, вот Панина мать, она мне сошила платье. У меня волосы белы были, косы большá были. *Бавушка* заплетат косы, надею платье, карманы, фартук был. И вот раньше были вот такие *башмакú с голяшками*, высóки, вот такие *оне* были, со шнурками. Вот эти у меня были. И там подружка у меня была Таня. И друг был Митя. Вот мы втроём бегам. Я одеюсь, яичко кладу, Митьку в окошко стукаю. Митька уже *начеку.* Ну, чё?! Небольши были. Митька выходит.

— *Сколь* взял яичек?

— Два.

Я опеть побегу, *ешшо* яичко возьму. По Таньку зайдём, по соседку, по подружку-то (…). Вот так жили.

Записано в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Надежды Николаевны Бушиной (1911 г.р.), проживающей в с. Куэнга Сретенского района Читинской области (ЛА).

На Паску делали *берёзову качýлю,* мужики делали. Вот такие жерди (четыре или пять жердей, *нако*, пять), *кóзлы*, *мотня́*. Верёвками большими хорошо свяжут их, *от* так расширят, и оне

стоят. Эти вершины берёзы, *сколь* вот в длину надо, вот их там привяжут крепко-прекрепко проволок*ом*, а здесь *вяз* сделают, чтоб вставать-то, тоже берёзовый же. И вот *на* этот *на вяз* встают и дуют! И мужуки качаются с девкам, парни с девкам. Ой, всю *Паску!*

Потом надоест мужукам-то, ребятишки лезут да упадут *ешшо*. Орём, плачем:

— Качелю уронили у нас.

Всё против нас там*а-ка* было, вот где Валя *Гри́дневска*-то жила, возле руччá (*ни ату́га,* ничё не было), вот на эт*и*м месте. Все, ой, все собе-

за стол, сто грамм — да под стол. А мы, как Пасха — всё! Все на улицу, эти яйца каташь, бьёшься. Я как-то одно яйцо отдала *х*рестнику своему, а он двадцать штук выбил *биткóв.* Придёт, *би́тку,* если он разбил у тебя яйцо, на один бок и на другой, — ты отдаёшь уже.

Это битое яйцо *би́ткой* называлось, *би́тка*. Он пошёл к другому, у другого так выбил…

Записано в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Татьяны Кирилловны Сулимы (1925 г.р.), проживающей в д. Харманут Тулунского района Иркутской области (ЛА).

Последний снег в Качугском районе (фото из архива автора)

рутся! <…>. Кто на мосту, кто качатся, кто поёт, кто чё делат.

Записано в 1981 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Аграфены Иннокентьевны Большедворской (1922 г.р.), проживающей в д. Толмачёво Качугского района Иркутской области (ЛА).

Раньше всякие игры были: вот и косточки эти ставишь, и на качелях, и прыгаешь, кто в ремешки, кто в булавочку, кто как. *Бра́во* было в Пасху! А *щас* же этого нету. А *щас* чё? Скоре́

Вот Пасха будет в воскресенье. А второе воскресенье *Красная горка* после Пасхи. А уже после *Красной горки Родители,* он*е* во вторник бывают. *Красная горка* — раньше яички варили красные. И вот катали. На кладби*шш*е кто ходил, по могилкам катал.

Кто дома соберётся, ребятишки дома, вот где-нибудь бугорок найдут и катают яички. *Красная горка* называлася, катали яички красные. Раньше играли. Сделают лоточек, накладáют яичек. Вот он катат, потом он, а потом

твоя очередь подошла катить яичко. *Скоко* ты выбьешь, их не часто ложили, а редко ложили. Вот если ты яичко выбьешь чьё, ты это яичко забирашь. А потом другой ко́тит. И вот покуда уже не станет у него. Вот ты вот одно выбила. А потом *ешшо* покатила, *ешшо* выбила яичко. А потом уж ты не выбьешь больше. *Тода* ты уж больше не ко́тишь, второй ко́тит яичко, очередь подойдёт. Вот у нас дедушка-покойник раз пошёл катать яички, *дак* целую шапку принёс этих яиц! Навыбивал! Или вот выбивать, яички бить (…).

(1924 г.р.), проживающей в с. Трактовое Тулунского района Иркутской области (ЛА).

Рано утром! И большие придут другой раз с яичком, *бьют*, выбивают. Выбивают, ложат в карман. Пойдут в другой дом. Бывают крепки яички, а бывают *би́ткие*. Если яичко крепкое, яичко попадат крепкое — почти всю деревню пройдёт с этим яичком! Глядишь, тут яичко, два выбьет в нашем дому, в другой пойдёт, там яичко-два выбьет. Всю деревню однем яйцом обойдёт. У нас шестнадцать домов там

Галина Александровна Шеметова (фото из архива автора)

На Пасху тоже бьются яйцами. И вот выбират. У нас отец-покойник, бывало, вот сидит, об зубы стучит-стучит, крепкое яйцо или *би́ткое*. Если крепкое яйцо, тогда уж будет выбивать яйц*ы*, крепкое яйцо! Он об зубы попробует её, вот так постучит, значит, крепкое яйцо. Если слабое, *би́ткое, дак* оно звук отдаёт. А это нет, это крепкое яйцо быват. Быват, даже краска не пристаёт *к ей,* к крепкому яйцу!

Записано в 1983 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Софьи Михайловны Шендрёнковой

было, если по всей деревне пройдёт, значит, он двадцать-то яичек соберёт! Было-было. Ну а чё?! Раз выбил — бери!

Вот бывают такие яйца крепкие. Ой, попадёт, ну, яичко крепко! *Дак* он всю деревню пройдёт, его не разобьёт, *ешшо* оставит: там после Пасхи Родительский день, тоже с яйцами. В Родительский день *ешшо* бьётся этим же яичком.

Записано в 1991 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Галины Александровны Шеметовой

(1932 г.р.), проживающей в д. Обхой Качугского района Иркутской области (ЛА).

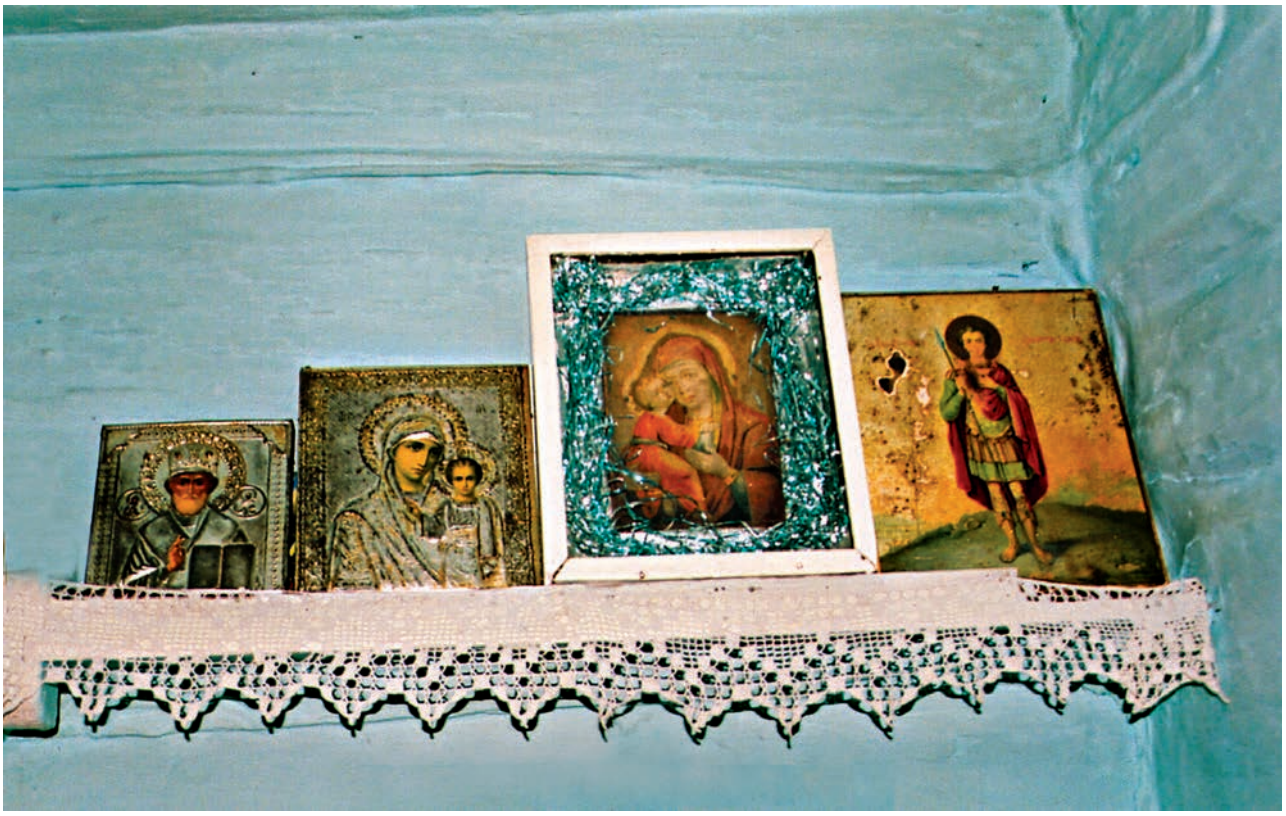
Тама-*ка* в праздники, вот Паска, Троица, мы *в ба́бки* играли, мужики играли с нам, с ребятишками. Да-а-а! Кустики ставили и разбивали. Кто *скоко*, глядишь, кто больше наберёт, кто выиграт больше вот этих *ба́бок*. *Ба́бки* вот эти, от скота, от зверей от сохатиных, суставы вот, шарниры. Вот это *ба́бки*, *биткй* большие.

— Давай!

Сойдутся — и пошёл! Кто кого столкнёт с границы. Вот. Тоже игра была.

Записано в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ульяны Варфоломеевны Ждановой (1923 г.р.), проживающей в д. Верхне-Калинино Катангского района Иркутской области (ЛА).

Солнышко играло на Паску. Оно три раза в год играт: на Паску играт, *ешшо*, однако, *на*



«Цветной угол» (фото из архива автора)

[— Так они назывались как? *Рю́шки? — Собир.*].

Это *хрю́шки* маленькие. Сохатиные-то больши, *биткй* назывались. А это маленьки были, от маленького скота. А это большие *ба́бки* были, *биткй*.

А стенка на стенку — Паска, Троица. Вот такие дни, *счас* собираются мужики, ага. Этот конец [деревни. — *Г. А.-М.*] и этот конец, ну, *подзю́зят:*

— Давайте!

Ну, одна партия другого, и под себя идут начинают:

Благове́щий день играт. Три раза́ играт в год солнышко, а на Паску обязательно играт. Это не увидишь, *токо* если пасмурно будет, не увидишь, а так играт, красиво играт, перели́ётся, перели́ётся прямо-то.

Записано в 1995 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Фёклы Иннокентьевны Лоншаковой (1922 г.р.), проживающей в д. Бургень Читинского района Читинской области (ЛА).

На икону, вот знашь, пасху клала. Яичко крашеное. Мы теперь икону-то не делаем. Ну, вот эти яички, вот *грит*, пожар тушат. Яички-то

она кла́ла каждый год, только Пасха — покрасит, одно положит:

— Ребята, не шеве́льте тут, *бо́гово ичко.*

Если пожар, куда надо его выбросят, чтоб на деревню не несло. Выбросишь — и всё, и пойдёт ветер туда.

Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Евдокии Ивановны Бочкарниковой (1922 г.р.), проживающей в с. Бори Сретенского района Читинской области (ЛА).

На Пасху вот мы все до восхода солнца все к окну. Смотрели, как играт солнышко. О-о-о! Утром рано, пока солнышко не всходит, нас будили. У нас бабушка, она сильно *боже́ственная* была, она все праздники… А Пас*к*у-то и вовсе. Она нас будила. А знашь, как будила? Пихтой. Ломали на Пас*к*у пихт*у*, ставили до́ма в кастрюлю там или в ведро ставили, и утром рано бабушка нас потихонечку пихтой этой:

Как пихта зелена́,
и стройна, и здорова,
Так и вы будьте стройны,
и здоровы,
и красивы.
Дай Бог вам ума-разума.

Анна Егоровна Сафонова (фото из архива автора)

Вот так три раза пошо́пчет, подымет нас всех. И мы — к окошку. Солнышко начинат… Ясный день, и вот оно выходит солнышко и начинат всякими цветами, радугами играть. Ну, каких *токо* цветов нет! Я и *счас* внучат поднимаю. И я вот эту вербу на вербное воскресенье всегда рву, всегда вербу ломаю. И внучат своих я так же похлопаю веточкой.

[— А вербочку когда надо срывать? — *Собир.*].

Вербочку, ну, чтоб она распустилась. В этом году, видите, она хорошо как распустилась, прямо серёжки на вербе были. Принесли домой, мы за два дня вперёд домой принесли её, она у нас постояла. Пихточка не колется, ничего, она мягонькая, *лапочки* хорошо прилипают к тельцу. Ребятишки не проснутся: веточки-то мягонькие. Они, может, думают, что это кошка лапкой их трогат. Вот я их:

— Здоровенький да умненький, дай Бог вам счастья.

Что умешь, то и говоришь. От души. У меня внуков полно: у одного сына двое, у другого трое, у дочери один сыночек.

Записано в 2005 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Валентины Ивановны Тримарёвой (1941 г.р.), проживающей в пос. Кежма Кежемского района Красноярского края (ЛА).

Баушка же рассказывала, она у нас *боже́ственная* была. Рыбачили, говорит, на море Иисус Христос с людя́ми. Он рыбачил и уснул в лодке. Уснул в лодке, а ветер поднялся, а те его будят и говорят:

— Учитель, мы тонем.

А он им отвечат:

— Не утонете, если веруете в Бога.

Он поднялся. И представьте! Шёл Иисус Христос по воде и не тонул! Может на камню́ плыть по воде человек? А это было.

Господь, он невидимый. *Счас* его не увидишь. Он спускатся в Пасху, но его никто не видит. А когда он ходил по земле, ходил по земле три года, он людей лечил.

Записано в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Елены Феоктистовны Гребневой (1921 г.р.), проживающей в с. Хапчеранга Кыринского района Читиской области (ЛА).

У нас все *божéственные прáздники* справляли. Вот Пасха, мама яйца красила. Луковым пером всё больше красили. Цветки синенькие рвали. Дерево *лúсвяное,* кору. Она на корé такая хорошая! Я помню, батюшка-то ходит, вон *сколь* наотбират яиц, полно ведро. Вот Великий Четверг был, яйц*ы* красили до Пасхи. Если в воскресенье Пасха, в Четверг вот эти яйца красят. Хлеб вот этот с крестом стряпают. Ну, спали, утром рано вставали. Богу молились, свечи, вот я помню, у нас мать встанет с утра… Стрелять выходили на улицу с ружьев. *Дак* вот, вот эти, не так давно здесь старики живы были, дак утром тоже стреляли. Теперь уж ничё нет. В Пасху утром встанут, Богу помолятся. Там мать наготовит чё-нибудь, настряпает. Яйца крашены. Ну и чай пить сядут. И *христóсуются*, цалуют друг дружку. Раньше *ешшо*, бывало, придёшь, каждого цалуют:

— Христос воскресе!

Он скажет:

— Воистину! — целовать надо.

Это всё было. Это теперь ничё нет. Первый день ничего не гуляли. Только отдыхали. А назавтра начинали. А молодёжь, её Бог знат, чё делали они. Ну, ходили [на полянку. — *Г. А.-М.*]. Раньше чё?! *Вечёрки* были. Мы даже вон *из Попóвой в Тырган* бегали за три килóметра *на вечёрку.* А там *ешшо* гармошка. Играт гармошка, танцуют.

Записано в 1983 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Фёклы Ивановны Рыковой (1912 г.р.), проживающей в с. Косая Степь Ольхонского района Иркутской области (ФА ИГПУ).

О-о-о! Паска она и есть Паска, *бóжий прáздник.* Мама рассказывала. Яйцо красное! Пришла, говорит, бедненькая к богатым к однем в избу. Он даёт ей и корову, и быка, и коня — ну, сироте, сиротка пришла. А она:

— Мне ничё-ничё не надо: ни твоя корова, ни конь, ни бык — никого. А мне, дай мне яйцо красное.

Это Паска <…>. *Метéльщихе* раньше пели:

Не дáси яéчко — сдохнет овечка,
Не дáси кóка — вылезет око.

Окрестности села Тóры Тункинского района Бурятии (фото из архива автора)

Это если скупа хозяйка, дак это ей так пели. Скупая хозяйка если, она даже не подойдёт к окну, ну, ей и дают песню:

Не да́си ко́ка —
Выскочит *во́ко*.
Не да́си яичка —
Сдохнет овечка.
Не дадите пирога —
Мы корову за рога,
Не дадите пива —
Мы коня за гриву.

ты, все, *карлу́тски* ребят*ы* уходят *в Седо́во* в церковь. А тут *налаживат* мама тарелку или чашку: тут печенье, тут яички крашены, тут всё. Ждут, когда оттуда ребят*ы* принесут иконы из церкви. Всё, те несут. А за ним потом к часам одиннадцати (тогда часов не было) идёт батюшка со своим.

Ну, пели красиво. В каж*н*ый дом заходят, поют молитвы. И мама отдавала яички все, там булочки, вафельки — всё отдавала. Батюшка не брал ничё.

— Берите-берите! Нельзя. Берите: Пас*к*а!

Анна Васильевна Моргунова (фото из архива автора)

Ну, вот наговорят ей всяческие *вредного* слова *такого* и пойдут дальше. Она от жадности даже яйца не даст*ь*. Во какие люди были жадные тоже!

Записано в 1996 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Евгении Андреевны Коваленко (1930 г.р.), проживающей в д. Ангуй Тулунского района Иркутской области (ЛА).

Пас*к*у-то, это же *бо́жий пра́здник*, дак Пас*к*у вечером все, вся молодёжь. Вот *аргу́нски* ребя-

Вот. А потом гуляют. Старушки все с это… Ну, вот муж с женой, допустим, пожилые отдельно гуляют, ребят*ы* отдельно гуляют, а девчонки где-нибудь соберутся так, тоже вроде гуляют маленько.

Ну и неделю всю Пас*к*у встречают. Всё весело, как-то хорошо.

Записано в 1995 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Матрёны Павловны Черкашиной (1918 г.р.), проживающей в с. Карлук Качугского района Иркутской области (ЛА).

И вот на Паску, примерно, сядем вот как утята на солнце, ждём, когда солнце будет всходить. Бабушка говорила:

— В Паску будет солнце играть туда-сюда.

И вот мы до тех пор досмотримся, всё кричим:

— Заиграло, заиграло!

А Пасха-то — со стрельбой! Как в банях помоются, и начинатся стрельба, встречали Пасху. Пихта всегда была. И вот мы, ребятишки, по насту ещё утречком бежим *в ельни́к* и набирам этой пихты. И вот её кругом садили: *за божни́чку* пихта, веточки, *по-под ла́вкам* пихта, под столом пихта.

Записано в 1994 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Надежды Севастьяновны Лоншаковой (1924 г.р.), проживающей в с. Чикичей Сретенского района Читинской области (ЛА).

Село Бедоба Богучанского района (фото из архива автора)

Мы *в Кежéке* жили, жила у нас семья, *у их* детей не было. Марковна жила и Матвей Пи́монович. Вот оне скотину держали. И вот как к празднику, она всё раздаст людям, ага. *Набьёт* масло (раньше же масло сами *би́ли, бóйка* така была длинна, *мутóвочка*, я *би́ла* масло), ну и *набьёт мéшанки* и раздаст, накопит сметаны — раздаст, у кого нету. Всем давала. Бедным давали. Бедным, хоть на Паску давали, хоть на Рожжество, хоть на Новый год. У нас мама давала. Мама давала, *тятя* порой скажет:

— Дак, старуха, завтре праздник большой… Ну, *у их* ничего же, — *говрит*, — нету. Чем оне нас испортят?

И я давала. *Скоко* я скотину держала, никогда я на праздник бедного не оставлю так. Я всегда дам.

[— А что давали? — *Собир.*].

Молока, *примерно*, унесу, или есть мясо, кусочек мяса унесу. Настряпаю — стряпаного унесу, сметанки унесу, накоплю — унесу. Я жила *в Кежéке*, *дак* вот там много без коров жили, одинокие которы. Вот Дуська там жила, Васюшка, *у их* ничё не было. Как *имя́м* не дать в праздник? Все будут в праздник праздновать, ну, кушать, и всё хорош*оё*, готовишь же к празднику, копишь всё. Но как *имя́м* не дать? Всё же обязательно дам. Как это бедному человеку и не дать? Какой он бедный, почему он бедный — не наше дело. Вот. А дать надо бедному человеку (…).

И не оставляйте бедного человека в беде. Всегда помочь над*ы*. У нас вот соседи жили, пьяницы оба, Галя и Вася, вот пили. Зимой как-то я сижу, Валентина, дочь у меня, ушла в магазин. Гляжу: нету-нету *у их* ни огня и ни печка не топится. Пришла и *говрю*:

— Валентина, сходи-ка соседей погляди. Не дай Бог, — говорю,— чё. Замёрзнут, — *говрю*, — нам же, — *говрю*, — неудобно будет. Мы недоглядели их.

Она пошла, оне и верно замерзают. Пошла, тут у нас *ешшо* жили племянники, наклали дров санки́, ута*шш*или, им натопили. Но *ешшо* тут*о-ка* у нас соседка тоже хорошая — оне супу наварили, Валентина *ешшо* чё-то унесла там горячего. Отогрели их, накормили, натопили им, вот.

А всё равно в марте месяце сгорели, никак не могли спасти вот их. Вечером ходили — всё, *куда с добром*, вроде не пьяный был Васька, а ночью вот они дымом *захлеба́лися*, все как чёрны, как уголёчки. А так вот только тут сгорело, а тут всё целоё.

Записано в 1985 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Фёклы Иннокентьевны Брюхановой (1918 г.р.), проживающей в с. Карабула Богучанского района Красноярского края (ЛА).

К Святой Паске ребятишки, девчонки, *грит*, пойдут у меня по избам, *гыт*, грязь убирают, хоть кусок хлеба заработать. Ну а всякие же хозяйки были. У одной, *гыт*, всегда, *гыт*, пойдут *у ей* там всё пробуро́вят грязь, ну, она, *гыт*, *ме́шало* масла даст (*ме́шало,* это называли, смешает в клубок).

[— *Ме́шало*? — *Собир.*].

Ме́шало масла. И вот она говорит:

— Я *бре́гую-то*, у меня масло в рот не идёт. Так я, — *гыт*, — перекрещусь, — говорит, — перед *образа́ми,* у меня, — *гыт*, — на всю Святую Паску это, — *гыт,* — масло я в лампаде, — *гыт*, — сожгу.

Бре́говала, говорит, *бре́говала*, *гыт,* от них есть масло. И я, говорит, уж сухую корку буду *ись*, а это, *гыт,* масло пусть у меня, говорит, на лампаде, *гыт*. Всю неделю, *гыт*, у меня лампада горит. Вот как приходилось.

А к другим, *гыт,* придёшь… Вот и мама говорила… Ну, к Паске белили да к любому празднику, они, *гыт*, сначала накормят. Сначала, *гыт*, накормят.

Записано в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Нины Вениаминовны Привалихиной (1945 г.р.), проживающей в пос. Невон Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

А праздники-то всегда гуляли. У нас же здес церковь была, *в Бунбу́е-то.* А Пасха! Ночью стреляют, колокола звонят! Мы вот *против* церкв*ы́* жили. Маленьки были, а *тятя* говорит:

— Ну, *сёдни* не спите: вон из-за той хребта будет Паска выходить и придёт к церкви.

А в окошко-то смотрим: у церк*вы*-то народ *по́лом*, стреляют! Огонь вылетат. Всё в светах. Весь *Бунбу́й,* все соберутся, и старичьё и молодёжь-то все. Мужуки-то все ходили встречали Паску. В колокола зазвенят. Ой, *бра́во-то* как! У нас пять колоколов было на церкви-то. Потом Иван Никанорович залез на церковь и «Барыню» на колоколах давай выигрывать. Ой! Как заиграт, дак! Пять колоколов переберёт: два били ногой, три ногой-то. Вот неделю, всю неделю колокольны переборы, колокола звонили. Паска неделя была — и всю неделю колокола звенели.

Записано в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Пелагеи Федоровны Рукосуевой (1923 г.р.), проживающей в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области (ЛА).

Здесь же церковь была, *в Бунбу́е,* она недалёко от нас стояла. Мама, *баушка* ходили в церкв*у*. Она красивая была. Светло было, свечи горели, всё. Ходили, ночь стояли молились. *Всено́шну* стояли всю ночь молились народ-то. Мы ходили ребятишки-то. Была *баушка* Васюша. Она шибко *ве́рвала* в Бога, верующая была. Всех в колхоз раньше загоняли, а она сказала:

— Нет! В это а́дово племя я не пойду.

А такая была добрая! Вот, бывало, соберёт нас, ребятишек, за ягодой идти (не хотят же брать малолеток), она соберёт всех нас и *на Чуён* за ягодой.

— Ничё, ребят*ы*, пойдёмте. Я за вам присмотрю.

Записано в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Елены Фирсовны Рукосуевой (1929 г.р.), проживающей в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области (ЛА).

<u>Принятые сокращения мест хранения диалектных, фольклорных материалов</u>

ЛА — Личный архив Г.В. Афанасьевой-Медведевой

ФА ИГПУ — Фольклорный архив Иркутского государственного педагогического университета

КРЕСТЬЯНЕ И ДВОРЯНЕ

А. К. Саврасов. Печерский монастырь под Нижним Новгородом. 1871 г. (фрагмент)

Анатолий Байбородин

Когда говорят «русский народ», я всегда думаю — «русский крестьянин». Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял 80 % российского народонаселения. Я, право не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я — знаю только, что я ему бесконечно много должен, ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность.

Александр Куприн

Юрию Байбородину посвящаю

Пролог

Испокон православного русского века *род* в неком колене являл молитвенника, Богом отсуленного: церковного иерея, смиренного инока — насельника святой обители, христорадного юрода, блаженного пророка, а ино и святителя, страстотерпца, праведника, кои в дольнем и горнем свете замаливали грехи своей земной *род*овы, чая спасения и воскрешения из мертвых, когда в ослепительном сиянии, в громе и молнии явится Творец на Страшное Судище судить живых и мертвых.

Неизбежно рождался в неком колене и выразитель рода, а по дару Божию, и русского народа: вещий боян-былинщик, старинарь, изустный и письменный сказитель, художник, вместившие в души судьбу и горнюю мудрость родовы и по силе искусного дарования запечатлевшие. Вот и я сподобился в очерках, повестях и сказах, сплетая былицы с небылицами, любовно изукрашивая, запечатлеть род в материнских и отеческих ветвях, но, увы, лишь бегло ведомых да вживе зримых. А ныне худобедно довел до ума очерк о родове, давнишний, с летами выросший до очеркового повествования, и не столь о роде, сколь о народе, его исторической судьбе, его сословной брани и любви.

Род, народ, родина...

Ветхие русы-язычники жили, яко таежное зверье; слепо мыкались во тьме кромешной и, не зря света Божия, поклонялись М*а*коши, каменной, деревянной бабени — идолице плодо*род*ия земли и чадо*род*ия жён, а потом... но, может, был и ранее... явился идол, символизирующий продолжение *рода*, — *Род*, вытесанный из камня либо вырубленный из дуба символ мужской чадо*род*ной силы. Род — «божество» неба, грозы, плодородия — в славянских преданиях, катит на облаке, льет на земь дождь, сыплет снег; Род повелевает плодо*род*ием матери-сырой земли, чадо*род*ием жен.

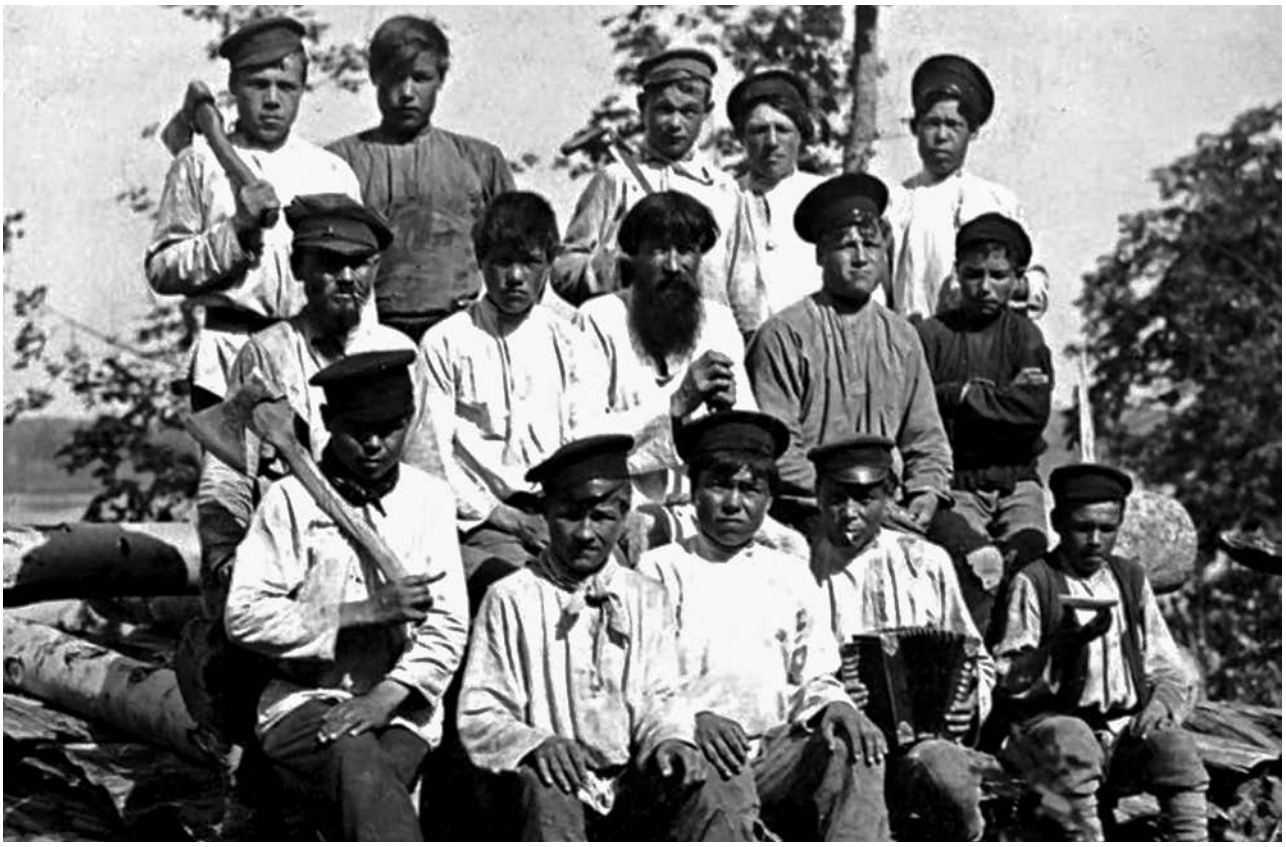
Задолго до Святого Крещения русские забыли идола, но... нет худа без добра... от имени Рода явился долгий, волнующий русскую душу, понятийный ряд: *род*ова, *род*, на*род*, Родина, *род*ня, *роди*ны, *рожд*ение, а позже и го*род*, ого*род*, и даже сб*род* и у*род*.

Древо жизни, древо рода, родова... Раскинулось древо рода моего густым и затейливым плетевом ветвей в русских веках, корнями таясь в сумраке славянской древности... Увы, не всякий русский... покаюсь, и я грешный... похвалится, что ведает родову до пятого колена; с горем пополам, смутно и бегло узрит до третьего, дедовского колена, и древо рода сгинет в тумане лет. И не от доброй жизни окаянное беспамятство — весь прошлый век родовую память выколачивали из крестьян и ремесленников, выставляя на посмех веру, обряд и обычай. Впрочем, из бар да бояр в угоду «просвещенного» Запада родовую память вместе с *русскостью* исподвольно стали выбивать вскоре по кончине *русского* царя Ивана Грозного. Но Русь — испокон веку царство крестьянское, и, слава Богу, обошло крестьян безродство, ибо не ведали крестьяне книжной грамоты, да и кроме Священного Писания и святоотеческих книг иное чтиво и не чтили: ересь, прелесть, искус сумрачного князя. Но канули в Лету крестьянские века, и при нынешнем всеохватном зрелищном со-

блазне власть тьмы искусила и крестьян, и мужичьё впало в беспамятство.

Не говоря уж о нынешней воровской, и при былой народной, но безбожной власти озираться на дальних предков почиталось за тяжкий грех, всё одно, что свершить крестное знамение и сотворить Иисусову молитву, поскольку за братоубийственной сечью якобы простиралась в темь веков лишь народная дурость да рабство во мгле религиозного мракобесия. А посему «дети Солнца», «дети орлиного племени» безоглядно, восторженно и безумно пучили зенки в «светлое» будущее земного рая в Отечестве, ради коего гибли русичи на фронтах гражданской, страдали в нуже и стуже, от хлада и глада, рвали пуп и ломали хребет на пятилетних стройках. «Раньше думай о Родине, а потом о себе…» О Родине… Ради красного словца говорено большевиками; нет, думай о социализме, а «потом о себе». Супостаты говаривали, насмешливо косясь на русских: «Хорошо бы проверить идеи социализма на народе, который не жалко». Оказалось, миру не жалко лишь русских; проверили идею — лишь милостью Божией народ одыбал.

Мало того, созидатели земного рая, блажили: «дети орлиного племени» — туго затянув пояс на тощем брюхе, дабы штаны не упали с костлявого зада, сверкая заплатами на ветхом рубище, — разнесут в клочья буржуев мира, утеснителей рабочих и крестьян, даруя сытую справедливость простолюдью всей вселенной. Недаром, буржуи рисовали российского мужика без штанов, а под мышкой — ракета. Советскую власть одолевала величайшая в мире, мессианская идея справедливого земного бытия, почти евангельского жития на земле. Но без Бога, без Христа! Отчего идея земного «рая» рухнула в России, прогнив венцами… рыба тухнет с головы… ибо ни уголовными, ни нравственными законами не удержать Ивана — шального, бесконвойного — перед лихою радостью и сладостью грешного, земного бытия. Но бес даром не горбатится: добыча радостей земного бытия



Старая Россия (фото: www.oppps.ru)

так схлестывала лбами вчерашних братьев во Христе!.. кровавые искры летели; ибо и похоть неизбежно рождает воровское сребролюбие, бесовское честолюбие. И хотя плоть молода, летит обугленная душа в бездну, где огнь неугасимый, червь неусыпный, скрежет зубов неумолчный. Летит душа без удержу… Не удержать душу мудростью века сего и законами от человеков, но — лишь Законом Божиим; лишь любовь к Богу и ближнему Христа ради может удержать грешника от незамолимого греха — хулы на Духа Свята ради служения сатане.

Увы, увы, ничто не ново в подлунном мире. Царствующей родове Романовых, придворной знати да и русской национальной элите после правления царя Ивана Грозного кружила голову, пьянила душу восторгом идея русскими силами — на русских костях, политых русской кровушкой, — оборонить славянство и православное христианство от поганых басурман.

Даже в русском религиозном расколе, породившем «староверных» раскольников, исконным мотивом вздыбилась, опять же, мессианская идея патриарха Никона и царя Алексея Михайловича: «Москва — Третий Рим, а четвёртому не быти» или «Москва — второй Иерусалим, а третьему не быти», и ***русский царь — император Российско-византийской империи, а патриарх — папа всех православных христиан***. И, очевидно, не великого честолюбия ради собинные братья Алексей Михайлович и Никон вдохновились сей идеей, но для возвеличивания Святой Руси, для спасения Восточного Православия от безбожных агарян, а братьев-славян — от османского ига. *(Сии помышления стали созвучны взглядам славянофилов аксаковско-хомяковского толка, и особо — воззрениям Федора Достоевского, славянофила почвеннического толка; но Федор Михайлович оглашал идею не политико-экономического, военного, но — **лишь духовного** единения славянских народов под **духовным** руководством богоносного русского народа.)* Но, увы, мессианские идеи патриарха Никона и царя Алексея Тишайшего, справедливо затеявших

И.А. Владимиров. Погром в Зимнем дворце (из альбома «Зарисовки с натуры». 1917 г.)

справу богослужебных книг и церковных обрядов, выравнивая их с византийскими, обернулись церковным расколом, приотворили Европе русские ворота (царем Иоанном Грозным глухо запертые), а Петр I и вовсе настежь распахнул ворота в Европу, и хлынула в Русскую землю западная «книжная» бесовщина, явила в правящей элите тьму Иванов, не помнящих родства. Историк Василий Осипович Ключевский писал о православном расколе: «В XVI веке в русском обществе сложился… взгляд на объединительницу Русской Земли Москву, как на центр и оплот всего православия. Теперь было совсем не то. <…> На место падающей веры в родную старину и в силы народные является уныние, недоверие к своим силам, которое ***широко растворяет двери иноземному влиянию*** *(выделено мною. — А.Б.)*»[1].

А родовая память, а с ней и русская национальная… нет худа без добра… оборонительно всплеснулась в Первую мировую войну[2], — как и во время войны с французами, — когда даже салонную дворянскую поэзию потеснили киевские былины, воспевающие деяния святорусских богатырей, когда вновь в Русском Небе засияли лики святых воителей Димитрия Донского и Александра Невского. Но, несмотря на сопротивление черносотенцев, родовая память вскоре захлебнулась кровью братоубийственной брани, а потом, страха ради иудейского, сгинула в воинственном космополитизме правящего ленинизма и троцкизма; и ожила лишь при сталинском прижиме, — память, как и веру православную, хворо дремлющую, чуть живую, пробудила священная война, когда русские, умирая с именем Христа в гаснущем сознании, а сражаясь с именем Сталина на пламенных устах, обороняли не «отца народов»[3], но — *род*, *род*ной на*род*… *Род*ину, вспомнив ее христолюбивую душу, повеличенную Святой Русью. Вот так же и сын крестьянский, казачий атаман, смиренный инок, преподобный Илия Муромец, чьи святые мощи упокоены в Антониевой пещере Киево-Печерской обители, оборонял от

Донецк. Первые колхозники. 1931 г. (фото: www.fundholodomors.org.ua)

хазарских нахвальщиков не князя Владимира, но свой род, свой родной русский народ, свою землю святорусскую.

Я за веру стоял да Христовую,
Я за церкви стоял да за соборные…
Я за землю стоял святорусскую,
Да за бедных вдов, за сирот малых…

Одолев, хотя и не вырезав, русофобскую ветвь во власти — наследство Ленина и Троцкого, кормчий Сталин воспринял державный дух помазанника Божия Ивана Грозного, что посёк богатырским мечом нехристей, алчно взирающих на души русские, и огнём выжег новгородскую ересь жидовствующих, чем навлек жидовский гнев на все иудейские века. Жестокой, но праведной дланью покарал предателей; собрал из боярских и княжеских уделов Царство Русское, чего ради палаческим топором навек усмирил худобожиих, честолюбивых и сребролюбивых бояр и князей, рвущих Святую Русь на уделы, реками льющих народную кровь. Паны дерутся, у холопов чубы трещат…

Оглянулся «отец народов» на державного царя Ивана Грозного, спасшего землю Русскую от междоусобного разора; и, очнувшись от комиссарского безродства, земно поклонился народу русскому, пораженный его святой великотерпимостью, некорыстной, жертвенной любовью к Родине и роду своему.

Лишь из любви к роду-племени, к родной земле и рождается любовь к Великой Родине России. Василий Жуковский изрек в сокровенном слове: «Здесь наша память о жизни праотцев, наша народная внутренняя жизнь, наша вера, наш язык, всё, что собственно наше русское, что нигде, кроме Русской Земли не встретится, чего никто, кроме русского человека, и понять не может».

При либерально-демонократическом хаосе и властном окаянстве, когда холопы князя тьмы ухитили российскую власть, продали мировой сатанократии Русь прошлую и Русь ны-

После боя. 1941–1945 гг. (фото: newyorker.com)

Памятник И. Галкину — казаку-первопроходцу, основателю г. Усть-Кут

нешнюю, когда вместо трудяги наверх всплыла ядовитая пена жулья и попёрла наш колхоз, кто за гриву, кто за хвост, — родовую память вновь оглушили прелюбодейные вопли с Лысой горы, где пируют супостаты после варначьих набегов на землю Русскую.

Ветлужский князь
Никита Байбородин

Яко скомороси, смешны мужики, что кичатся боярскими кровями, но опаснее для русского народа лицедеи, ряженные под казаков, купцов и дворян, и даже под православных батюшек, что особо опасно, ибо священству вверено спасение мирян для жизни будущего века. Ряженые — ведают обряд, имеют наряд, да не имеют духа русского, освященного любовию к Вышнему и ближнему. О фарисеях — суть ряженых, — рече Господь: «…Дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: «учитель! учитель!» *(Мф. 23:5–7).* Ряженые, словно посланцы ада, для того и явились на Руси, чтобы опорочить, скоморошески осмеять, втоптать в грязь высокую и спасительную для России идею православно-самодержавного, сословного возрождения Русского Отечества.

Помянем казачество, кое, Бог даст, возродится в былой силе и крепости, избрав службу государеву согласно времени, ибо знаю немало славных казаков, готовых жизнь положить за православное Отечество. Но жили-были средь российских народов некие деды и отцы, что люто ненавидели казаков — оплот черносотенного царизма, бегали от казаков, яко бес от ладана, даже во сне слышали зловещий свист казачьих нагаек, и ненависть к разгульному казачеству некие деды и отцы завещали сынам и внукам. И вдруг сыны и внуки, опустив запорожские усы, напялив на рыхлые ляжки галифе с казачьими лампасами, нацепив есаульские погоны и кресты, возопили на казачьих кругах «Любо, батька!..», а затем, пьяные в дым, загорланили пропитыми, прокуренными голосами и непременно с блатной, тюремной хрипотцой и надсадой; так хрипит «есаул хазарского каза-

чьего войска», сверкая голым теменем, бренча на гитаре: «Только шашка казаку во степи подруга!..» Ох, велик искус засветиться на весь мир в «голубом ящике», и казачий хор вторит лицедею: «Только шашка казаку в степи жена…» Ряженые «казаки», опять же, для того и всплыли из перестроечной мути, чтобы опорочить славное русское казачество и саму идею возрождения воинского сословия, многажды спасавшего Россию от басурман, освоившего и оборонившего украинные южно-русские и сибирские земли. Рядились лицедеи под старообрядческих попов и архиереев, под православное священство, под казаков и столбовых дворян, но редко — под крестьян; неинтересно: грубость, темь, дичь, навоз, курная изба и беспросветная нищета…

Старая Россия. Конец XIX в. (фото: www.pulson.ru)

* * *

Словно царственный лиственъ, подточенный инославными и доморощенными короедами, со вселенским гулом рухнула великодержавная рабоче-крестьянская власть, и в российской «образованщине», намедни бранящей самодержавие, пенисто взыграла монархическая кровь; ошалело кинулись сыны рабочих и крестьян окапывать родовые и сословные дерева, жадно нашаривая в толще веков дворянские корни. И редкие уже, как при Советах, гордились крестьянскими, а уж тем паче — рабочими корнями.

Лишь народные писатели, подобные Распутину, Белову, Личутину, остались верны сельскому роду-племени, словно свыше было велено лелеять и оберегать в душе родовую память. Для того и явлены в русский мир, для того и отсулен дар сказовый, чтобы запечатлеть на века народную жизнь в ее мучительных раздумьях, неизреченных горестях, отчаянных падениях и величавых духовных и душевных взлетах. Посреди российского окаянства, словно оттепель в крещенскую стужу, — родовые хроники народных писателей, в коих не зарисовано подлинно и кропотливо фамильное древо, но с

сыновьей и отеческой любовью, песенно и живописно запечатлелась жизнь рода — суть, народа, — в святости и немочи, в радости и горе.

Но вокруг народных писателей — властвующее и воинствующее безродство и беспамятство, и глас писательский — глас вопиющего в пустыне, — не может пробиться к народу сквозь визг с Лысой горы, где веселятся ведьмы с ведьмаками, где правит балом сатана. Хотя даже суровые натуралисты, не ведающие национально-родовой гордости, не вздымающие к высокому русскому небу понурой головы, отяжеленной «безумной» дольней мудростью, и те многодумно глаголили: лишь дурак учится на своих ошибках, мудрый — на чужих, а чаще — на отцовских и дедовских. И для сего потребна память родовая. Народоведы Афанасьев и Буслаев, любовно и вдумчиво постигавшие русскую семью, настойчиво твердили: «Мудрость предков помогает избежать многих ошибок, так свойственных молодым… Отцовское проклятье иссушит, а материнское искоренит…»

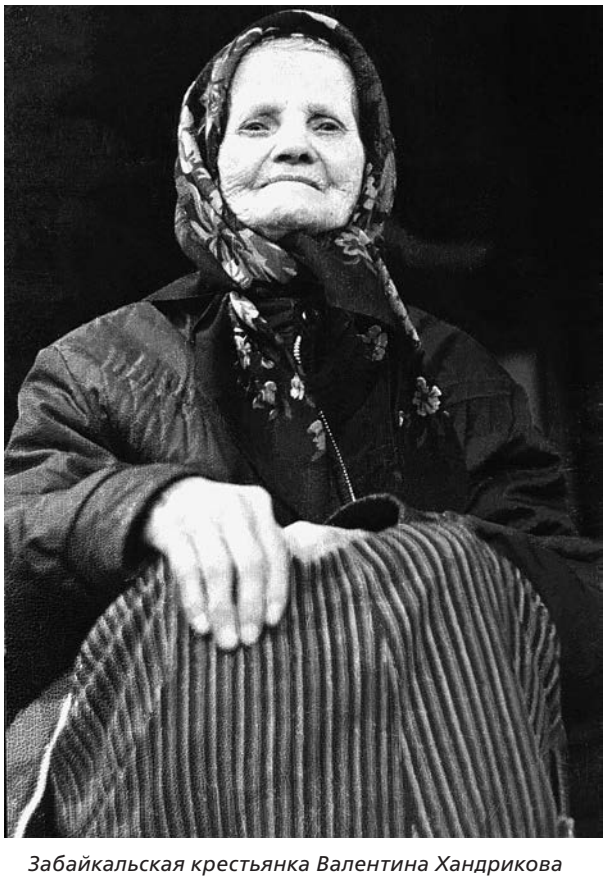
Без родовой мудрости земной и небесный путь потомков — в черной безлунной и беззвездной ночи широкая и гладкая дорога, ведущая «…во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» *(Мф. 8:12).* Жива и поучительна древняя легенда, бродячий сюжет которой, возможно, бытовал и в славянских племенах. Согласно легенде, степное скотоводческое племя, пережив великую засуху и мор, надумало кочевать в далекие, щедрые земли. Велел молодой вождь, жестокий варвар, обагрить жертвенной кровью дорожный посох, истребить стариков и старух, кои обуза в долгом и трудном кочевье. Так и поступили язычники, и тронулись в путь… Трижды городились поперек неведомого пути гибельные препятствия, и никто из молодых соплеменников не мог дать вождю спасительного совета, и лишь юный кочевник трижды выручал племя. И тогда вождь вопросил юношу: «Неужели ты мудрее всех в племени, хотя и молод летами?» Пал юноша в ноги вождю и покаялся, что не сгубил отца, и отче мудрыми

Старая Россия. Конец XIX в. (фото: www.pulson.ru)

советами трижды спас племя. Крепко задумался молодой вождь…

Но речено Иисусом Христом: «Аз послю к вам пророки и премудры и книжники: и вы иных убьете и распнете, и иных будете бить на сонмищах ваших, и изженете из града в град». *(Мф. 23:34).* Словом, нет пророка в родном отечестве, и вчерашние пастухи и скотники, забыв деревенскую родову, махнув рукой на мать и отца, отгордились крестьянскими корнями, и прямо из коровьих стаек и прелых сеновалов, с избяных завалинок полезли в белоперчаточное барское сословие.

Переживший романтизацию Красной Армии, на исходе двадцатого столетия налюбовался на белогвардейскую и дворянскую романтику; здоровался за ручку с новоявленным князем N., ярым дворянским монархистом. Лежат ли у того под сукном родовые княжеские бумаги, не вем, но, бывало, увижу князя, убеленного ранней, благородной сединой, церемонно, с чистопородным псом гуляющего по ангарской набережной, — увижу барина, и мужичьи ноги подгибаются, впору пасть на колени и возопить: «Ваше благородие, не велите казнить, велите слово молвить!..»



Забайкальская крестьянка Валентина Хандрикова (Андриевская) (фото А.Г. Байбородина)

Смеха ради говорено: предки мои по отеческому кореню, богатые скотоводы, скотогоны, справлявшие ямщину по бескрайнему Забайкалью, не отведавшие крепостного права, аще и кланялись рабы Божии, то лишь пред ликами Царя Небесного и Пречистой Его Матери, пред образами святых угодников и чудотворцев, страстотерпцев и преподобных, богоносных отцов наших. Кланялись святости да гнули выи, видя попа либо государева чиновника, а дворян, коих по Сибири мало водилось, могли и осадить сибирским словцом, ежели те кичились сословной породой.

Помню, в разгар фермерской суеты и маеты некий знакомец вдруг вспомнил, что он из крупнопоместных столбовых дворян, и купил за большие деньги… по слухам, наследственные, из-за бугра… землю под барскую усадьбу. И помню, я да приятель-писатель, тоже из крестьян, собравшись за дачным чаем, спорили с новоиспеченным помещиком о русских сословиях, понося дворян, лубочно вознося крестьян. «Помещик» хвалился: «Дворянство породило классическое искусство, науку, явило Отечеству великих полководцев и вельмож, а крестьянство — дурь и пьянство». Мы, «крестьяне», возопили, горестно всплескивая руками: мол, а двухтысячелетнее, необозримое и сверхгениальное поэтическое творчество крестьян, которому «классическое» в подметки не годится?! Спорили до драки… чудом не вспыхнула гражданская война… спорили до хрипоты, не внимая друг другу и не понимая, словно ревели на разных языках. И помнится, барин грозился: «Коль мы, дворяне, вновь ухватим российскую власть, то вашего брата, мужика, будем пороть нещадно, дабы не лез со свиным рылом в калашный ряд. Знай, сверчок, свой шесток. Три шкуры спустим. Иначе от вас, мужиков, добра не видать».

Развернулись мы с приятелем-писателем и хлопнули дверью.

А завершилась фермерская эпопея «столбового дворянина» катастрофой: прогорел

дотла «барин», и даже получил прозвище Катастрофа, но виновным, опять же, вышел нынешний хмельной и завистливый мужик, коего, увы, не удалось высечь.

А тут еще среди моих журналистских приятелей является и финский барон Павел Хемпетти, с которым в молодые лета изрядно попили мы крепкого чайку с хлебцем. Если Паша — барон, отчего и мне не прослыть князем?

Вот и я, деревенский катанок, выходец из забайкальских скотоводов и скотогонов, смеха ради потряс фамильное древо: вдруг свершится чудо, падет на голову сладкий плод, и я, смерд, угожу в бояре або графья.

Взнял библиотечную пыль до потолка и в словаре по ономастике академика Веселовского вызнал-таки, откуда есть и пошла и что значит фамилия **БАЙБОРОДИН**: «Байборода. Байбородины: Авсентий Байборода — 1406 год, Псков. Борис Байбородин, крестьянин, — 1624 год, Нижний Новгород. Байборить — болтать, пустословить. Байбора — болтун, пустомеля *(В.Даль).* Байбора — шаль, бесценок, дешевизна. Купить за байбору»[4].

Не шибко глянулось: у приятелей в древе графья да князья, а у меня только и родни — мужики одни, да к сему и пустомели… Словно крот, зарылся я глубже в родовую ниву и выкопал… Мой забайкальский земляк из староверов-семейских, доктор исторических наук Фирс Федосович Болонев прислал архивную выписку: *«Город ли Кидиш, что во дни стародавние от «погани рати» спасен был Ильей Муромцем, славный ли город Покидыш, куда ездил богатый Суровец-Суздалец гостить-пировать у ласково князя Михаилы Ефиментьевича, не отсюда ли ветлужский князь Никита Байбородин чинил набеги на земли московские, пробираясь лесами до Соли Галицкой…»*

Образцы народного рукоделия в экспозиции Русского музея. Санкт-Петербург (фото: www.rusmuseum.ru)

Ого!.. Выяснил: князь Никита Байбородин — князь не былинный, и записи о нем были в 1350–1373 годах. Почитал о варначьих набегах лихого предка, смутился, но и тут же почуял себя князем, ибо, как река вытекает из таежной бочажины, так и в истоке фамилии един род, пустивший бесчисленные, потерявшие родство ветви. Словом, азм есть князь, и моя корявая деревенская обличка обрела дворянскую стать

А. Е. Архипов. Девушка с кувшином. 1927 г.

и важность, осталось лишь завести псарню, бухарский халат, трубку с длинным чубуком, дуэльные пистолеты, а к пистолетам даму сердца — бледную графиню, чтобы стреляться с ее обветшавшим графином. Ох, «как упоительны в России вечера»: укутался в соболью доху и погнал извозчика в барский притон, где шампанское — пенистой рекой, где цыганы любодейно звенят на гитарах, где цыганки, сверкая адскими очами, сладострастно трясут плечами. Не жизнь — малина…

А тут еще нежданно-негаданно в архивных бумагах появляется и другой мой родич — опять же Никита Байбородин, но уже боярский сын, воевода Иркутский *(архив Академии наук СССР и ЦГИА СССР из фонда Герарда Фридриха Мюллера).* В архивах XVII–XVIII веков — «Списки Селенгинской и Нерчинской комиссий» — хранятся прошения и челобитные тунгусских (по иным историческим сведениям — даурских[5]) князей Гантимуровых, перешедших в русское подданство при царе Федоре Иоанновиче. Одна из челобитных как раз и обращена к иркутскому воеводе, сыну боярскому Никите Байбородину, чтобы его, Алексея Гантимурова, вместо умершего отца Лариона оставили в том ранге, в коем был отец. Тунгусский князь просит *«приверстать ево по Нерчинску в дворяне и привесть ево Гантимурова к присяге и учинить бы ему оклад денег 40 рублей, хлеба 40 четвертей, овса тоже, вина 20 ведер».* Боярским сыном Никитой Байбородиным *«1728 года марта 12 дня сын Гантимуров к присяге приведен в Иркутске и подушная запись взята».*

На боярских радостях, не ведая, что боярский сын суть холоп боярский, прикинул я хвост к носу: а не заглянуть ли к губернатору да и к владыке на чай, не испросить ли, согласно благородному роду, хлеба, овса и дюжину ведер вина, да и портфель… не парусиновый — кожаный, а к портфелю жалование, — чай, не серая кость, сын боярский, потомок воеводы Иркутского.

Впрочем, мелю, Емеля, потехи ради, поскольку нету на руках бумаг, где черным по белому, с гербовым клеймом намертво начертано: ветлужский князь Никита Байбородин и боярский сын Никита Байбородин мои пра-пра-пра-пра… а на нет и суда нет, без бумажки ты букашка, а уж тем паче, не князь и не боярский сын. Паши и перепахивай архивные залежи, а все одно: родова моя — по отеческой ветви Байбородины, по материнской Андриевские — к скорби, изведанная лишь до дедова колена, — воспетые мною в повестях и бывальщинах забайкальские мужики и бабы, коих и за сладкие калачи не променяю на дворян. Мой умудренный деревенский родич так молвил: «Оно и слава Богу, что не угодили в родову графья да князья: дворяны — смутьяны… Кичился по-французски дворянин, пока не дал ему по шее крестьянин…» «Вольнолюбивое» русское дворянство в XIX веке ослабло в православно-самодержавном духе, заразилось западно-европейским безбожием и либерализмом, засеяв в Русскую землю семя грядущей кровавой смуты. Но… за что боролись, на то и напоролись: в начале XX века дворяне, подобно шаткому духовенству, кровью смыли грехи перед родным народом и всяк перед своим родом.

Колхозник граф Толстой

Смешны и грешны те, кто кичится породистым, немужицким происхождением; а праведней бы скорбеть, что не уродился мужиком. Да, русские дворяне жили жизнью чуждой крестьянству, взращенному в православном домострое; дворянская жизнь казалась мужикам порочной, но избранные дворяне чтили крестьянство, и великие дворянские писатели Пушкин, Гоголь, Лесков, Толстой, Достоевский постигали и воспевали крестьянский мир, а граф Толстой и вовсе мечтал окрестьяниться. А посему и неслучайно, по мысли Ильича, «Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России», хотя и «смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества». Богохульник и богоборец, кровавый гений революции, едко издеваясь над толстовским богоискательством, нравственным учением «непротивления злу насилием» и «омужичивания» дворянства, похвалил лишь за ересь и хулу на Церковь Православную.

Максим Горький, навещавший Льва Николаевича в Ясной Поляне и натуралистично

запечатлевший встречи, писал: «Гуляли в Юсуповском парке. Он великолепно рассказывал о нравах московской аристократии. Большая русская баба работала на клумбе, согнувшись под прямым углом, обнажив слоновые ноги, потряхивая десятифунтовыми грудями. Он внимательно посмотрел на нее. «Вот такими кариатидами и поддерживалось всё это великолепие и сумасбродство. Не только работой мужиков и баб, не только оброком, а в чистом смысле кровью народа. Если бы дворянство время от времени не спаривалось с такими вот лошадями, оно уже давно бы вымерло. Так тратить силы, как тратила их молодежь моего времени, нельзя безнаказанно. Но, перебесившись, многие женились на дворовых девках и давали хороший приплод. Так что и тут спасала мужицкая сила. Она везде на месте. И нужно, чтобы всегда половина рода тратила свою силу на себя, а другая половина растворялась в густой деревенской крови и ее тоже немного растворяла. Это полезно».

Помнится, на исходе прошлого века в граде Иркутском полыхало осеннее «Сияние России», — традиционные Дни русской духовности и культуры; и по приглашению писателя Валентина Распутина в губернской столице гостил Владимир Толстой, прямой потомок великого писателя.

Когда мы беседовали с графом Толстым, мое бедное воображение… из мужиков же… явило убогую киношную картину родового поместья: в тени вековых дубов и вязов дом с мезонином, белыми колоннами и лепными амурами; у парадного крыльца стража — два беломраморных льва, а далее — цветочная оранжерея, где дворник подрезает розы, плетеная беседка, увитая плющом, таинственный пруд с горбатым мостиком и белыми цветами купавами на зеленоватой водной глади, и темные аллеи, присыпанные красным зернистым песком; а в доме — вечернее чаепитье, и камердинеры, наряженные пуще генералов, в париках и белых чулках, церемонно подают чай;

Лев Толстой в Ясной Поляне (фото: www.culture.ru)

бледная графиня музицирует, старый граф дремлет в креслах… За чайным столом, вообразилось, красуется и граф Владимир Ильич… В пору далекого иркутского гостевания, молодой, с не увядшим отроческим румянцем, Владимир Ильич Толстой, праправнук Льва Николаевича, имел явные признаки благородного происхождения, как живописали дворяне в сентиментальных романах; порода, кою не утаишь и под ветхим рубищем, светилась в тонких очертаниях рта, носа и ясного, высокого, с ранними залысинами лба, и даже в плавном и чётком московском говоре, в книжно выстроенной речи; но, перво-наперво, мягкое, мудро снисходительное, обходительное поведение с ближними, присущее истинно благородным натурам, из какого бы сословия они ни вышли.

Владимира Ильича пригласили для беседы школьники городской гимназии, а я сподобился сопровождать и представлять потомка великого писателя. По-черепашьи ползли мы на крохотном автобусишке по улице Большой (язык не поворачивается назвать — Карла Маркса); и я переживал: явятся ли школяры на творческую встречу?.. не разбегутся ли после школьного звонка? И неспроста, ибо случалось, приходили московские писатели в библиотеку, а там — шаром покати. Помнится, жарким летом позвали меня в пригородный дом отдыха для встречи с читателями; напоили столовским компотом и проводили в клуб, где должны собраться книгочеи, где, увы, в одиночестве посиживала лишь древняя старуха, вязала внукам овечьи варежки. Я поинтересовался: «Вы, бабушка, пришли послушать? Литературой увлекаетесь?..» «Да нет, сына, голову напекло на солнушке, в тенечку и забрела…» «Но, поди, на графа пойдут, — тешился я надеждой, — интересно же оглядеть Толстого, аристократа живого, а можно и потрогать». Опять же вспомнилось: читал сказку для ребят-дошколят, коих усмиряла детсадовская няня, и когда завершил чтение, полюбопытствовал: «Вопросы есть?..» и гляжу: малой нетерпеливо трясет ручонкой. Думаю, интере-

Владимир Толстой в Ясной Поляне (фото: www.ic.pics.livejournal.com)

суется. Дал слово, а парнишка: «Можно Вашу бороду потрогать?» «Потрогай…» — согласился я… на свою шею, вернее, бороду, поскольку стремительно взметнулся лес ручонок, все возжелали потрогать бороду, ибо сказка, кою я читал, звалась «Косопят — Борода до пят». В детском воображении слился я со сказочным Косопятом, и мне ничего не оставалось, как подставлять бороду. Ладно бы трогали, иные и дергали, и я уж стал переживать за бороду… Ну, умеете бороду драть, умейте и свою подставлять. Похлебав киселя, ребятня гомонящей толпой ринулась на прогулку; и я с лошадиным ржанием катал ребятишек на легоньких санях, а в отместку за бороду, круто поворачивал, сваливая в снег веселых седоков. Тем и завершилась моя писательская встреча с юными читателями.

А ныне мы с Владимиром Толстым ехали к старшеклассникам, которые, надеялся, не возжелают потеребить мою бороду. Автобусишко угодил в затор, и гость мог неспешно разглядывать каменные кружева дородных купеческих домов. И вдруг мы увидели толпу людей — долгий, витиеватый хвост очереди в краеведческий музей. Вначале я по советской обвычке, что ещё не выветрилась, подумал: дефицит выкинули. Даже байка на ум пришла… Мужичок на ярмарке видит длинную очередь, спрашивает крайнюю бабёнку: «Милая, кого дают?» «Да, говорят, немецкий гарнитур…» Выстоял мужичок очередь, а когда пробился к прилавку, продавец пояснил: «Какой немецкий?! Ненецкий гарнитур…», и подает две палки с инструкцией, где черным по белому: «Ежели вас в тундре прижала нужда, одну палку втыкайте в землю и держитесь за неё, чтобы ветром не сдуло, а другой палкой собак отгоняйте…»

Потом вспомнил: отныне очередей в помине нет, прилавки гнутся и ломятся от наедков-напитков: народ о ту пору, — голодный, холодный, властвующим жульем ограбленный, разутый и раздетый донага, — ходит в магазин, словно в музей, абы не забыть, чем пахнет ветчина.

Наконец, мы разобрались, куда ломится толпа, куда несёт жалкие гроши: подле двери красовалась приманчивая афиша, гласящая, вопящая, кричащая!.. что в музее ныне выставка заспиртованных уродцев, кои либо неживыми явились на белый свет, либо их по рождению послали на тот свет.

Позже высоколобые мужи растолмачили мне, бестолочу, пользу выставки: созерцание заспиртованных уродцев должно благотворно влиять на психику подрастающего поколения: после лицезрения уродцев, зачатых в табачном дыму, в пьяном хмелю, в наркотическом угаре, молодежь перестанет пить, курить и употреблять наркотики. Традиция подобных выставок восходит к петровской Кунсткамере, хотя изначально в России кунсткамера *(нем. Kunstkammer — кабинет редкостей. — А.Б.)* — музей исторических, художественных, естественно-научных редкостей, а позже — коллекция уродств. Сердце российской Кунсткамеры, созданной Петром Первым в 1719–1725 годах, — Анатомический театр, где хранятся экспонаты с аномалиями.

Мудрецы увидели в кунсткамерах пользу для отроков и отроковниц: ужаснувшись, станут жить благочестиво; но даже мутные и лукавые психологи сомневаются в пользе: кунсткамера может травмировать психику подростка, юноши и юницы. А приятель-писатель сурово рассудил: посещение выставок, где явлены заспиртованные уродцы, сходно посещению старокатолических позорищ[6], когда толпы людей лицезрели смертную казнь; страх и сладострастная тяга к подобным зрелищам родственна саморазрушению, стремлению к смерти.

…Тем временем автобус, на котором я сопровождал Владимира Толстого, наконец, миновал людскую очередь, что ломилась на выставку уродцев; вообразив их, я невольно перекрестился, словно заглянул в преисподнюю, где царит князь погибели. Не ведаю, о чем думал граф Толстой, но в лице, почудилось, мелькнула тень барской брезгливости: чернь… Но чернь не сословная — чернь духовная: в городе — Дни русской духовности и культуры «Сияние России», а горожане бьются и давятся в очереди, дабы глянуть на заспиртованных уродцев, и, в семейной жизни считающие жалкую копейку, нередко перебиваясь хлебом и холодцом, волокут последние гроши, словно жертвоприношение на алтарь князя смерти…

После встречи — а желающих слушать и зреть живого графа Толстого возжелала вся школа — сподобился я толковать с Владимиром Ильичом о родовой памяти, сословной породе и дворянской спеси; а беседа, увы, началась с уродов и родовой породы…

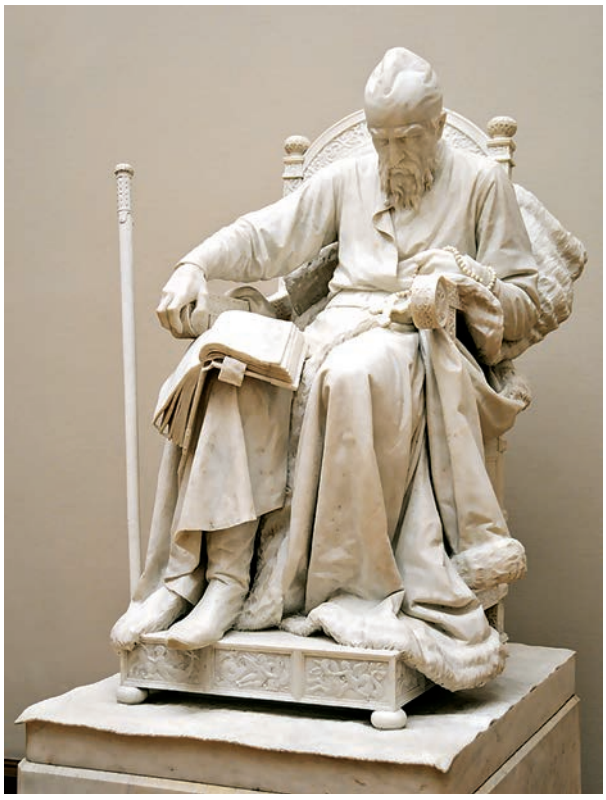
— Владимир Ильич, жалко их, родных земляков, да и по глаголам Божиим: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете». Простим земляков; сами в грехах, как в шелках. А поговорим о сословно-родовых корнях… Иной в душе чернь, вчерашний лакей по духу, а ныне целит в столбовые дворяне… А вот, скажем, Ваш знаменитый предок Лев Николаевич Толстой, судя по дневникам и письмам, тяготился графским происхождением, барским положением, когда на барина пашут в поте лица крестьяне. Тяготясь барством, в коем писатель видел иждивенчество, Лев Николаевич призывал к аскетизму, опрощению, омужичиванию и своеручно пахал землю, сеял хлебушек, учил деревенских ребят. Словом, графским происхождением сроду не кичился. В отличие, скажем, от Ивана Бунина, обнищавшего дворянина, смахивающего на разночинца, что носился с благородным происхождением, яко с писаной торбой. Думаю, и Вы, Владимир Ильич, не кичитесь графским происхождением?

— Какая может быть кичливость, — отмахнулся Владимир Ильич, — если я родился и вырос в рабоче-крестьянском государстве, если я жил романтическими идеалами той эпохи, пел на пионерских сборах: «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети рабочих…»?! И комсомол не миновал, и даже сотрудничал с комсомольским изданием в качестве журналиста. Но, не скрою, про себя всё же горжусь старинным графским родом. В конце концов, породистая собака, скажем, гончая чистых кровей, она всегда гончая. И ценность ее благородной породы не в том лишь, что она гончая чистокровная, а в том, что в силу этого она, гончая, прекрасная охотничья собака. А посему истинный русский дворянин — это не просто порода, это не завсегдатай дворянских собраний и помещичьих балов, не содержатель псарни и зачинщик шумных и хмельных псовых

Владимир Толстой на Литературных вечерах в Иркутске. 2008 г. (фото: www.dramteatr.ru)

охот, это не скучающий модный денди, убегающий от скуки за границу, нет, истинный русский дворянин — это, перво-наперво, добрый и мудрый посредник меж государевой властью и простолюдином, как раз и отстаивающий интересы своих крестьян перед государевой властью, перед чиновниками. За это крестьяне его и содержали. Так в идеале задумывалось дворянское сословие.

Соглашаясь с графом Толстым о сословном замысле средневековой русской монархии, для подтверждения привожу мысль, вычитанную у митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева): «Русское сословное деление, например, имело в своем основании мысль об особенном служении каждого сословия. Сословные обязанности мыслились как религиозные, а сами сословия — как разные формы общего для всех христианского дела: спасения души. И царь Иоанн IV все силы отдал тому, чтобы «настроить» этот сословный организм Руси, как настраивают музыкальный инструмент, по камертону православного вероучения. Орудием, послужившим для этой нелегкой работы, стала опричнина». Из опричнины и рождалось служивое дворянство…



М. Антокольский. Иван Грозный. Третьяковская галерея (фото А. Лукьянова)

— Крепкие, ещё не развращенные дворяне, — продолжал Владимир Ильич, — похожие на описанных Львом Толстым Болконских, Пьера Безухова, Наташи Ростовой, глубоко русские по духу люди, в какой-то мере даже и романтики, почитающие за честь сложить голову за веру, царя и Отечество, любящие родной народ, мечтающие ему послужить. А коль были глубоко образованны, то и несли народу просвещение…

Отвлекаясь от монолога Владимира Ильича, вспомнил о демонизации дворянства в советской историографии и художественной литературе, что, возможно, отразилось и на моем разумении, хотя, ныне понимаю, светлые сыны дворянского сословия с отрочества мечтали о великом и жертвенном служении родному русскому народу. Свидетельством тому запись Льва Толстого в юношеском дневнике: «…Если пройдет три дня, во время которых я ничего не сделаю для пользы людей, я убью себя…» Но прежде чем содеять нечто полезное для людей, нужно знать, что именно полезно для людей, что вредно, человекоугодно, а не богоугодно, но сам порыв молодого графа прекрасен. И всю грядущую творческую жизнь Лев Николаевич и посвятил служению народу, преклоняясь перед простолюдьем, кое о ту пору имело крестьянское сословное происхождение, и ярко, с сыновьей любовию, восхищенно и сострадательно воспевая простолюдье в художественных произведениях.

Лишь на творческом закате писатель отходит от народно-православного миропонимания, ибо, увы, у великих — великие заблуждения. Исполинское книжное знание, глубинное постижение мировых мистических учений и дольней (земной) мудрости, что безумие для мудрости горней (божественной), смутили в душе по-детски ясный, светлый христианский дух, породили сомнения в истинности Святого Писания и Священного Предания, породили крайне неприязненное, даже брезгливое отношение к Русской Православной Церкви, что выразилось в нашумевших статьях. По суждениям снисходительного и незлопамятно-

го духовенства, великий гений разбился о скалу великой гордыни; а Василий Розанов, отмечая высочайший христианский дух художественных произведений Толстого, скорбел: де, напрасно Лев Николаевич из художников сломя голову кинулся в проповедники, в нравственные учителя. Впрочем, в толстовском обличении духовенства таилась и доля правды: грехопадение русского народа, в том числе и духовенства, породившего еретическое обновленчество, оказалось столь велико, что породило братоубийство — кару Господню. Писал же Иван Ильин: ***«Революция — есть духовная, а может быть, и прямо душевная болезнь»***. Но о неприязненных отношениях Толстого и русского духовенства подробно в ином очерке; а ныне я вопрошаю Владимира Ильича:

— И как Вы и все ныне здравствующие Толстые к тому относитесь, что Ваш великий предок и по сей день отлучен от Церкви?

— Мы все молимся за него, за спасение его души. Вероятно, в последние дни своей жизни он и шел в Оптину пустынь к старцам для покаяния. Господь ему простит…

— Конечно, вам, близким его родичам, нелегко об этом говорить… Вообще, писатели той поры очень своеобразно относились к Толстому, в том числе и сословно, — и своим отношением чаще всего выражали не столь взгляды Льва Николаевича, сколь дух свой. Достоевский, признавая писательский гений Толстого, не воспринимал его «духовного учительства», Горький — талантливый певец бичей, романтических бродяг и путаных разночинцев — в очерке о Толстом с едкой иронией развенчивал нравственное учение писателя: после моральных назиданий, поучений, гуляя в саду, старец, якобы, засмотрелся на дворовую бабу, подоткнувшую подол; Есенин, женившись на Толстой, постоянно угнетался культом седовласого мудреца, царящим в доме; Иван Бунин, порой заносчивый и ворчливый, брезгливо относился к романам Достоевского, хотя и ценил описания слякотного Петербурга, а по поводу творчества Толстого, коего горячо любил, скорбел: де, если бы он переписал «Анну Каренину», то роман бы вышел живее, талантливее в художественном смысле. Бунина величают блестящим стилистом, хотя, на мой взгляд, его превосходили Гоголь, Лесков, Платонов, Шмелев, Шолохов, Куприн, дивно владевшие не токмо художественным образом, но и сословными, разговорными стилями. Впрочем, сие лишь мое суждение…

Мы еще говорили с графом Толстым про то, как сложилась судьба детей, внуков и правнуков Льва Николаевича. Владимир Ильич поведал…

— Я родился в подмосковном селе Троицком, куда приехал из эмиграции мой дед, тоже Владимир Ильич. И работал он там в колхозе…

— …в качестве агронома?

— …в качестве колхозника…

— Да-а… потешно звучит: колхозник граф Толстой…

— Главным агрономом мой дед Владимир Ильич работал в Югославии, будучи эмигрантом. Там он возглавлял сельскохозяйственную общину. А уж вернувшись в Россию, так до конца жизни и отработал в колхозе… Но был знаменит тем, что заложил фруктовый сад; на нескольких гектарах земли цвели и плодоносили яблони, вишни, сливы. Прекрасный сад, который после смерти деда зачем-то вырубили. Это одно из самых мрачных впечатлений моего детства, когда яблони и груши корчевали. Дело случилось по весне, когда деревья пышно цвели. Пришли люди — воистину, чернь, — пригнали трактора с крючьями, и деревья выдергивали с корнями, потом свозили в кучу. Это было тяжелое душевное потрясение, и хотя прошло уже много лет, а душа и по сей день ноет. Землю распахали и посадили там кормовую брюкву, а потом и вовсе бросили поле, и оно заросло бурьяном. А сейчас там выросли многоэтажные коттеджи, где поселились нынешние толстосумы. Новое сословие, а как уж его повеличать, не ведаю… Такие коттеджи отгрохали, какие не снились даже членам Политбюро и дворянам, кроме великосветских и придворных.

За что боролись, на то и напоролись

Может быть, после беседы с графом Толстым и забылись бы скорбные мысли о трагических отношениях русской аристократии и русского простолюдья, но в писательской среде

разгорелись споры о роли дворян и крестьян в истории России, и я резко высказался против дворянства, защищая родное крестьянство, за что чуть по шее не схлопотал.

О сословных достоинствах и бедах основательно толковал я в очерке «Русский обычай» и в повествовании о крестьянском поэте Сергее Есенине, а ныне лишь помяну о сем.

Для русских крестьян, коих по переписям накануне революционной смуты было восемьдесят процентов от населения России, дворяне — неруси и нехристи. Впрочем, еще Александр Грибоедов покаянно писал: «Каким черным волшебством сделались мы *(русские дворяне. — А.Б.)* чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше собратство, становятся выше нас, делаются нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он конечно бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами».

Русские дворяне, порой рука об руку с разночинцами, равно послужили и величию России, и сокрушению России. Великие заслуги дворянства запечатлены в многотомных сочинениях по истории государства Российского, но лишь тенью проплыли по сочинениям упоминания о русском крестьянстве. Если крестьяне, яко чада малые, были духом и совестью нации, то дворяне заразились западной бесовщиной и талантливо воспели бесовщину в «классическом» искусстве. Именно дворянское искусство небесное понятие Любви — имя Божия, — где подразумевалась любовь к Вышнему и ближнему, опустило наземь, до чувственно-романтических отношений между мужчиной и женщиной, — отношений, попирающих народно-православный домострой. Вспомним, слащаво-роковые романсы.

Орловская губерния. Начало XX в. (фото: www.pulson.ru)

Владимир Даль, всю творческую жизнь положивший на величавый алтарь народной речи, писал о дворянах: «Поспешная переимчивость чужих нравов и обычаев, а с тем вместе неминуемое глубокое презрение своего родного быта, всегда влечет за собой растление нравов, или, что одно и то же, — безнравственность». А посему всё разрушительное — вольтерианское вольнодумство, ницшианское богоотступничество, нигилизм, апатия, когда *бес*а тешили, *бес*ились от жира и безделья, — всё от дворянства, офранцуженного и обезбоженного. Неслучайно Гоголь в исповедальной повести «Выбранные места из переписки с друзьями» так страшился книжной грамотности для народа; Гоголь справедливо полагал, что вместе с *прелестными* светскими книжками народ заразится пороками, коими уже было смертельно ранено дворянство и разночинство. Дворяне-западники, получая книжное образование по западным образцам, отдалялись от русского народно-православного духа. Недаром Пушкин, потомственный дворянин, получивший блестящее образование в Царскосельском лицее, рассаднике богохульства, но однажды вспомнивший няню, крестьянку Арину Родионовну, возлюбивший всё русское народное, с болью обличал «просвещенных» дворян: «Ты просвещением свой разум осветил, // Ты правды лик увидел, // И нежно чуждые народы возлюбил, // И мудро свой возненавидел…»

Вот лицо дворянства, возненавидевшего родной народ…

И. А. Владимиров. Крестьяне растаскивают имущество из барских поместий. 1917 г.

Александр Сергеевич — вольно ли, невольно — стал основоположником русского славянофильства, о чем великолепно писал Достоевский в очерке «Пушкин». А уж потом дворяне-славянофилы лишь тем и занимались, что обличали и осмеивали свое «благородное» сословие и славили мужика. А уж Достоевский в «Братьях Карамазовых» и в «Бесах» доказал, что именно дворяне, порченные западным просвещением, искушенные западными «свободами», переходящими во вседозволенность,

Деревня Кузнецово Семеновского уезда. Фото М. П. Дмитриева. Из серии «В заволжских скитах». Конец XIX — начало XX в. (фото: www.myrodom.dreamwidth.org)

именно дворяне весь прошлый век расшатывали российскую православно-самодержавную государственность, воспевали «свободу», от которой первыми, как предвидел Достоевский, и пострадали. Демон революции пожирает своих чад.

Ради угодных Западу либеральных «свобод» предавшие и царя, помазанника Божия, и православно-самодержавное устроение России, дворяне за что боролись, на то и напоролись. В русской трагедии прошлого века — революция, гражданская война, — увы, повинна и аристократия, изрядно замасоненная, явившая декабристов, разрушителей православия и самодержавия, породившая либералов и демократов некрасовско-тургеневского толка, от коих рукой подать и до свирепых революционеров-бомбистов.

Спохватились дворяне, в ужасе узрев, что революционное движение, а потом и российскую власть ловко ухитило жидовство, развернули Белое движение, но было поздно: простолюдье не пошло за либеральным дворянством, ради «западных конституционных свобод» предавшим царя-батюшку, помазанного Богом на русский престол. Обрадели большевики и вскоре загнали крестьян в государственное рабство, перед коим смеркло крепостное ярмо.

Крестьяне, а потом духовенство и, пожалуй, купечество, вышедшее из крестьянского домостроя, яко чада малые, стали жертвой кровавой революции и гражданской войны; крестьяне бунт не породили, их в кровавое братоубийство втянули, их искусили бунтарским духом, прости им Господи; сами же разрушительные учения вышли из просвещенной среды. Если красные ненавидели монархизм, а заодно и Православие, если белые, прогнувшись перед конституционно-буржуазной Западной Европой, боялись прослыть монархистами, то лишь крестьяне жили с Богом и царем в голове, на кою и обрушилась революционная дубина.

Самодержавие, разумеется, самая приемлемая для русского народа форма правления; но для самодержавия необходимы условия: 1) царь-самодержец, как помазанник Божий, не столь политический правитель, сколь посредник между Богом и народом; 2) духовно-нравственное подчинение государства Церкви; 3) и, как следствие религиозного подчинения, — воцерковление народа. Пока народ не воцерковлен, преступно и болтать о реставрации монархии; вне Церкви может быть лишь кровавая, диктаторская власть.

Могут возродиться и сословия, и если речь коснется «высшего» и «низшего» сословий, то высшим должно бы именоваться и пониматься простолюдье, а служивое государево дворянство, как низшее, нанятое простолюдьем за достойное жалование, честно служивать простолюдью в государственных делах.

«Не позазрите просторечию нашему...»

Мужик, что уж греха таить, страдал от социального неравенства, чуял, что для бар-дворян он, дерёвня тёмная, недоумок, рабочая скотина, чёрная кость. И крестьяне, в свою очередь, недолюбливали дворян... заодно, интеллигенцию... которые, по-мужичьему разумению, задурили от праздности, погрязли, не каясь, в грехах и пороках, сами свихнулись от книжного учения и безбожия и народ пошли булгачить. ***«Сущность катастрофы духовна. Это есть кризис русской религиозности»,*** — сказал Иван Ильин. И мнение крестьян о «просвещенном» обществе совпало с мнением святых отцов Русской Православной Церкви. Вспомним суровые словеса святого праведного Иоанна Кронштадтского, кстати, сурово обличавшего ересь толстовскую: «Не стало у интеллигенции любви к Родине, и она готова продать ее инородцам, как Иуда предал Христа злым книжникам и фарисеям, уже не говорю о том, что не стало у нее веры в Церковь, возродившей нас для Бога и небесного отечества; нравов христианских нет, всюду безнравственность. <...> По причине безбожия и нечестия многих русских, так называемых интеллигентов, сбившихся с пути, отпадших от веры и поносящих ее всячески, поправших все заповеди Евангелия и допускающих в жизни своей всякий разврат, — русское царство есть не Господне царство, а широкое и раздольное царство сатаны, глубоко проникшее в умы и сердца русских ложно ученых и недоучек и всех, широко живущих по влечению своих страстей и по ложным,

превратным понятиям своего забастовавшего ума, презирающего Разум Божий и откровенное Слово Божие. <…> Если в России так пойдут дела, и безбожники и анархисты — безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония. <…> Держись же, Россия, твердо Веры своей и Церкви, если хочешь быть непоколебимой людьми неверия и безначалия, и не хочешь лишиться царства православного. А если отпадёшь от своей веры, как уже отпали от неё многие интеллигенции, — то не будешь уже Россией или Русью святой, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга».

Народное — суть крестьянское — искусство, коему двадцать столетий, кое, словно Вселенная, необозримо и сверхгениально, душевно и духовно вечно противостояло дворянскому искусству. Если в дворянском обезбоженном искусстве случались таланты и от демона, а нередко — мировоззренческая смута, «безумная» мудрость земная, то устное народное искусство, выраженное в былинах, поэмах-плачах, мифах, преданиях, песнях, после Крещения Руси освобождаясь от язычества и суеверий, — в любви и сострадании к брату, сестре во Христе нередко восходило к поучениям святых отцов. Впрочем, по слову родны народной поэзии и сами поучения иных русских боголюбцев и православных старцев, коль те, подобно апостолу Петру, вышли из простолюдья, и не горазды были в письменной грамоте, а посему и не писали, а рекли поучения народным, свято благолепным, образно украсным, пословично-поговорочным слогом. Записанные грамотеями, книгочеями поучения составили тома средневековой литературы, коя над классической дворянской, что небо над землей, ибо освящена божественной мудростью.

Ипатьевский список «Повести временных лет». Первая половина XV в. (фрагмент)

Аристократы и простой народ жили в непримиримом духовно-культурном, социаль-

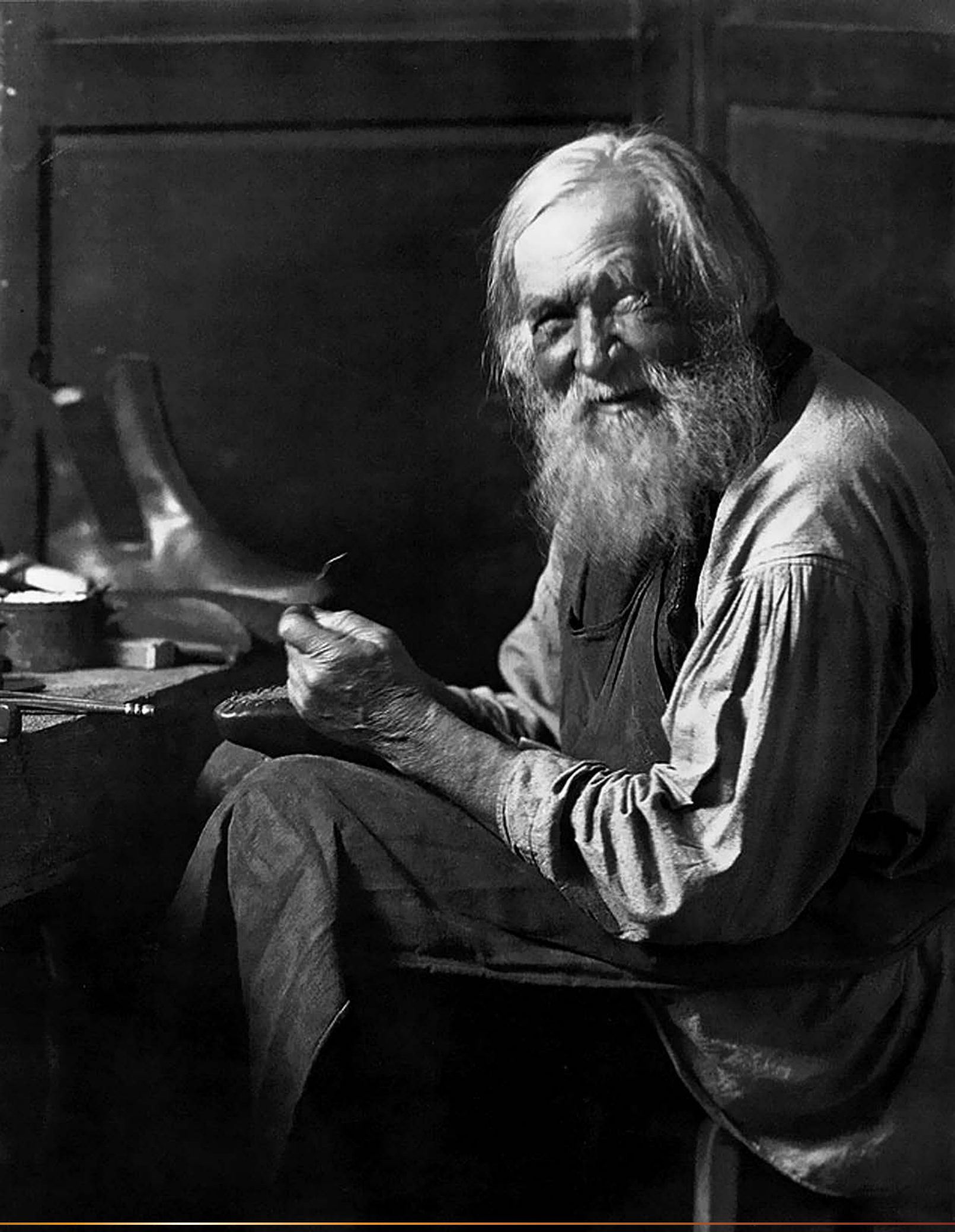
ном и даже психологическом противостоянии, во взаимном неприятии; ***аристократы обитали во внешней воле и внутреннем духовном рабстве у демонов,*** крестьяне — ***во внешнем рабстве и внутренней духовной воле,*** живя по евангельским заповедям в смиренном труде, в терпении, любви и мольбе. Эти два сословия и говорили на разных языках — простонародье на великом и могучем, аристократия — на французском либо на выхолощенном домертва, русскоязычном наречии. Это сословное расхождение, выраженное, в том числе и в языке, предвидел Достоевский, — поэзией и судьбой ярко выразил непримиримое противостояние двух сословий. Хотя Есенин, натура предельно противоречивая, изображая из себя аристократа, щеголял в английских костюмах, в то же время по-мужичьи глухо презирал аристократов. Всеволод Рождественский пишет о том, как однажды крестьянские поэты Клюев и Есенин были приглашены в дом графини Клейнмихель, «представительницы одного из крайних монархических течений»: *«В великолепном особняке на Сергиевской собралось общество, близкое к*

С.Д. Милорадович. Путешествие Аввакума по Сибири. 1898 г.

яро порицал еще в средневековье неистовый раскольник протопоп Аввакум: ***«Не позазрите просторечию нашему, люблю свой русский природный язык, виршами философскими не обык речи красить. Небрегу о красноречии, не уничижаю своего языка русского... Ох, ох, бедная Русь! Чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев».***

Есенин — по духу вечный крестьянин, поэт-«деревенщик», которого пророчески *придворным кругам. За парадным ужином, под гул разговоров, звон посуды и лязг ножей, Есенин читал свои стихи и чувствовал себя в положении ярмарочного фигляра, которого едва удостаивают высокомерным любопытством. Он сдерживал закипавшую в нём злость и проклинал себя за то, что согласился сопутствовать Клюеву».*

А будучи санитаром в госпитале Царского Села, Есенин имел честь читать патриотические стихи царице и царевнам, о чем, опять же, по-



Старая Россия. Сапожник. 1903–1905 гг. (фото: www.fresher.ru)

минал с сословной неприязнью: *«Я читаю, а они вздыхают: «Ах, это все о народе, о великом нашем мученике-страдальце…» И платочек из сумочки вынимают. Такое меня зло взяло. Думаю, — что вы в этом народе понимаете?»*

Иногда мужичья спесь, сословная неприязнь Есенина к аристократии обретала утробную злобу: «Посмотрим — // Кто кого возьмет! // И вот в стихах моих // Забила // В салонный, выхолощенный // Сброд // Мочой рязанская кобыла. // Не нравится? // Да, вы правы — // Привычка к Лориган // И к розам… // Но этот хлеб, // Что жрете вы, — // Ведь мы его того-с… // Навозом…»

Разумеется, среди аристократов случались исключения, их исключительность лишь в том и заключалась, что они, горько осмеивая свое дворянское сословие, пытались, если и не образом жизни, то хотя бы духом посильно приблизиться к народному — суть крестьянскому — духу. Величие избранных дворянских писателей и выразилось в способности, преодолевая сословные уложения, сблизиться душой и словом с духом народообразующего сословия — с крестьянством. Пушкин — «Повести Белкина», сказки; Гоголь — «Малороссийские повести» и народно-православные идеи в исповедальной повести; Достоевский — идея «куфельного» мужика (крестьянина), который спасет Россию; Толстой — идея омужичивания дворянства; Шмелев — народно-православный, домостроевский дух. И здесь уместно вспомнить принародное покаяние Александра Куприна от лица дворян и разночинцев: ***«Когда, говорят «русский народ», я всегда думаю — «русский крестьянин». Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял 80 % российского народонаселения. Я. право не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я — знаю только, что я ему бесконечно много должен, ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность».***

А. И. Куприн (фото: www.omop.su)

Пушкин лишь потому и возвысился над блистательными поэтами Золотого века, что, отринув «мировую широту воззрений», стал узко национальным поэтом, а значит, и мировым, стал русским народным, а значит, и великим русским. Достоевский писал: ***«И никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин. <…> Пушкин любил народ не за одни только страдания его. За страдания сожалеют, а сожаление так часто идёт рядом с презрением. Пушкин любил всё, что любил этот народ, чтил. Он любил природу русскую до страсти, до умиления, любил деревню русскую. Это был не барин, милостивый и гуманный, жалеющий мужика за его горькую участь, это был человек, сам перевоплотившийся сердцем своим в простолюдина, в суть его, почти в образ его…»*** О душевном, *поэтическом* слиянии дворянина Пушкина с крестьянским миром можно судить по героям «Повестей Белкина», и даже по образу Татьяны Лариной, коя, чудилось, лишь намедни скинула бабий сарафан и кокошник да и вырядилась сдуру в барские наряды. А уж сказки Пушкина полноправно вошли в сокровищницу письменной и устной

народной поэзии — сказки, услышанные от деревенских стариков и старух, а перво-наперво, от няни Арины Родионовны, потомственной крестьянки. Заупокойно и молитвенно поминая пушкинскую няню, известный деревенский приятель огласил: «Если бы у Пушкина в нянях была не Арина Родионовна, а лохматая певица П., из него вырос бы Дантес…»

Пушкин стал предтечей народной литературы XX века, прозванной «деревенской», коя по отношению к дворянской еще по достоинству не оценена, ибо «лицом к лицу, лица не видно; большое видится на расстоянии». Русская литература… воистину, нет худа без добра… лишь выиграла при народной власти, отменившей сословия. Иначе, и не прошиблись бы в читающий мир литературные таланты из мужичья — Есенин, Шолохов, Шергин, Абрамов, Носов, Астафьев, Шукшин, Рубцов, Белов, Распутин, Личутин. Прекрасно о величии простонародья, которому советская власть, преодолев сословные препоны, открыла все парадные подъезды, сказал Василий Шукшин: «*Да если хотите знать, почти все знаменитые люди вышли из деревни. Как в черной рамке, так смотришь — выходец из деревни. Надо газеты читать!.. Што ни фигура, понимаешь, так выходец, рано пошел работать*».

Оборони Бог, крестьянство царское, а паче, колхозное, живописать лишь розовым цветом, рисовать лубочную идиллию с пастушком Лелем; и крестьянский мир угнетали тяжкие немочи, присущие сословию: буйные, порочные страсти, особо во хмелю; смирение, порой переходящее в холопство; календарно-бытовое «обмирщение» святых, темные суеверия, порой и подменяющие, мифологически, легендарно искажающие веру православную. Но о сем были написаны горы книг, обличающих крестьянскую темь и дичь.

Советская империя, упразднив дворянство, пыталась изжить и сословное понятие *крестьянин*, заменив его *колхозником*. Нарождалось и досель неведомое сословие — ***служащие:*** простонародье из крестьян и рабочих, вдохновенно и азартно обретая книжную грамотность, а потом и ученость, явились во власть и, как в искусстве и науке, превзошли дворян талантливостью и трудолюбием. И сие сословие — ***служащие,*** — благо, созидалось не по «кровному родству» и «фамильному древу», но по дарованию и жажде ***служить*** России, чем и напоминало опричнину царя Ивана Грозного.

Словно взорванный собор, со вселенским грохотом рухнула Российская империя, и сникли «чада солнца», воцарились «дети тьмы» — лукавое «сословие» мошенников-«менеджеров», мертводушных, но похотливых и прожорливых, сожравших народное добро, словно саранча посевы. Лукавое «сословие» испокон веку на Руси водилось: то буйно плодилось, то испуганно таилось, скажем, в эпоху Иосифа Сталина; но лишь в нынешнем веке, взлелеянное «гнилой интеллигенцией», «лукавое сословие» воцарилось на российском престоле, вторглось… враги же… в народные души, внушая похоти вместо любви к Вышнему и ближнему. «По причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь…» *(Мф. 24:12)* Студеные сумерки пали на землю Русскую… Но… сколь свиреп натиск врага рода человеческого, столь и яростна оборона: русские огоньки, мерцающие в сумерках, сияли все ярче и ярче, словно в небе зажглись Христовы свечи, освящая извилистую, узкую тропу к спасению.

Примечания

1. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1988. Т.3. С. 205.

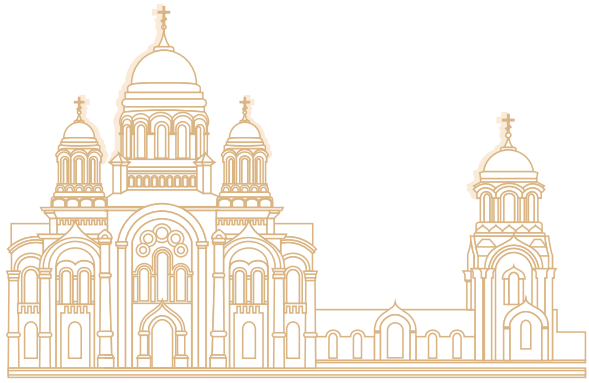
2. Хотя для России война была бессмысленным пролитием русской крови; лукавая Англия, продажная Франция втянули Россию в войну, чтобы, столкнув лбами Германию и Россию, отвести от себя германское нападение и ослабить, обескровить две державы, используя русский народ как пушечное мясо. Но Россия, как обычно, не могла оставить в беде братьев-славян, особо — сербов, коим грозило жестокое и кровавое поражение в войне с Австрией и Германией.

3. В 1942 году Сталин, говоря о советских людях, сказал американскому послу А. Гарриману: «Вы думаете, они воюют за нас? Нет, они воюют за свою матушку-Россию».

4. Ономастика / под ред. С.Б. Веселовского. М. : Наука, 1969.

5. Очевидно, тунгусские племена в Забайкалье изрядно смешались с монгольскими, особо с монголоязычным племенем дауров.

6. Позорище *(древнерусское)* — зрелище.



- **ОТКРЫТА ТАЙНА ЗНАКОВ ЗОЛОТЫХ**

  Наталья Лясковская

- **СЛОВО О РУССКОМ ХУДОЖНИКЕ**

  Фёдор Ясников

Русское искусство

Образ святой блаженной Матроны Московской

ОТКРЫТА ТАЙНА

ЗНАКОВ ЗОЛОТЫХ

Закат в центре Харькова в Страстную Среду (фото С. Широких)

Наталья Лясковская

* * *

И я задумалась: а точно — в моих стихах не дышит почва
и даже, кажется, судьба,
не столп эпохи, не мессия, не спорю о путях России,
не вьётся венчик выше лба,
и от зеркал одни осколки, и есть усердней богомолки —
зелотки[1] мёда и акрид,
кто скажет — как отрежет бритвой, и тайномысленной ловитвой[2]
общак и общество крепит,
кто позовет на марш, на сечу, и в чём-то там увековечен
на лаврах будет почивать…
Между Измайлово и Пресней есть постройней, попоэтессней,
моложе, что уж тут скрывать!
Я с торжествующим банзаем пространств и смыслов не пронзаю,
не пробиваю темы влет,
невместно мне, обычной бабе, творить в эпическом масштабе —
утешусь тем, что Бог пошлет.
Кропаю что-то на листочке и в синих крапинках платочке
хожу себе в ближайший храм,
на исповедь — не ко владыкам, а так — в простонародье диком,
хлеб со слезами пополам.
Иконам кланяюсь лишь в пояс, и лишь о детях беспокоюсь,
никто мне не указ в миру.
С трудом житейский срок мотаю, Псалтырь спасительный читаю…
вот дочитаю — и помру.

В ЗАЩИТУ МАРФЫ

Для того чтоб Мария молилась, сестра ее Марфа
ведь должна прибирать её келью и воду таскать,
доводить её ризу до снежности девственной парфы[3],
натирать полиролем[4] изгибы трибрусовой арфы
и напевам, направленным к Господу, рукоплескать.

Чтобы свечи и ночью и днём грели душу и веру,
Марфа, глаз не смыкая, лелеет пчелиный уют:
чистит ульи, зимой утепляет тряпьём и фанерой,
изгоняет клещей, воскуряя фольбексову серу[5]…
Дым глаза выедает, по темени трутни снуют!

Посадить, возрастить и собрать урожай — Марфа, ну-ка!
Пред Мариями выи склоняют драконы и львы,
но дракон не нажарит блинов, лев не выточит тука[6],
не навяжут они витаминных косищей из лука…
Ведь и праведных чрева без пищи страдают, увы.

А Мария всё молится, руки смиренно сложила.
Что ж я плачу, свои — в дутых венах — к грудине прижав?
Разве есть в том вина, что всю жизнь я любимым служила
до горба, катаракты, артроза и мления в жилах,
созидая одну из прекраснейших в мире держав?

Мир на марфах стоит — что ни день его здания хаос
мы приводим в порядок, любви исполняя устав,
чтобы зрел для Причастия солнцем насыщенный чаус[7],
чтобы хлеб благодатный, нам данный Христом чрез Эммаус[8],
частью Тела Его укреплял наш небесный состав.

Я работы раба — не пророк, не боец, не избранник,
и когда я умру, завершив трудовой круг латрий[9],
я в торфяник уйду, нет, точнее — в астральный марфяник,
в тот питательный слой, где сквозь райские травы и стланик
возрастают прекрасные лилии чистых Марий…

Так и что ж тут рыдать, напуская на сердце остуду:
всяк свою должен ношу нести и страданья скрывать.
Только чу! — место есть и в моей жизни малому чуду —
слышу звон незатейливый: моет Мария посуду.
Значит, время и Марфе пришло на молитву вставать!

* * *

Я упаду, когда стемнеет,
когда печаль заиндивеет,
упряма и тиха,
когда в окне звезда зажжётся
и отразится, как в колодце,
в округлой синеве стиха…

Я упаду на дно колодца,
вода стремительно совьется
кругами на торце,
хлестнёт в цементную оправу,
а посредине — Боже правый! —
я… с удивленьем на лице.

И дети, женщины, мужчины,
опустят с плеч свои кувшины,
пришедши за водой,
и — непонятно как — польётся
лицо моё
со дна колодца
по морде лошади
гнедой…

Заклинанье-кликанье лета
блаженным Илюшей Колокольниковым
из села Полибино

Ой-д, надоела всем зима,
да опустели закрома —
всё вымели метели…
Ой, люди лета заждались —
иди, велят мне, помолись,
ты ж можешь, в самом деле!
На край деревни выйду — ай! —
мне в руки прыгнет сойка-май:
спой, спой!.. Моя родная,
ты знаешь сущего секрет:
всё умирает в сентябре,
чтоб возродиться в мае…
Я в поле выйду, запою —
ко мне прискачет конь-июнь,
играет и смеется!
Тычинки фыркают в пыльце,
игриво грива трав
на целом поле в кольца вьёцца!
В лесу зелёном запою ль —
летит ко мне олень-июль,
лизнет в ладонь, ласкучий!
Уж мы с ним ягоды едим,
друг другу уж в глаза глядим,
покуда не наскучит…
Вдруг по миру раздастся хруст:
идет огромный август-куст,
весь птицами уцацкан!
Он говорит мне: выбирай!
И птицу яркую, как рай,
цепляет мне на лацкан…
Над речкой песню затяну —
вода в реке пойдёт ко дну,
всплывёт сентябрь-рыба
дородной девкой из хором,
тряхнёт на берег серебром —
Эх, вам да те дары бы!..
Но песня кончилась моя.
Пожухло солнце по краям,
как жёлтый лист упало
куда-то во вселенский сад…
А уж метели из засад
метут куда попало!
До лета, летушко, прощай!
Вертайтесь, люди, к кислым щам,
спасайтесь русским чаем
от люта холода да вьюг!
А мне пора лететь на юг —
вон, уж меня встречают…

БРАТУ
(из цикла «Домой»)

Я кровной травою умоюсь
И в землю родную войду
По шею, по локти, по пояс…
И скроюсь, как камень в пруду.

И там, средь червей и кореньев,
Как прах в прародительской мгле,
Я стану — сотленной творенью,
Я стану — родною
Земле.

Как высшее счастье приемлю
и знаю, что больше, брат мой,
родную полюбишь ты землю —
лишь только
Землёй став
самой.

Фото: www.forum.ngs24.ru

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

С неба яблоко упало
и распалось пополам…
Где-то музыка играла,
в плавнях Ева загорала,
плавал в озере Адам!
Мы сидели на песке
в бело-розовой тоске,
и, друг к другу сдвинув спинки,
ели яблок половинки.

Был меж нами липко влит
сладкий яблочный магнит,
и, боясь пошевелиться,
в яблоках мы скрыли лица…

Нас, как яблоко, разъяли!
Сквозь года
твой образ
я ли
позабуду?!
Сад манит
и спина весной
саднит…

***

Раба Божия рябина,
кривобокая, в рябинах,
к церкви приросла,
на ветру промозглом стоя,
просит самое простое —
света и тепла.

Раба Божия Марина
и нарядом из ряднины,
и лицом страшна.
На ветру у церкви стоя,
просит самое простое —
хлеба и вина.

Жизнь проходит у рябины.
Жизнь проходит у Марины.
И судить не нам,
чем они угодны Богу,
что даётся им так много —
жить
у входа
в храм.

ДАРЫ ВОЛХВОВ

О, эта очередь — претерпий череда, середь враждебного бензинового града
туда, туда, где вифлеемская звезда — моё паломничество, горняя награда,
светясь бессмертной радостью плода, висит на древнем древе вертограда…

Да, это я, в надвинутом платке, под испытующе разверзшим хляби небом,
держу Евангелие в скрюченной руке, и со товарищи делюсь водой и хлебом,
и покупаю свечи на лотке, чтоб дань отдать странноприимным требам.

Здесь все равны — бедняк и богатей, ребёнок и согбенная старуха,
и я, бессильная, опять других сильней, судьба моя — служить плечом и ухом:
как мать, внимаю пересчёту их скорбей и ободряю сокрушенья духа…

И вот — к Пречистенке последний поворот, я вся — восторг и трепет, как другие!
У врат высоких нас встречает Тот, кто в душах зрит и злые, и благие,
и, зная это, крестно молится народ в иерото́пии[10] стихийной литургии.

Сюда явишися библейские волхвы, пав на колени средь торжественного храма,
сложили чаши со дарами с головы и растворились в воскуреньях фимиама,
орлы и человеки, львы, волы вошли в ларец с Христовой монограммой…

Лишь на мгновенье длань коснулась их — и вместо сердца смирны мёд под грудью,
открыта тайна знаков золотых, надмирный ладан вдруг вдохнули люди,
и дух в блаженном выдохе затих, и так, нетленно, в вечности пребудет.

* * *

Светлане Милютиной

В таком бы мире жить, в такой ходить бы юбке,
где звёзды, как горох по органзе небес,
подола край подшить порханием голубки,
а на подклад пустить витой виссон чудес,
ни туфель, ни сапог теперь уже не надо —
по ксеньиным следкам, не чувствуя земли,
бежишь в ближайший храм средь ледяного града
или июльский зной несёт тебя в пыли…
Хоть о любви земной ещё мечтаешь пылко
и над любой бедой взлетаешь без труда —
подпетербургский лес, шарага, лесопилка
сломают хоть кого, зароют хоть куда.
На рамах скоростных распяты клёны длинно,
но с запани видать на Валааме свет —
там, охраняя мир, вознесся восьмиклинно
предвечный русский крест — спасения обет.

Из книги «Целитва»

Как стёрся образок Матроны, истаял на моей груди!
На медный краешек неровный, сынок, с печалью не гляди —
под этой ношей непосильной смогла бы разве выжить я,
когда б не маленький оксидный значок иного бытия?!
Впитало сердце жизнь металла, вклеймился в тело лик родной,
чтоб я дышать не перестала, не сдохла в яме выгребной,
чтоб для тебя голубкой билась, забыв о сломанных крылах,
и призывала Божью милость на аш-цепи в антителах.
Наш быт библейский прост и светел: целуешь в голову меня,
в шесть ровно телефонный петел[11] нам возвестит начало дня,
который даст тепла и хлеба, а больше и просить грешно,
пока вдвоём мы смотрим в небо, пока оно у нас — одно.

* * *

И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.
Борис Пастернак

Поставь слова в таинственном порядке — и вдруг свершится чудо из чудес:
стихотворенье оживет в тетрадке, и лист бумаги возвратится в лес,
и зашуршит листком в дубовой кроне, и кто-то сверху знак звезды подаст,
напомнив о библейском Соломоне, творящем вечный свой «Экклезиаст»!
Томленье духа или ловля ветра, молчанье, ночь наедине с собой…
Арабский Питер, русский город Петра, вербальный эрратив, предсмертный сбой.

* * *

Елене Ефимовой

Лена спит. Осень сон навевает, сад просвистан ветрищем до дыр…
Почему-то всегда так бывает — чуть уснешь и разрушится мир.
В тонком сахаре инея астры, как десерт под marqus de riscal[12],
а в небесном плывет алебастре петербуржская птица печаль.
Кто построил острог этот вечный, кто придумал, что надо страдать?!

Ночь проходит, как приступ сердечный, чтоб назавтра вернуться опять.
Заметает словами, снегами, бьется в память больная волна…
Жизнь — волшебная ложь оригами или смыслом великим полна?
Что жалеть об утратах прошедших, в закромах уж и зёрен-то нет,
рядом каждый второй — сумасшедший, каждый третий — великий поэт.
Будь хоть лыком кевларовым шиты — все обиды прожжет кипяток.

Нет от боли надёжней защиты, чем матронушкин ветхий платок,
да багряная ксеньина блузка, да свечи негасимой отвес,
да молитвы молчание русской, достающей до самых небес.

* * *

Я почти разлюбила сирень: виноградно-ажурные кисти
вызывают лишь зуд да мигрень, как бодяженный спирт montecristi.
Я почти разлюбила весну, этот нежный обман ежегодный,
и тоски золотую блесну ясно вижу в расцвете бесплодном.
Но ещё не пускают уйти — так по-детски — объятия сына,
и ещё не открыты пути, хоть повестку прислали с посыльным,
да ещё — по артериям ток, когда вижу: неправ был Паскаль-то! —
трансцендентно взрывает росток динозаврову шкуру асфальта…

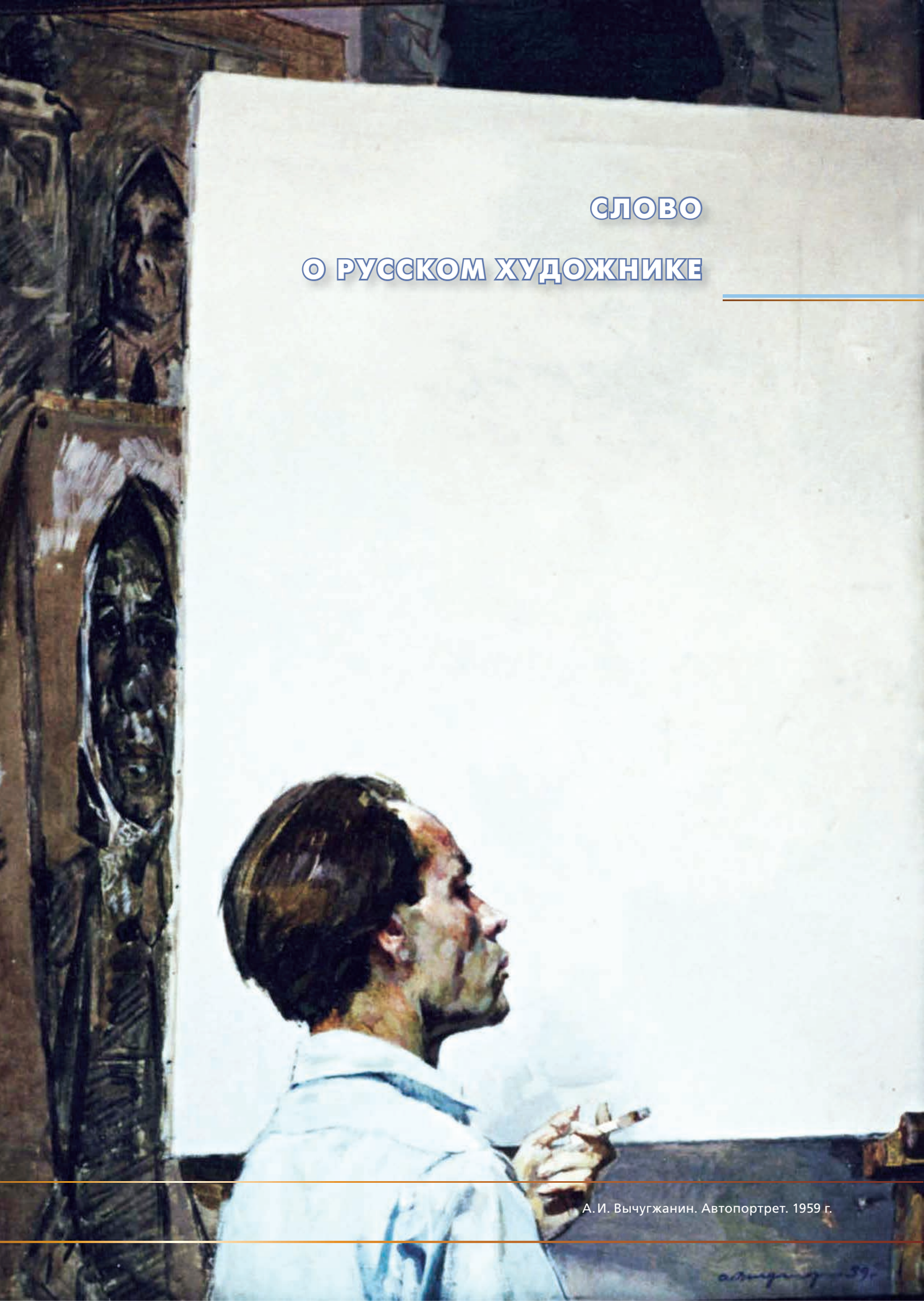
* * *

Тех, кто ходит в тёмные аллеи, узнаю по меченым глазам.
В порах торф поганой страсти тлеет, прожигая ношеный кожзам,
естество, палимое пороком, волчий вой, как вожжи за спиной…
Но заносит бритву Вильям Оккам[13] — визг над бездной бесово-свиной!
Тех, кто ходит по путям иуды, не умею, Боже, различать.
Жизнь — мельканье глупой перепуды, не рассмотришь поцелуй-печать
на умильных смайлах фарисеев, в электронной ереси сети…
В шёлке, бархате, брезенте и джинсе я ессе homo не могу найти.
Но бывает чудо, просто чудо — посылает мне судьба друзей
и беды побитую посуду сносит, словно залпом из фузей!
Плачет всласть во мне дитя Наташа, свет лампады — райский крин златой…
Милосердно роковая чаша утром вновь окажется пустой.

Примечания

1. Зело́ты (-ки) *(греч.)* — букв. «ревнитель, приверженец».
2. Ловитва *(древнеславянск.)* — «охота».
3. Парфа *(греч.)* — «чистый», одеяние девственниц.
4. Полироль — средство для чистки деревянных частей мебели и других предметов из дерева.
5. Сера и фольбекс (белковый фермент) — используются для лечения пчел.
6. Тук *(древнеславянск.)* — «жир». «Весь тук Господу», — сказано в кн. Левит. Откормленное животное обыкновенно называется в Священном Писании тучным или упитанным (Быт. 27:28, Пс. 62:6).
7. Чаус (чауш) — сорт красного винограда, широко распространённый в мире, используется для приготовления церковного кагора.
8. Эммаус — город в 60 стадиях от Иерусалима: «В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее стадий на (сто) шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус; и разговаривали между собою о всех сих событиях. И когда они разговаривали и рассуждали между собою, и Сам Иисус, приблизившись, пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его… И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Он показывал им вид, что хочет идти далее. Но они удерживали Его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними. И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его» (Ев. от Луки).
9. Латрия (-иа) *(церк.-слав., от греч.)* — поклонение, служение. Первый поклон самому единому Богу должен есть, и нарицается Латри́а. Почтение божественнаго поклона, которой называется Латрия у Богословов (Бусл. 34.).
10. Иерото́пия *(др.-греч.)*: иеро — священный, то́пия — место, пространство. Создание сакральных пространств, рассматриваемое как особый вид духовного и художественного творчества, а также специальная область историко-культурных исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества.
11. Петел *(старославянск.)* — петух. Такой звонок стоит на мобильном будильнике сына — крик петуха.
12. Marques de Riscal (испанская винодельня) — здесь, в смысле, испанское вино.
13. «Бритва О́ккама» (иногда «лезвие О́ккама») *(лат.)* — методологический принцип, получивший название от имени английского монаха-францисканца, философа-номиналиста Уильяма Оккама (ок. 1285–1349). В кратком виде он гласит: «Не следует множить сущее без необходимости».

СЛОВО О РУССКОМ ХУДОЖНИКЕ



А. И. Вычугжанин. Автопортрет. 1959 г.

Фёдор Ясников

В чем сила русского искусства?
Я думаю, она — в чувстве совести.
Георгий Свиридов

Иркутский художник Аркадий Иванович Вычугжанин родился 20 декабря 1929 года в деревне Оверичи Вятской губернии. Минуло 30 лет с той поры, как мастер ушел от нас, но до сих пор Аркадия Ивановича помнят, любят и высоко ценят его творчество не только люди искусства...

Это был один из тех редких художников, творчество которого одинаково близко и крестьянину, и рабочему, и ученому, и самому требовательному эстету… Имя Аркадия Ивановича Вычугжанина в годы его жизни было широко известно. Ни одна зональная выставка Сибири не обходилась без его решающего голоса. Авторитет Аркадия Ивановича был непререкаем.

Художники искали услышать его суждения об искусстве, о живописи, его мнение о той или иной картине. Конечно, в шестидесятые, восьмидесятые годы далеко не каждый художник в Иркутске мог похвастать такой фундаментальной школой, таким запасом знаний, какими владел Вычугжанин: Казанское художественное училище, потом — Харьковский художественный институт, а потом и — великое самообразование в русском искусстве. Но, кроме того, Аркадий Иванович, как теперь принято выражаться, был личностью харизматической. Скромный, даже простоватый с виду, небольшого роста, крупные руки, лоб мыслителя, красивое русское лицо, спокойный внимательный взгляд, живая народная речь… Он, еще и не начав говорить, уже завладевал вниманием окружающих. А уж если Аркадий Иванович говорил, то присутствующие с жадностью ловили каждое его слово, которое, как правило, всегда было точным, ярким, выразительным, убедительным…

В семейном архиве Вычугжаниных хранится фотография, на которой запечатлен момент встречи группы иркутских художников с великим русским живописцем Павлом Дмитриевичем Кориным. В этой группе находится и молодой еще Аркадий Иванович. На фотографии отчетливо прочитывается, что Корин разговаривает именно с ним, что остальные только присутствуют при разговоре. Зная Аркадия Ивановича, с большой долей вероятности можно утверждать, что Корин и в самом деле из всей группы выделил для разговора именно его, что именно ему были направлены какие-то, возможно, очень важные слова… О чем беседовали два живописца, мы теперь уже никогда не узнаем… Быть может, мастер передавал свою эстафету молодому художнику?..

Когда в 1984 году Аркадия Ивановича не стало, это казалось настолько нелепым… В это не хотелось, невозможно было поверить. Ему исполнилось всего 54 года… Наступала самая зрелая пора творчества, в это время к художнику приходит предельная ясность духовного зрения, полная оценка своих сил… Всевозможные сомнения, обычно сопутствующие художнику до последних дней, уже не так досаждают его опытной душе. Это время свободного творческого полета. И вдруг, художник уходит… Горькая утрата, горькая для всех знавших Аркадия Ивановича и невосполнимая потеря для русского реалистического искусства…

Если вам когда-нибудь удастся побывать на выставке Аркадия Ивановича Вычугжанина, то в первую очередь обратите внимание на его автопортрет, написанный в 1959 году. Это, как говорят искусствоведы, программное произведение.

Чист упругий белый холст, занимающий основное пространство картины. Молодой мастер стоит перед ним. Его лицо почти не видно зрителям, оно отрешенно, возвышенно задумчиво… Над чем так сосредоточен художник?.. Безусловно, на картине изображен напряженнейший момент творчества, таинственный и непостижимый… Возможно, в это мгновение перед ним встают образы давно минувшего, образы его деревенского детства, когда складывалось его мирочувствие, его мировоззрение… За краем холста видны подготовительные рисунки и эскизы к портрету старейшей поселен-

А. И. Вычугжанин. Портрет телятницы Турской фермы И. Е. Нестерчук. 1961 г.

ки М.Л. Прибытковой… Это ее Аркадий Иванович называл «моя муза»…

Мне представляется, в картине отображен самый главный, стержневой момент творческой жизни — момент выбора пути… Точнее даже, выбор уже сделан, и теперь на белом холсте художник внутренним, духовным зрением уже видит свои самые сокровенные творения… И те, которые сбудутся, и те, которым сбыться не суждено… Как не суждено было сбыться коринской «Руси уходящей»… Как созвучны эти два белых холста — коринский и вычугжанинский…

Белый холст как завет творчества, как вечный зов Завещанной любви.… Именно для нее искусствоведы придумали сухое, ничего не говорящее слово — реализм. Да, истинный реализм там, где художник творит, прежде всего, не от любви к краскам, а творит самозабвенно от любви и живого сострадания к человеку, к миру, там, где художник видит великий смысл бытия.

Белый холст как завет величайшей ответственности художника за всё, что он творит…

Этот автопортрет действительно можно назвать главной, как бы исходной точкой, определяющей весь дальнейший творческий путь Вычугжанина.

После этой картины в 1961 году Аркадий Иванович пишет одно из своих, на мой взгляд, самых глубоких полотен. «Портрет телятницы Турской фермы И.Е. Нестерчук» — поэтическая, философская ода русской женщине.

На небольшом холсте изображена женщина в темном, с мелкими цветочками платье… Белый цветастый платок на плечах. Крестьянскими натруженными, но удивительно нежными, материнскими руками женщина чуть смущенно (не привыкла она к такому вниманию) придерживает края платка… В лице ее, затемневшем от холодов, ветров и зноя крестьянской жизни, вы не найдете особых характерных черт, они как бы выпиты повседневным нелегким трудом, переживаниями, высшей, самозабвенной, надмирной, любовью… Беззащитно белеет шея…

Таких женщин на Руси всегда было множество. В обычной жизни, мы, гонимые страстной жаждой жизни, как правило, не замечаем их. А между тем, именно им, этим простым русским женщинам — нашим матерям — открыт тот самый смысл бытия, в поисках которого блуждаем мы до конца своей жизни…

В истории не только русской, но и европейской живописи трудно найти более проникновенный образ женщины-жены, женщины-матери… Я знаю только один — это рембрандтовская старуха… О, если бы эти два портрета встретились… Это было бы скорбное и великое молчание…

Ни в одном портрете работы Аркадия Ивановича вы не найдете ни малейшего повода почувствовать превосходство художника над портретируемым. Уверен, простая русская телятница не была для Аркадия Ивановича человеком какого-то низшего сорта. И даже, напротив, он ставил ее много выше себя! Будь иначе, он просто никогда и не стал бы писать этот портрет. Более того, мне представляется, что для него вообще человеческая личность всегда была и глубже, и интересней, и значимей его собственного Я. Безусловно, Аркадий Иванович руководствовался в своем портретном творчестве тем, не модным сегодня, соображением, что, познавая лучшее в людях, мы сами становимся и лучше, и понятней себе.

Вообще, надо сказать, что сороковые, пятидесятые, шестидесятые годы прошлого века были, несмотря ни на что, годами для русского искусства во многом благословенными. Это был подъем в русском искусстве. Именно в то время расцвели такие русские гении, как Свиридов в музыке, Корин, Пластов в живописи… Следом поднималось новое поколение художников — Белов, Астафьев, Распутин, Рубцов в литературе, Виктор Попков и многие другие в живописи. Секрет такого подъема в том, что искусство этих художников не было оторвано от народной жизни, оно жило народной жизнью, оно дышало воздухом народной культуры. Оно не болело своей исключительностью, оно сознавало свою великую второстепенность! Любовь к человеку, к Божьему миру — единственное, что оправдывает искусство, в корне которого лежит искушение… искушение и гордыня…

Аркадий Иванович работал неторопливо, проникновенно, с сознанием огромной

ответственности перед людьми за свой дар, который он с легкостью мог бы обратить в житейские блага для себя. Но он работал, не помышляя ни о почестях, ни о наградах, коими с успехом обзаводились его коллеги. Он

А.И. Вычугжанин. Портрет скульптора Олега Ряшенцева. 1966 г.

весь, без остатка был искренне предан живописи. Справедливости ради надо сказать, что ему хотели присвоить звание заслуженного художника СССР. В Москву даже были отправлены необходимые для оформления документы и фотографии, но каким-то странным образом фотографии были утеряны, и присвоение не состоялось…

Но Аркадий Иванович был твердо уверен, что работать должны не звания, а художник и его картины. Картины должны возвышать человеческую душу, будить в человеке сострадание, укреплять в нем любовь к Вышнему и ближнему, к миру…

Несомненно, он много размышлял о назначении художника, об ответственности русского художника за свое творчество перед

своим народом, плоть от плоти которого был он сам. Жил одно время в Иркутске молодой тогда скульптор Ряшенцев. Не могу дать ему оценки как художнику потому, что видел всего три его работы, которые, на мой взгляд, можно причислить к творческим неудачам. И вот он, влекомый жаждой творчества, вытесал из двух больших каменных глыб две большие каменные головы. Они долго стояли в его мастерской, занимая много места… Даже великие художники прошлого всю жизнь, хотя бы втайне, были терзаемы сомнениями по поводу своих творений. Это нынче, когда наступила еще одна, я думаю, все же тщетная попытка переоценки ценностей вековых, желторотые юнцы, не говоря уж о юнцах пожухлых, ляпают из сантехнических предметов нечто монструальное и кричат надрывно о своей подсознательно самовыразившейся гениальности… Да Бог им судья…

Аркадий Иванович написал портрет Ряшенцева. Мастерская скульптора. Каменная кладка стены, заложенный кирпичами выход, каменные головы, несколько нервный свет, льющийся сверху, фигурка человека… Всё вместе создает впечатление какого-то жуткого, безвыходного лабиринта или тюремной камеры, куда добровольно замуровал себя скульптор, а он сам, отгородившийся от людей, трепетный и беззащитный, живой и смертный, глядит на свои творения, не в силах осознать, что же он создал — настоящее или бесполезное? Самый мучительный вопрос для художника, если он честен перед собой. И только маленький медный Будда (верхний край картины) смущает ум художника, лукаво делая вид, что знает ответ на вопрос… но:

А. И. Вычугжанин. Портрет чекистки Е. Н. Башариной-Соболевской. 1977 г.

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.

Сегодня мы, погрязшие в современной суете, отравленные «новейшими» взглядами общества, в которых ценность самой человеческой жизни, чего уж говорить о душе, поставлена под сомнение, мы, очерствевшие сердцем, не в силах по духовной слабости своей пробиться к животворной вере нашей. И потому именно теперь творения Аркадия Ивановича Вычугжанина и всех тех, кто нес и самоотреченно несет сегодня живой дух сочувственного человеку русского реализма, для нас, стоящих на краю гибельной пропасти, жизненно необходимы как глоток живой воды.

Вот «Портрет чекистки Е.Н. Башариной-Соболевской» (1977).

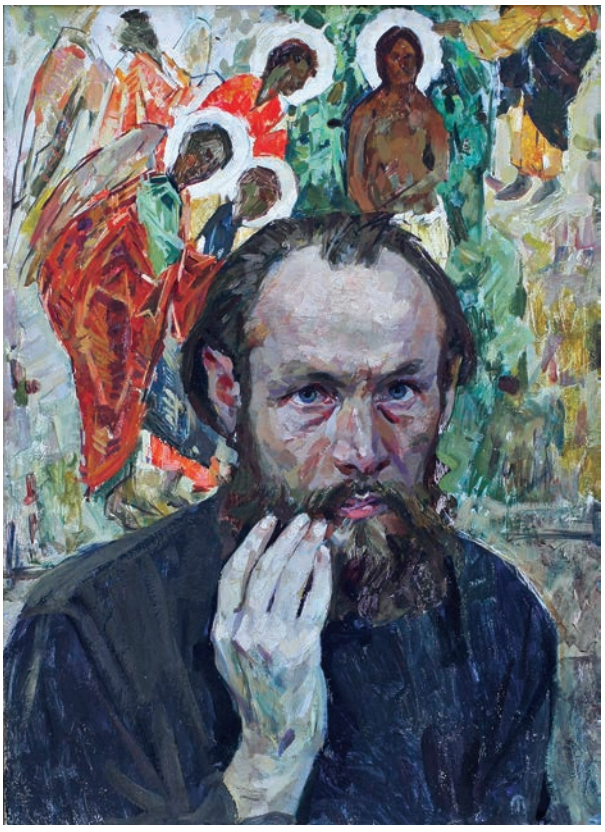
— Э-э-э, — скажет либеральной внешности и внутренности некто, — что еще можно было написать в те тоталитарно-коммунистические годы…

Но посмотрите, посмотрите без предубеждения в лицо этой женщины. Неужели у вас ничто не шевельнется в душе? Такие люди, русские люди, были, как и Аркадий Иванович, генетически православными. Они свято верили в единение людей под лозунгом социального равноправия. Их жизненные установки, выработанные тысячелетием православия, прекрасно укладывались в идею коммунистического общежития. Скорее не их вина, а их беда, что они остались без Бога.

Эта женщина насмерть стояла за свои идеалы. На полотне она как бы перед судом истории. Это лицо России, пережившей страш-

ное лихолетье… Не ради эстетических соображений, заботливо накинул ей художник на плечи русский цветастый платок… Портреты Аркадия Ивановича Вычугжанина отличает неподдельная вера в благородство устремлений человека, ибо он сам был благороден в своих устремлениях…

«Еще в начале шестидесятых он загорелся написать портрет Андрея Рублева, — пишет о Вычугжанине Лев Борисович Гимов, иркутский художник. — Он шел к этой работе год за годом, всерьез размышляя над феноменом русской иконописи. К этому времени вышел на экраны «Рублев» Тарковского, и многие живописцы, недолго думая, взялись за кисти. Разумеется, работы этих торопыг были поверхностны в решении темы, грешили иллюстративностью. Аркадий Иванович вынужден был остановить себя — взялся за автопортрет, который можно без натяжки трактовать как серьезную пробу в решении будущего портрета Андрея Рублева».



А И. Вычугжанин. Автопортрет. 1967 г.

Что же помешало Аркадию Ивановичу в дальнейшем прийти к решению этой темы? Мне кажется, художник в процессе работы над автопортретом, в ходе серьезных размышлений над русской иконописью понял, что иконопись не есть живопись в прямом смысле. Что иконопись, по выражению Павла Флоренского, — богословие в красках.

«В России иконопись стала свидетельством не столько о вере христиан, сколько о жизни во Христе, о том, что может произойти в человеке, который не образно и символически, а личностно и всерьёз воспринял слова Спасителя: «Будьте совершенны, как совершенен Отец наш Небесный (Мф. 5:48)» — так говорил об иконописи Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в предисловии к книге «Русская иконопись» (М., 1991).

Далее Патриарх говорил, что создаваемое подвижниками-иконописцами — преподобным Алипием-иконописцем, Андреем Рублевым и Феофаном Греком, а также тысячами многих, чьи имена ведомы только Богу, — «зиждилось на духовном опыте Церкви, который стал и их личным опытом».

Вот что прозрел в сердце своем Аркадий Иванович, размышляя над образом Андрея Рублева. Он увидел, что законы иконописи есть нечто иное, нежели законы мирской, светской живописи, что образ Андрея Рублева не может уложиться в образ светского художника. Что в высшем смысле Андрей Рублев не был художником, что он был монах и богослов. Аркадий Иванович понял всю тщету задуманного. Врожденное православное миропонимание помогло Аркадию Ивановичу увидеть это.

Произведения выдающегося иркутского живописца хранятся в запаснике Иркутского художественного музея, изредка появляясь на свет. Но картины как живые люди — им тоже необходимо общение… приговоренные к одиночеству, они, как и люди, теряют смысл своего существования… А уж Аркадий-то Иванович, как глубоко русский художник, наверняка хотел поделиться со своим зрителем чем-то очень важным… Чем-то сокровенным, чем-то открывшимся только ему… Поделиться своими, как ему совершенно справедливо казалось, очень нужными и даже необходимыми, жизненно необходимыми мыслечувствами… Уж такова особенность русского

художника, что жаждет он вложить в свое произведение наибольше и чувства, и смысла, чтобы оно могло жить своею жизнью, чтобы оно могло говорить языком души, языком сострадания с каждым живым человеком…

Вероятно, что в прежние, доперестроечные времена, когда властвовала партийная идеология, границы дозволенного были тесны художнику. Но никакая идеология не запрещала ему служить высшим человеческим идеалам. Теперь же мы — хладнокровные потребители эстетического, — глянув сметливым глазом оценщика на предмет высокого искусства, запираем его в «долгий ящик» для сохранности и… всё. Но ведь известно, с глаз долой — из сердца вон. И в наш новый гибельно рационалистический век, когда на смену человеколюбию, состраданию, жертвенности приходят ценности совершенно иного порядка, когда мерилом человеческих отношений становится упругость кошелька, мы убираем с глаз долой всё, что способно тронуть сердце, всё, что способно разбудить живые чувства, всё, что может заставить человека мыслить человечно, то есть не так, как того требует сегодняшнее время, в котором властвует бездушный и недальновидный расчет.

А. И. Вычугжанин. Портрет Лёни Киселёва. 1964 г.

И я задаю себе вопрос — для чего же трудились и трудятся сегодня иркутские художники, если их творения, просверкнув на какой-нибудь выставке, простаивают потом где-нибудь в мастерских или музейных запасниках? Зачем вообще нужна живопись, если ее никто не видит? Представьте себе, что произведения Пушкина, Гоголя, Достоевского, Распутина… так и остались лежать рукописями где-нибудь в запасниках музеев… Спектакли в театрах идут десятилетиями, на хорошие спектакли люди ходят помногу раз. Какое-либо музыкальное произведение слушается сотни раз и живет вечно. Чем же провинилась живопись, что спрятана от глаз людских?! Где выставочный зал иркутских художников? Почему иркутян лишают возможности обогащать свой духовный мир? Хотя, какое уж там теперь духовное обогащение… Дело дошло уже до того, что говорят, будто реалистическому искусству пришел конец…

Сентенция эта, разумеется, лишена малейшего смысла. Реализм был, есть и будет всегда, ибо он так же необходим человеку, как хлеб, вода, земля, воздух, солнце… Правда, сегодняшнее положение в искусстве, вроде бы, говорит об обратном, но это временный упадок, который наступал каждый раз, как только революционеры и политики затевали перекройку народной жизни и навязывали народу, среди прочего, «новое» искусство. На этот счет есть весьма откровенное и красноречивое признание пламенного перестройщика образца 1917 года А. Луначарского: «Я протянул руку футуристам главным образом потому, что в общей политике Наркомпроса нам необходимо было опереться на серьезный коллектив творческих художественных сил. Их я нашел почти исключительно здесь, среди так называемых левых художников».

Как говорится, комментарии излишни… Да, перестройщики всегда найдут на кого опереться — нездоровых голов и просто пройдох от искусства в любые времена хватало… И не оскудеют во все времена…

Для чего же тратит художник свои душевные силы? Или его творческие муки пусты, никчемны? Или идеалы добра, любви и впрямь препятствие на пути прогресса? И в самом деле, надо «сбросить с корабля современности» всех

этих «хлюпиков» добротолюбия? Так давайте откровенно признаемся, что нам совершенно безразличны, и даже досаждают все эти «потрепанные тысячелетиями» идеалы! Давайте честно предадим огню духовные ценности русского народа! Давайте поменяем наши нравственные ориентиры на противоположные! Сегодня вся Европа этим занимается. А глумление над Россией, над ее святынями в большой моде, и даже оплачивается. И не придется больше натужно лить крокодильи слезы над «вымирающим» реализмом. Предадимся же честно торгашескому духу рынка, безраздельно властвующему ныне в искусстве. Все на продажу!

Да возможно ли?! Конечно, невозможно. Невозможно, если мы верим в высшее предназначение человеческой жизни, если мы хотим будущности нашим потомкам. История человечества всегда изобиловала всяческими войнами, революциями. Но любая страна, где это происходило, даже при изменении государственного строя, всегда восстанавливала свою национальную культуру, свои понятия нравственности и свою религию, пусть даже в некотором измененном виде, если желала быть. В противном случае исчезала и страна, исчезал и сам народ. Тому в истории масса примеров.

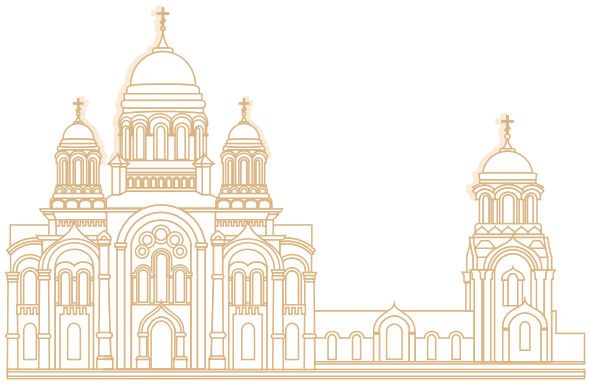
И если мы хотим быть, нам необходимо восстанавливать наш культурный слой. Восстанавливать и укреплять тысячелетние ценности, которые одни только и могут защитить народ наш от разрушительного разгула пошлости, эгоизма, человеконенавистничества, равнодушия, от власти кошелька…

На открытии одной из редких выставок работ Аркадия Ивановича было высказано предложение — присвоить имя Вычугжанина Иркутскому училищу искусств. Мне понятно стремление людей, знавших и любивших Аркадия Ивановича, увековечить его имя. И я даже сочувствую этому стремлению. Но, согласитесь, училище должно носить имя основателя училища Ивана Лавровича Копылова. Он единственный, чье имя с гордостью и полным правом может носить училище искусств. Это была бы достойная память подвижнику.

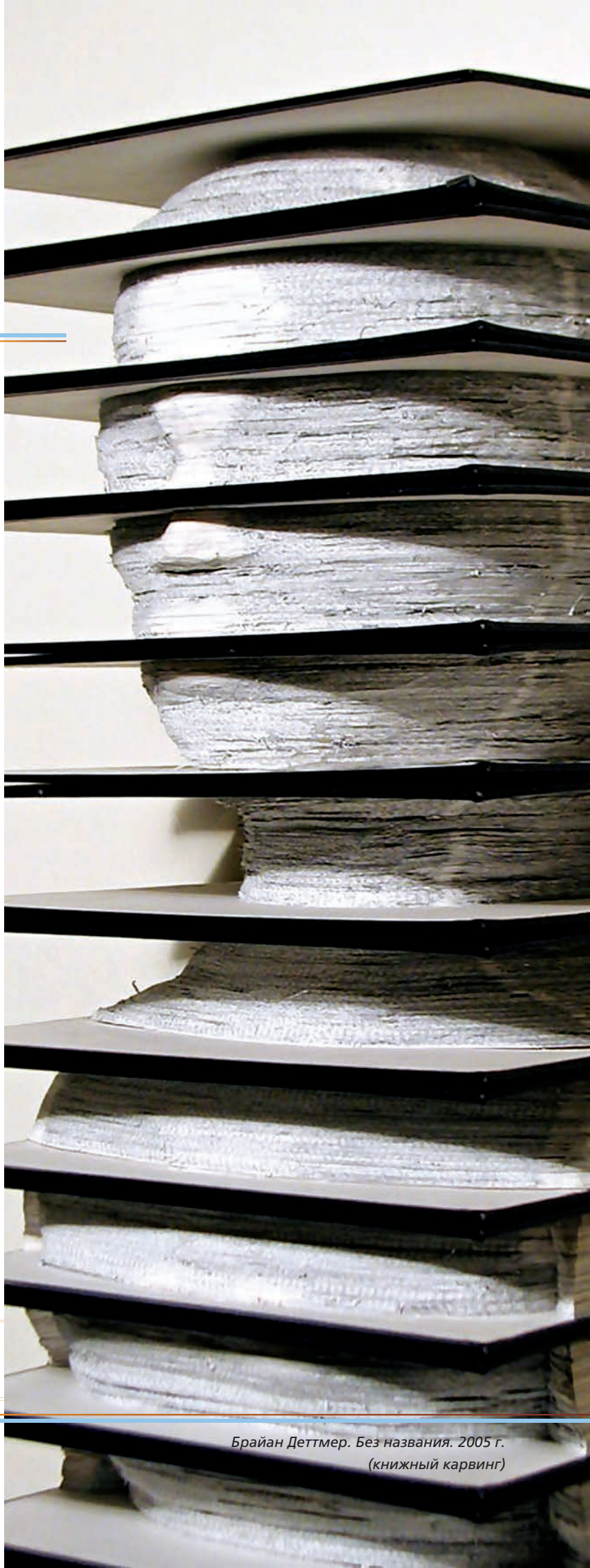
Что касается Вычугжанина, то тут дело несколько иного свойства. Аркадий Иванович прежде всего — художник. Я бы сказал, что для иркутян он является эталоном совести в искусстве. Его произведения должны всегда быть доступны. Они должны работать. Нельзя превращать имя художника в название, которое встанет в ряду с массой других, уже давно ничего не говорящих ни уму ни сердцу названий улиц, заведений, всевозможных офисов.

Самой достойной памятью художника могла бы стать небольшая галерея его произведений, с периодически меняющейся экспозицией. Это мог бы быть Дом русского искусства, где наряду с его произведениями беспрепятственно могли бы выставлять свои работы художники города и области. В этом доме могли бы проводить встречи все творческие силы области — и композиторы, и театральные деятели, и деятели кино, и писатели, словом все, кто всерьез озабочен состоянием нашей русской культуры. Создание такого Дома было бы хоть и небольшим, но весьма серьезным шагом в возрождении былой мощи русского искусства. Разобщение творческих сил, заложенное еще советской внутренней культурной политикой, весьма болезненно сказывается сегодня на состоянии национального искусства в целом, когда идет распад творческих союзов. Дом Русского творчества мог бы послужить объединению этих сил.

Вот такой Дом русского искусства вполне мог бы носить имя Аркадия Ивановича Вычугжанина.



Авторы номера



Брайан Деттмер. Без названия. 2005 г.
(книжный карвинг)

Протоиерей Александр Белый-Кругляков

родился в 1961 году в городе Усолье-Сибирское. Участвовал в военных действиях советских войск в Афганистане. С 1989 по 1992 год служил в Крестовоздвиженском храме города Иркутска. С 1992 года — настоятель православного храма Всех Святых, в Земле Российской просиявших, в городе Усть-Илимске, который строился при его духовном руководстве. Автор книги «Возвращение» о судьбе и раздумьях приходского священника.

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов)

родился в ауле Кэнессы Джамбульской области Казахстана. В 1974 году окончил лечебный факультет Винницкого медицинского института и работал участковым врачом, затем врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 году защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 году поступил в Московскую духовную семинарию, продолжал заниматься медицинской практикой. В 1986 году пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 году возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором Минской духовной семинарии и возведен в сан архимандрита. В 1991 году хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 году назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 года профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 году возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Ныне правящий архиерей Курганской епархии.

Галина Витальевна Афанасьева-Медведева

доктор филологических наук, директор Регионального Центра русского языка, фольклора и этнографии, член Союза писателей России, заведующая научно-исследовательской лабораторией по изучению традиционной культуры Сибири; автор нескольких книг и сотен статей, очерков, посвященных вербальной народной культуре Сибири. Фундаментальная работа Г.В. Афанасьевой-Медведевой — многотомный «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири». Этот «величественный труд», пишет известный русский писатель В.Г. Распутин в предисловии к нему, «именно энциклопедия, житие и сказание сибирских окраин… Славное, достойное нашего поколения, жития и вдохновенное, из уст этого жития, многоголосое сказание. И богатырский подвиг Галины Афанасьевой-Медведевой, подобного которому после XIX века, кажется, не бывало. А по мере трудничества, по объемам и размаху старательства на «золотоносных» сибирских землях, вероятно, и сравнить не с чем». «По богатству и ценности материалов титанический труд Галины Витальевны Афанасьевой-Медведевой сопоставим со словарем В.И. Даля. Он несомненно обогатит русскую культуру, литературу и войдет в золотой фонд отечественной науки». Так пишет в предисловии к Словарю отв. редактор, доктор филологических наук Ф.П. Сороколетов (С.-Петербург). В 2008 году Г.В. Медведева была удостоена премии Губернатора Иркутской области — за большой вклад в деле сохранения традиционной культуры Сибири, премии Святителя Иннокентия — за подвижничество, в 2011 году — премии «Интеллигент провинции», в 2012 году награждена орденом Дружбы.

Наталья Александровна Вертлиб

родилась в Иркутске. Закончила медицинское училище при ИГМИ. Закончила Иркутское художественное училище, декоративное отделение. Высшее художественное образование получила в Иркутском государственном техническом университете на кафедре монументальной жи-

вописи профессора В.Г. Смагина. Участник Международных и Всероссийских художественных выставок. С 2005 года член Союза художников России. С 2000 по 2012 год преподавала в Иркутском государственном университете на факультете сервиса и рекламы. С 2010 года — руководитель художественного отделения православной студии искусств при Михаило-Архангельском (Харлампиевском) храме.

Алексей Алексеевич Ганин

(28 июля 1893 — 30 марта 1925) русский поэт и прозаик, близкий друг Сергея Есенина, родился в семье крестьянина в деревне Коншино Вологодского уезда Вологодской губернии. Получил образование в двуклассном земском училище в селе Усть-Кубенское и городской гимназии в Вологде. Учился в Вологодском фельдшерско-акушерском училище (1911–1914). Первые свои стихи Ганин опубликовал в вологодской газете «Эхо» (1913). В 1914 году поэт пошел в армию и получил назначение в Николаевский военный госпиталь в Петербурге. В 1916 году он познакомился с Сергеем Есениным, служившим в госпитале Царского Села. В 1917 году Ганин вместе с Николаем Клюевым, Сергеем Есениным и Орешиным публиковался в альманахе левоэсеровской ориентации «Скифы». В 1918 году поэт познакомился с Александром Блоком. В том же году вступает в Красную Армию. Служит фельдшером. В 1920 году публикуется в имажинистском сборнике «Конница бурь». В 1920 году Ганин издает в Вологде миниатюрным изданием поэму «Звездный корабль». В 1923 году Ганин переехал в Москву, где участвовал в поэтических вечерах, посещал литературные кафе, жил у знакомых поэтов, а иногда ночевал на улице. У него практически никогда не было денег, тем не менее ему удалось выпустить 11 сборников, изготовленных литографическим способом. В 1924 году в Москве вышла его первая книга «Былинное поле». По своей направленности творчество Ганина было близко к творчеству новокрестьянских поэтов. В первые годы после революции Ганин создал ряд произведений, направленных (в иносказательной форме) против большевиков как врагов России и в первую очередь крестьянства: «России» (1918), поэмы «Сарай» (1917), «Былинное поле» (1917–1923). Сложным раздумьям о дальнейшем пути крестьянства в трудной и опасной для него исторической обстановке посвящает он своеобразный роман-притчу «Завтра» (1923). В начале 1920-х годов он с группой единомышленников создал программу спасения России от «ига еврейского интернационала», где выдвинул идею «Великого Земского собора», воссоздания национального государства и очищения страны от «поработивших ее захватчиков». Ганин написал антибольшевистские «Тезисы». Осенью 1924 года Алексея Ганина арестовали по обвинению в принадлежности к «Ордену русских фашистов». По приказу В. Менжинского, Г. Бокия и Я. Петерса был расстрелян в подвалах Лубянки после жестоких пыток, которыми руководил начальник седьмого отдела СО ОГПУ Абрам Славотинский. Прах Ганина погребен на территории Яузской больницы. В 1991 году в Северо-Западном издательстве вышел первый посмертный сборник его стихов и прозы с предисловием Станислава Куняева. В 2003 году именем Алексея Ганина назвали улицу в Вологде. На его стихи написаны романсы, в Вологде проходят вечера его памяти.

Наталья Викторовна Лясковская

родилась на Украине в городе Умань Черкасской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького в 1986 году (семинар Е.А. Винокурова, поэзия). Член Союза писателей России с 1997 года. Работала в центральных изданиях разной направленности — и рядовым журналистом, и главным редактором. В настоящее время — руководитель пресс-службы Международного Союза православных женщин, член Совета Союза православных женщин. Председатель жюри городского фестиваля детского и юношеского творчества «Юные таланты Московии». Автор множества поэтических публикаций в центральной и региональной прессе. Автор

нескольких поэтических книг для взрослых и детей. Переводчик с украинского, болгарского, польского. Обладатель диплома Софийского университета им. Климента Охридски по славистике. Автор многих опубликованных переводов с языков бывших республик СССР. Переводчик-синхронист Верховного Суда РФ с украинского и болгарского языков. В последние годы занимается православной публицистикой, автор десятков статей в печатных и интернет-изданиях.

Ольга Николаевна Четверикова

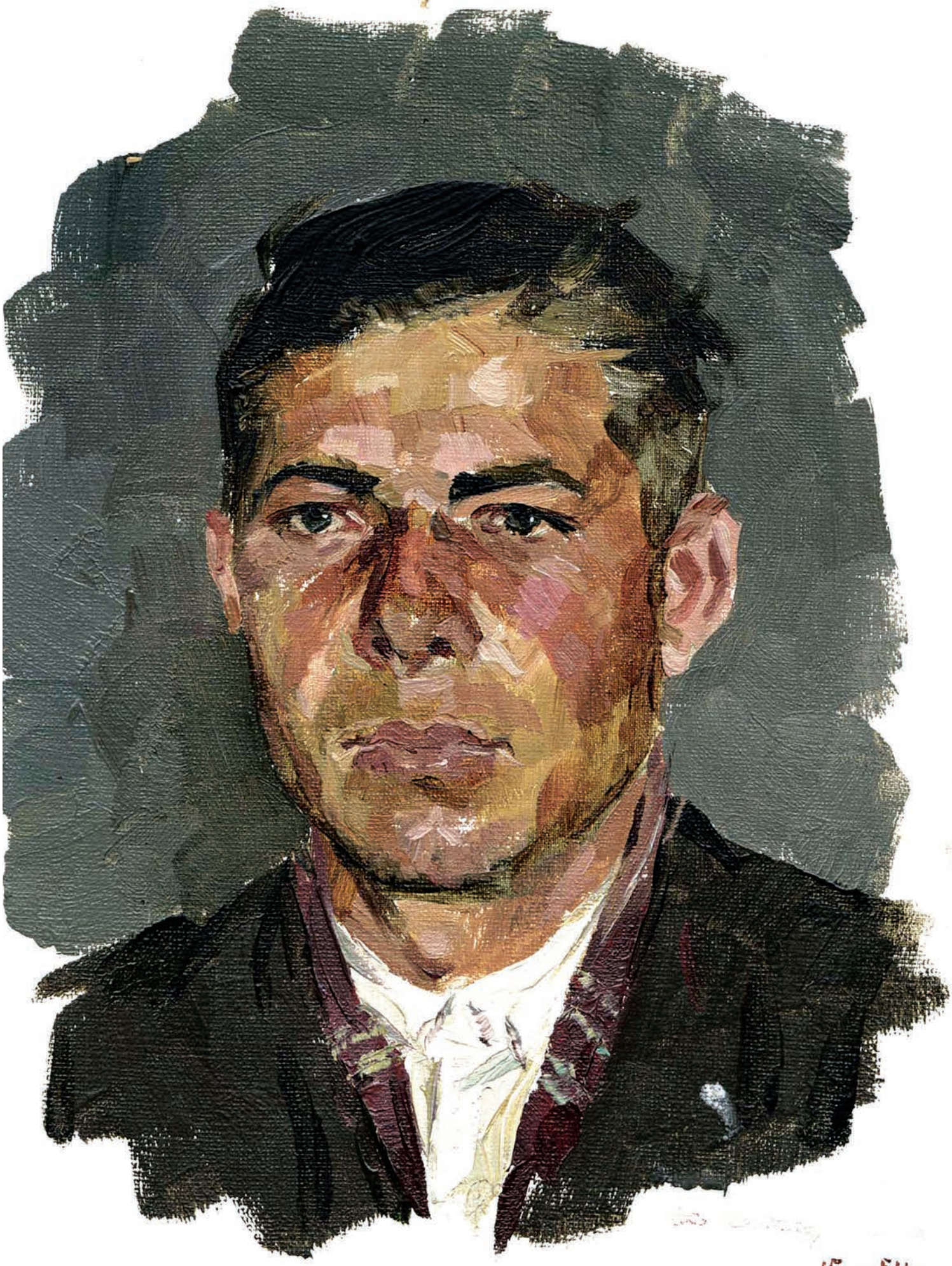
в 1983 году окончила факультет международных отношений Московского государственного института международных отношений. Работала в Институте общественных наук на кафедре международного рабочего движения. Специализировалась по проблемам социальной и политической истории стран Латинской Америки. Доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО–Университета МИД России; кандидат исторических наук. Имеет научные статьи по проблемам изучения особенностей политических религиозных движений, политического сознания и политической культуры латиноамериканских стран. Кандидатская диссертация на тему «Тенденции и противоречия рабочего движения в Перу в 1975–1980 гг.» посвящена исследованию социальных конфликтов в Перу в период пребывания у власти военного режима Моралеса Бермудеса. Кроме работы в институте сотрудничала с рядом газет и журналов, занималась вопросами политической истории России, имеет публикации по темам, связанным с русской политической культурой. Область научных интересов: основы и эволюция европейского религиозного сознания, Римско-католическая церковь в европейской геополитике, этнические и религиозные конфликты в Западной Европе в конце XX — начале XXI века, финансовые механизмы европейской политики новейшего времени, религиозно-финансовые аспекты глобализации, новые религиозные движения и корпоративная религия. Автор монографий: «Религия и политика в современной Европе» (М., 2005); «Культура и религия стран Запада. Европейские религиозные традиции: от истоков до наших дней» (М., 2009); «Измена в Ватикане: заговор пап против христианства» (М., 2011). Автор многочисленных статей.

Фёдор Леонидович Ясников

родился в 1949 году в Иркутске. Учился в Иркутском училище искусств. Работал художником-постановщиком и актером в Иркутском городском театре народной драмы (снялся в роли попа-расстриги в фильме Лидии Бобровой «Верую» по мотивам рассказов Василия Шукшина). Известен также как публицист, литератор, художник-портретист, фотохудожник и книжный иллюстратор. Принимал участие в художественной выставке «Портреты иркутских писателей». Оформлял сборники русских и зарубежных сказок, книги иркутских писателей: В. Распутина, А. Байбородина, А. Горбунова, А. Семёнова, Т. Суровцевой, С. Волковой. Выступает в местной прессе со статьями о положении в современном искусстве, об иркутских художниках, о состоянии русской культуры сегодня. Живет в Иркутске.

Анатолий Григорьевич Байбородин

после окончания Иркутского государственного университета занимался журналистикой, литературой, преподавал практическую стилистику русского языка и русскую народную этику на факультете филологии и журналистики ИГУ, работал директором издательства «Иркутский писатель». Ныне — исполнительный редактор альманаха «Иркутский Кремль». Автор десяти книг, изданных в Иркутске и Москве. Романы, повести, рассказы, фольклорно-этнографические, историко-публицистические, литературно-художественные очерки печатались в научных и литературных журналах Москвы, Новосибирска, Омска, Томска, Барнаула. Составитель книг «Думы о русском с древнейших до нынешних времен», «Россия древняя и вечная», «Русский месяцеслов».



15.IV.54г.

Александр Сыровой.

ТАИЩЕВА ИГОРЯ